

ПРЕДИСЛОВИЕ

За последние годы структура отношений безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе (АТР) претерпевает фундаментальные изменения в связи с окончанием холодной войны и ростом экономической интеграции, что обусловило необходимость выработки новой модели отношений в сфере безопасности на основе принципов взаимного доверия, национального суверенитета и многостороннего сотрудничества.

Становится более реальной перспектива перестройки отношений между странами региона через снижение уровней баланса сил и достижение баланса интересов. Однако оптимизм в связи с окончанием холодной войны не может заменить трезвого анализа всей картины мира.¹ Современная динамика международной жизни в АТР по-прежнему определяется противоречивым сочетанием сотрудничества и силового соперничества.

Проблема выработки новой модели отношений безопасности на региональном уровне актуальна не только для России. Современная система международных отношений нуждается в переосмыслении традиционных союзнических отношений и концепций коллективной безопасности. Разработка, теоретическое обоснование и апробация альтернативных моделей безопасности - насущная задача ученых, экспертов и политиков на рубеже XXI века.

Международные режимы, объединяющие в себе элементы международных институтов и неформальных норм, правил и принципов международного поведения, - интерпретируются в качестве компонентов модели безопасности на основе сотрудничества, которая идет на смену традиционным блоковым отношениям и системам коллективной безопасности в Азии.

Основываясь на анализе опыта и уроков построения систем региональной безопасности в Азии, автор исследует эволюцию формирования и базисные структурно-функциональные параметры региональных режимов безопасности в АТР, определяет роль и перспективы участия России в их развитии в период после холодной войны. Концепция региональной безопасности на основе сотрудничества дополняется конкретными, научно обоснованными механизмами своей реализации, отвечающими национальным интересам России в сфере международной безопасности.

Автор сосредоточился преимущественно на *политических аспектах обеспечения военной безопасности в АТР* с точки зрения национальных интересов России. Хотя в исследовании затрагивается ряд вопросов двусторонних отношений России со странами Северо-Восточной Азии (СВА) и АТР в сфере безопасности, основным предметом предлагаемой публикации являются прежде всего многосторонние усилия в области региональной безопасности, выходящие за традиционные рамки международных отношений на двустороннем уровне.

Хронологические границы монографии охватывают в основном 90-е годы, критический период фундаментальных геополитических изменений, обусловивших переход к новой модели обеспечения региональной безопасности. В целях должного обоснования

---

¹ Титаренко М. Л. *Россия и Восточная Азия. Вопросы международных и межкультурных отношений*. М., 1994. с. 49.

ряда положений и выводов некоторые вопросы, в частности, связанные с эволюцией концепций региональной безопасности, рассматриваются в большей ретроспективе.

В работе подвергнуты критическому анализу многочисленные публикации западных ученых и экспертов по проблемам азиатской безопасности. При этом отдается должное вкладу зарубежной политологии, прежде всего американской, в разработку нестандартной в научном плане (и актуальной в практически-прикладном) *теории международных режимов*, которая в своем адаптированном варианте составила теоретико-методологический каркас настоящего исследования.

Давно назрела необходимость разработки и апробации альтернативных моделей участия России в обеспечении региональной безопасности, с точки зрения ее национальных и геополитических интересов в АТР. В условиях необходимости переосмысления традиционных союзнических и блоковых отношений, а также новых вызовов интересам безопасности России, связанным с перспективой расширения НАТО на Востокⁱ, обоснование концепции региональных режимов безопасности имеет очевидное практическое значение.

Углубленная проработка основных форм и методов вовлеченности России в многосторонние усилия по созданию модели безопасности на основе сотрудничества, прогностическая оценка роли «российского фактора» в строительстве региональных режимов безопасности будут способствовать выработке адекватных представлений о политике Российской Федерации в сфере безопасности, защите и продвижению ее национальных интересов на азиатско-тихоокеанском направлении.

Прилагаемая Библиография, содержащая обширный перечень официальных документов и материалов, а также источников и литературы на русском, английском и китайском языках, может представлять самостоятельный интерес для всех, профессионально занимающихся проблемами международных отношений и региональной безопасности в АТР.

Философия и практика международных режимов созвучна внешней политике новой России. «Российская внешняя политика обретает достоинство и последовательность, - подчеркнул Президент Б. Ельцин в своем Послании Федеральному Собранию на 1997 г. - *Достойная внешняя политика учитывает чужие интересы, а не подстраивается под них. Защищая достоинство России, мы никогда не будем посягать на достоинство других стран, никогда не встанем на путь изоляции и ксенофобии*».ⁱⁱ

Участие в строительстве региональных режимов безопасности потребует от российской дипломатии определенной перестройки мышления и овладения современными политико-дипломатическими (прикладными) технологиями, связанными с отходом от широкомасштабных, но труднореализуемых инициатив в сторону более прагматичных и узко сфокусированных комплексных мероприятий.

ⁱ С этой точки зрения расширение НАТО на Восток - попытка подменить серьезную внутреннюю реформу этой организации имитацией геополитической экспансии в духе холодной войны.

ⁱⁱ *Порядок во власти - порядок в стране*. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации). *Российская газета*, 7 марта 1997 г.

Представленные в работе идеальная модель региональной безопасности на основе сотрудничества, в сочетании с практическими предложениями по строительству региональных режимов, помогут политикам, военным и научной общественности в координации их усилий по активизации российского присутствия в СВА и АТР в сфере безопасности.

Автор выражает признательность Московскому общественному научному фонду, Фонду «Российский общественно-политический центр», Московскому представительству Heritage Foundation, а также сотрудникам Международного Института стратегических исследований и Информационного Центра ООН в Москве за предоставленные материалы и иную помощь в подготовке настоящего исследования.

ГЛАВА 1

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В АТР

Начавшийся переход от биполярности к многополярности в Азии, вызванный сложным комплексом объективных и субъективных причин, обусловил необходимость кардинально нового подхода к обеспечению безопасности не только на основе баланса сил, но и с учетом интересов всех региональных держав, включая Российскую Федерацию.

Мощные интеграционные тенденции в сочетании с ростом новых региональных центров силы, развивающиеся в условиях информационно-технологической революции и революции в военном деле, требуют согласованных усилий заинтересованных держав в создании новой модели поддержания военно-политической стабильности и обеспечения безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе (АТР) и Северо-Восточной Азии (СВА).

Стратегическая ситуация в регионе после распада Советского союза и окончания “холодной войны” определяется следующими глобальными переменами:

- Переход от идеологической конфронтации к сотрудничеству по созданию международного экономического и политического порядка;
- Возникновение новых типов региональных конфликтов и войн;
- Изменение баланса сил между ведущими державами;
- Возрастание значения невоенных факторов нестабильности.

В наши дни усилия по строительству международного порядка все более диктуются политическими и экономическими интересами, нежели традиционными концепциями безопасности, основанной на двусторонних военных союзах. “Экономический эгоизм” государств - акторов международной системы побуждает их к многосторонним дискуссиям по выработке механизмов безопасности, соответствующих реалиям нового взаимозависимого мира.

Более детальный анализ проблем региональной безопасности следует предварить уточнением самого **понятия *Азиатско-тихоокеанского региона (АТР) и Северо-Восточной Азии (СВА)*** как его субрегиональной части. Вопросы безопасности играют весьма существенную роль в определении границ региона. Так, например, американские специалисты по стратегическому планированию, считая США единственной оставшейся сверхдержавой с практически неограниченной сферой ответственности, определяют границы АТР максимально широко. С точки зрения Вашингтона, регион простирается от северо-востока Аляски вдоль тихоокеанского побережья США до острова Диего-Гарсия в Индийском океане и границ Кашмира в Индии, вплоть до Персидского залива ¹.

Следует, однако, отметить, что столь «экспансионистское» определение региона не свойственно большинству специалистов других стран. Более того, некоторые из них полагают, что термин АТР не поддается понятийному обоснованию по географическим, экономическим или политическим признакам, и не имеет научного содержания ². Вместо этого предлагается пользоваться термином “Восточная Азия”, которая представляется особой зоной мировой политики, с присущей только ей региональной экономической и политической спецификой.

По мнению В.С. Мясникова, АТР включает в себя такие субрегионы, как Северо-Восточная Азия (СВА), Юго-Восточная Азия (ЮВА), Центральная Азия, Южная Азия, Южная часть Тихого океана (ЮТО).

В силу присущих им политических, экономических и этнокультурных отличий, а также весу на мировой арене и потенциалу интеграции данные регионы можно классифицировать как чистые и смешанные: чисто азиатские, в которых нет государств с преобладающим европейским населением (Центральная Азия, ЮВА, Южная Азия), смешанные - СВА, ЮТО и пр. Наиболее весом на международной арене субрегион СВА, в который входят Япония, Китай, Россия; ЮВА, благодаря действующей структуре АСЕАН, можно отнести к наиболее интегрированным.³

Некоторые российские авторы пользуются синонимическим термином “Дальневосточный регион”, в географическую зону которого входят, по их мнению, восточные части территории России и КНР, Япония, Южная Корея, КНДР, Тайвань, а также Монголия и Филиппины⁴.

Ряд зарубежных исследователей предпочитает говорить о северной части Тихого океана (North Pacific), куда включают Канаду, Китай, Японию, Северную и Южную Корею, Россию, США, а также Тайвань и Монголию.

В рамках настоящего исследования особое внимание уделено анализу проблем безопасности в Северо-Восточной Азии, поскольку этот субрегион, в отличие от Юго-Восточной Азии (ЮВА), имеет свои, особые интересы безопасности и обладает отчетливо выраженной спецификой в деле обеспечения безопасности и стабильности на субрегиональном уровне.

В субрегион СВА традиционно включаются КНР¹, обе Кореи, Россия, США и Япония, а также МНР, Гонконг и Макао (последние, географически входя в Северо-Восточную Азию, редко упоминаются в контексте проблем региональной безопасности). Соединенные Штаты, не принадлежа к региону географически, настолько вовлечены в его дела в экономическом и военно-политическом отношении, что не считать их ключевым игроком здесь просто нельзя.

Наиболее адекватной представляется трактовка субрегиона СВА как включающего российский Дальний Восток, Северо-Восток КНР, Японию, КНДР и Республику Корея с общей площадью суши 8,28 млн. кв. км (19 % всей территории Азии) и общей численностью населения 290 млн. человек (10 % всего населения Азии)⁵.

Автор, разделяя точку зрения ученых Института Дальнего Востока РАН о том, что к субрегиону СВА следует относить страны, граничащие с северной частью Тихого океана⁶, полагает также необходимым включать в границы субрегиона и США как державу с особым статусом, играющую ключевую роль в решении проблем региональной безопасности.

Исследование политических аспектов азиатско-тихоокеанских отношений безопасности дает возможность использовать, с определенной экстраполяцией, предлагаемое некоторыми теоретиками-международниками понятие «международного политического ре-

---

¹ По мнению автора, вопрос о вхождении Тайваня в субрегион не сводится к географическим дефинициям и определяется потенциальной готовностью Тайбэя участвовать в многосторонних мероприятиях по обеспечению региональной безопасности, при учете позиции и интересов КНР.

гиона», под которым понимается относительно самостоятельная подсистема межгосударственных отношений, объединенных некоторой специфической общностью присущих именно данному региону политических проблем и соответствующих им отношений.⁷

Такая трактовка подразумевает, что международный политический регион может не совпадать с географическим, что снимает в данном контексте актуальность спора о применимости понятия «Азиатско-тихоокеанский регион» к анализу проблем региональной безопасности, позволяя сосредоточиться на содержательной стороне вопроса.

1. 1. ТЕНДЕНЦИЯ К МНОГОПОЛЯРНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Переход от биполярности к многополярности в современных международных отношениях является сложным и противоречивым историческим процессом, который имеет отчетливо выраженную специфику применительно к отношениям безопасности в АТР, особенно в субрегионе Северо-Восточной Азии. Эволюция концепций региональной безопасности прослеживается в более общем контексте развития многополярных тенденций в АТР, который описывается рядом нижеследующих ключевых факторов:

I. Ускорение международной экономической интеграции на фоне роста новых центров силы. Экономический подъем в странах ЕЭС и Японии, превращение Китая в важный фактор мировой экономики и политики обозначили начало данного процесса даже в условиях американо-советского биполярного противостояния.

В 90-е гг. дальнейшему усилению многополярности способствовали экономическая и политическая интеграция Европы; рост значения Центральной Европы после объединения Германии; появление на мировой арене Японии как экономической сверхдержавы (и соответствующее расширение ее политической роли в международном сообществе); успехи Китая в проведении экономических реформ, а также возрастание и без того значительного потенциала Индии в Азии.

II. Прекращение “холодной войны” и дезинтеграция СССР, независимо от их причин и предпосылок (анализ которых не является предметом настоящего исследования), привели к резкому и значительному росту вакуума силы и военно-политической нестабильности в регионе, что изменило структуру взаимоотношений четырех региональных держав - России, США, Китая и Японии. Изменение характера регионального баланса сил уменьшило возможности США и России по поддержанию региональной стабильности и, соответственно, увеличило возможности (и амбиции) КНР и Японии.

Вышеописанные факторы лишь активизировали долговременные тенденции, развивавшиеся в отношениях безопасности азиатско-тихоокеанских стран на протяжении ряда десятилетий. Несовпадение национальных интересов, идеологические и культурные различия стран АТР расшатывали внутривблоковые связи, размывая региональный баланс интересов. Эрозия блоковой системы эпохи “холодной войны” и становление новых “центров силы” значительно ускорили трансформацию биполярной системы в многополярную.

Становление многополярности объективно сопровождалось ростом региональной нестабильности, подтверждая вывод классической политологии о том, что биполярная система увеличивает риск широкомасштабной тотальной войны, в то время как многополярная система стимулирует более частые конфликты и войны малой интенсивности ⁸.

После глобального крушения биполярной системы число региональных конфликтов значительно увеличилось. Так, только за период с 1989 по 1992 гг. ООН 13 раз вмешивалась в вооруженные локальные конфликты - столько же, сколько за предыдущие 40 лет ⁹.

Что касается пост-биполярной ситуации в Северо-Восточной Азии и АТР, то она характеризуется двумя противоречащими тенденциями - разрядкой в двусторонних отношениях некоторых стран на фоне нестабильности региональной структуры безопасности.

В частности, в субрегионе Северо-Восточной Азии сложились весьма влиятельные факторы, препятствующие созданию региональной системы безопасности:

- ⇒ Отсутствие общей угрозы или достаточно значительного изменения соотношения сил между региональными державами, которые побуждали бы к объединению усилий в сфере обеспечения безопасности;
- ⇒ Отсутствие доминирующих норм и ценностей, которые лежали бы в основе общепринятой концепции региональной безопасности;
- ⇒ Различие политических систем потенциальных стран-участниц ¹⁰.

Кроме того, ключевые проблемы безопасности в СВА носят преимущественно двусторонний характер (корейская проблема; Китай и Тайвань; российско-китайский пограничный вопрос и вопрос о т. н. “северных территориях” и пр.) и, соответственно, могут решаться лишь на уровне двусторонних отношений.

Некоторые азиатские политологи разрабатывают концепцию об извечном противостоянии континентальных (Россия, Китай) и морских (США, Япония) региональных держав ¹¹, также мешающем строительству региональной безопасности.

Некоторые азиатские политологи разрабатывают концепцию об извечном противостоянии континентальных (Россия, Китай) и морских (США, Япония) региональных держав ¹². С этой точки зрения специфика СВА и АТР заключается в противоречивом сочетании разрядочных тенденций в двусторонних отношениях на фоне общерегиональной нестабильности и неурегулированных конфликтных ситуаций.

Именно поэтому некоторые эксперты определяют СВА как субрегион “динамической мультиполярной стабильности”, которому свойственны не только высокая конфликтность и напряженность, но и “традиции искусной дипломатии, макиавеллизм и прагматизм” ¹³. При этом разрядочные тенденции выступают в многополярной системе в новой форме - соревнования по защите и продвижению интересов ключевых региональных держав мирными политико-дипломатическими средствами.

Новейшая история международных отношений в регионе отмечена постоянным поиском оптимального соотношения многополярности и биполярности, которое, по мнению теоретиков, наилучшим образом обеспечивает региональную стабильность, сводя к минимуму применение вооруженного насилия ¹⁴.

За последние годы сформировались две теоретические школы в области изучения проблем региональной безопасности, одна из которых признает необходимость многостороннего диалога как дополнения двусторонних отношений безопасности, а другая допускает существование в СВА и АТР систем коллективной безопасности по образцу ОБСЕ.

Представители обеих направлений ссылаются на опыт истории “холодной войны” в Азии, которая, в отличие от Европы, была усложнена советско-китайским конфликтом, манипулятивными отношениями Японии с обеими частями разделенной Кореи и пр. При этом следует учитывать, что сложившаяся после Второй мировой войны система обеспечения международной безопасности фактически обеспечивалась не ООН, а союзами кол-

лективной безопасности, созданными на основе региональных политических соглашений

15

Системы коллективной безопасности сыграли ключевую роль в обеспечении международного мира, однако в Азии, в силу описанных выше специфических причин, был сделан упор на развитие двусторонних оборонительных союзов. Тем интереснее проследить первоначальный опыт создания многосторонних структур обеспечения безопасности в АТР.

Еще в 1961 г. Госсекретарь в администрации Дж. Кеннеди Дин Раск выступил с инициативой “нового тихоокеанского сообщества” (New Pacific Community)¹⁶, которая, однако, была отвергнута большинством стран региона. Приверженность традиционной биполярной структуре внутрорегиональных отношений сохранялась в АТР еще длительное время. Начало конца биполярной эры в Азии обозначила т.н. доктрина Никсона, которая, по единодушному мнению обозревателей и специалистов, открыла “новую эру многополярной разрядки в Восточной Азии”.¹⁷

Визит президента Р. Никсона в Пекин в феврале 1972 г. и подписание Шанхайского коммюнике, и последовавший затем визит в Пекин премьер-министра Японии Танаки в сентябре того же года послужили водоразделом двух важных периодов развития международных отношений в Северо-Восточной Азии и АТР.

Если два предшествующих десятилетия характеризовались открытой биполярной конфронтацией и американской политикой “сдерживания коммунистической экспансии”, - то в течение последовавших двух десятилетий региональный баланс сил определялся более сложной многополярной конфигурацией.

Модифицированная структура международных отношений в СВА и АТР, с американо-японо-китайским сотрудничеством, с одной стороны, и советско-вьетнамской осью - с другой, отражала геополитические условия в регионе более точно, чем предыдущие идеологически ориентированные союзнические связи японо-американского союза против советско-китайской оси¹⁸.

Реализация **доктрины Никсона** явилась весомым фактором ускорения мультиполяризации в Восточной Азии. Сама доктрина и провозглашенная в ее рамках “политика уменьшения вовлеченности” (Disengagement Policy) предусматривали следующие основные направления:

- ◇ Сохранение Соединенными Штатами своих союзнических обязательств в регионе;
- ◇ Обеспечение “ядерного зонтика” для американских союзников в АТР;
- ◇ Оказание военной и экономической помощи союзным странам в соответствии с договорными обязательствами и при условии, что страна-реципиент будет в состоянии нести основное бремя оборонных усилий.

Политика “уменьшения вовлеченности” предусматривала прежде всего значительное сокращение численности размещенных в регионе американских войск, поскольку предполагалось, что баланс сил четырех региональных держав (СССР, США, Китая и Японии) позволит обеспечить американское присутствие на более низком уровне.

Сущность доктрины Никсона была выражена принципами самопомощи, первичной региональной ответственности и американской резидуальной ответственности¹⁹. Первый

предусматривал, что страна, подвергшаяся угрозе, должна сама нести основную ответственность за свою защиту. Второй предполагал сотрудничество стран региона в деле устранения причин, порождающих нестабильность. Принцип резидуальной ответственности означал готовность США к оказанию своим региональным союзникам военной помощи в должном объеме.

По мнению российских исследователей, Вашингтон, сформулировав доктрину Никсона, дал понять своим союзникам в регионе, что Соединенные Штаты будут помогать только тем из них, кто способен к самообеспечению в области обороны, намерен тесно сотрудничать с США и имеет значение для интересов их национальной безопасности²⁰.

Реализация доктрины Никсона ускорила становление многополярной структуры международных отношений в СВА и АТР.¹ В качестве основных отличительных особенностей последней постепенно утверждались общее ослабление военной и политической напряженности; эрозия военных альянсов эпохи холодной войны; усложнение механизма дипломатического взаимодействия; децентрализация процессов принятия решений на региональном уровне и больший учет альтернатив; возрастание значения средних и малых стран в решении региональных проблем²¹.

Среди факторов ускорения регионального сотрудничества в вопросах обеспечения безопасности можно выделить и разворачивающуюся на наших глазах **технологическую революцию и революцию в военном деле**.

Описывая трансформацию характера азиатского военного потенциала, В.Н. Бунин, например, отмечает, что если раньше доминантой военных формирований в Азии были пехотные дивизии, укомплектованные крестьянами, имевшие примитивное вооружение и ограниченный радиус действия, то сейчас азиатские страны более тяготеют в своей военной стратегии к техническим средствам обеспечения безопасности, нежели к экстенсивной живой силе²².

В отличие от эпохи “холодной войны”, сейчас военное будущее Азии определяется развитием океанского флота и подводных лодок, авиации и ПВО, средств дальней технической разведки и пр. Впервые за послевоенную историю вооруженные силы азиатских стран обрели способность достигать территории потенциального противника без экстраординарных усилий, что еще более подчеркивает необходимость региональных мер доверия и переговорного процесса в рамках обеспечения безопасности на основе сотрудничества.

Еще одним весомым доводом в пользу многосторонних мер обеспечения региональной безопасности является то обстоятельство, что цикл разработки, производства и размещения новых высокотехнологичных систем вооружений занимает как минимум несколько лет.

Чтобы упредить возможное нарушение баланса сил и неадекватное взаимное восприятие угроз, следует в приоритетном порядке приступать к закладыванию основ регионального контроля над вооружениями, до того, как наращивание военных усилий в той или иной области станет необратимым. Это в первую очередь касается оружия массового

---

¹ Диалектика биполярных и многополярных тенденций в АТР в 70-90-е гг. подробно прослежена в оригинальном исследовании А. Д. Богатурова. См.: Богатуров А. Д. *Современные теории стабильности и международные отношения России в Восточной Азии в 1970 - 90-е гг.* М., 1996.

поражения и средств его доставки, особенно баллистических ракет, а также новых систем ПВО и противоракетной обороны.

1. 2. ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (СТРАНОВОЙ АНАЛИЗ)

Более предметный и углубленный теоретико-методологический анализ концепций многосторонней безопасности в АТР (он явится предметом рассмотрения во второй главе) уместно предварить кратким очерком эволюции упомянутых концепций на страновом уровне,ⁱ преимущественно в ретроспективе последнего десятилетия, а также некоторого опыта их практической реализации.

РОССИЯ

Реестр советских и российских предложений и инициатив в сфере региональной безопасностиⁱⁱ весьма внушительен и берет свое начало в 60-е годы, когда отечественная дипломатия активно продвигала концепцию системы коллективной безопасности в Азии²³.

В условиях биполярного противостояния концепция коллективной безопасности, предлагавшаяся в качестве замены двусторонних и блоковых обязательств в сфере безопасности, имела крайне мало шансов на успех. К тому же, в обстановке советско-китайской конфронтации любые дипломатические инициативы Советского Союза, касающиеся АТР, воспринимались как имевшие антикитайскую направленность и известный пропагандистский налет.

В этом смысле ситуация мало менялась на протяжении 60-70-х годов, однако в начале 80-х гг. т.н. “новая холодная война” привела к очередному витку гонки вооружений и росту нестабильности не только в Азии, но и во всем мире. Появление нового класса ядерных вооружений (крылатые ракеты морского базирования) повлекло за собой изменение военно-морской стратегии сверхдержав и наращивание мощи и маневренности флотов. Вопросы ограничения военно-морской деятельности и соответствующих мер доверия вышли на первый план.

Во многом именно поэтому известные инициативы М. С. Горбачева, провозглашенные в июле 1986 г. во Владивостоке, касались прежде всего военно-морской деятельности в АТР. Предлагалось начать переговоры о сокращении активности военно-морских флотов на Тихом океане, в первую очередь кораблей, оснащенных ядерным оружием. Было предложено ограничить соперничество в сфере противолодочного оружия, достичь договоренности об отказе от противолодочной деятельности в определенных зонах Тихого океана, поддержать инициативу о создании безъядерной зоны на Корейском полуострове и в ЮВА, перевести в практическую плоскость обсуждение мер доверия и неприменения силы в регионе.²⁴

ⁱ Специальному анализу упомянутых концепций посвящены отдельные исследования. - См. напр. Бунин В. Н. *Япония в процессе формирования новой модели безопасности в СВА*. Информационный бюллетень № 10. ИДВ РАН. М., 1994.

ⁱⁱ Роль России в строительстве региональных режимов безопасности, во взаимосвязи с интересами ее национальной безопасности и внешнеполитическими приоритетами на современном этапе, подробнее рассматривается в пятой главе настоящего исследования.

Затем, в сентябре 1988 г., президент Горбачев в своей речи в Красноярске выдвинул предложение из 7 пунктов относительно проведения Общеазиатской конференции по безопасности и сотрудничеству, а также обеспечения мира в АТР, высказавшись за начало многосторонних консультаций о замораживании вооруженных сил и сокращении вооружений с целью снижения противостояния в регионах, примыкающих к береговой линии СССР, Китая, Японии, Южной и Северной Кореи.

В развитие Владивостокских инициатив (выступление М.С. Горбачева в Красноярске и интервью газете “Мердека”) в частности, предлагалось:

- Не наращивать количество самолетов - носителей ядерного оружия в азиатской части своей территории при условии, что США не будут дополнительно размещать в АТР ядерные средства, достигающие советской территории;
- Снижение активности и разъединение военно-морских флотов США и СССР в АТР. Было предложено установить районы плавания таким образом, чтобы корабли с ядерным оружием не приближались к побережью другой страны на расстояние действия своих бортовых ядерных средств. Предлагалось также ограничить противолодочную деятельность, включая авиационную, определенными районами.
- Ограничение числа и масштабов военно-морских учений, уведомление об их проведении, о взаимном отказе от учений и маневров в международных проливах (включая прилегающие к ним районы) и от применения в ходе учений боевого оружия в зонах традиционных морских путей ²⁵.

Из всего упомянутого пакета советских предложений ни одно не встретило поддержки США и их союзников в Азии. СССР продолжал продвигать региональные миротворческие инициативы, опираясь на своих союзников в АТР. Так, на встрече парламентариев социалистических государств Азии в Улан-Баторе в марте 1986 г. обсуждался коллективный подход к проблемам безопасности в Азии, согласование мер доверия, заключение странами АТР конвенции о взаимном ненападении и неприменении силы ²⁶.

На Международной конференции за безъядерный, мирный Корейский полуостров в Пхеньяне (сентябрь 1986 г.) предлагалось:

- ⇒ превратить Корейский полуостров в безъядерную зону;
- ⇒ запретить размещение иностранных военных баз и иностранных войск на Корейском полуострове;
- ⇒ прекратить формирование новых военных блоков и союзов, представляющих угрозу агрессии на Корейском полуострове и вокруг него;
- ⇒ запретить проведение военных маневров и увеличение вооруженных сил, сократить число войск и вооружений на территории Кореи;
- ⇒ начать переговоры с целью ослабления напряженности и создания благоприятных условий для объединения Кореи ²⁷.

Одно из наиболее значительных достижений советской дипломатии периода перестройки - нормализация отношений СССР и КНР. Она стала возможна в результате встречных усилий сторон, осознавших пагубность и бесперспективность идеологической конфронтации, ослаблявшей позиции России и Китая в регионе.

М. С. Горбачев, выступая в Пекине в мае 1989 г., предложил начать Общеазиатский процесс и утверждал, что поскольку в АТР не существует диалоговых систем и механизма ре-

гулярных многосторонних консультаций, настало время усилиями всех заинтересованных государств Азии начать поиск путей к общеазиатскому процессу в целях решения имеющихся проблем.

В августе 1990 г. после переговоров в Иркутске Госсекретарь США Бейкер и министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе официально заявили об окончании "холодной войны" в Азии, а в сентябре 1990 г. Э. А. Шеварднадзе в своем выступлении во Владивостоке вновь изложил идею Совещания по безопасности и сотрудничеству в Азии и предложил создать осенью 1993 г. во Владивостоке Общеазиатский форум. Осенью 1990 г. в ходе сессии Генеральной Ассамблеи ООН Э. А. Шеварднадзе организовал в Нью-Йорке встречу министров иностранных дел азиатских государств.

В декабре того же года М. С. Горбачев в интервью японской газете "Асахи" предложил учредить в АТР структуры, подобные Центру предотвращения конфликтов и Центру безопасности на море, которые тогда были созданы в Европе в рамках Хельсинкского процесса, а также организовать Совещание по безопасности и сотрудничеству в Азии (СБСА). Он отметил, что создание таких центров стало бы важной отправной точкой в ускорении урегулирования конфликтов в регионе.

Выступая в японском парламенте в апреле 1991 г., М. С. Горбачев напомнил о своей речи в Красноярске и предложил провести переговоры пяти сторон - США, СССР, Китая, Японии и Индии - как участников будущей встречи по вопросам безопасности в АТР, в рамках которой он выдвинул также идею Азиатско-Тихоокеанского консультативного процесса, заняв гибкую позицию относительно структурирования многостороннего диалога.

Следует отметить особую роль советской и российской научной общественности в разработке и продвижении и инициатив в сфере азиатской безопасности. Так, на протяжении ряда лет Институт Дальнего Востока РАН активно участвовал в поиске путей к миру и сотрудничеству в АТР.

Во второй половине 80-х годов на семинарах Института Дальнего Востока РАН и Центра международной безопасности и контроля над вооружениями (ЦМБКВ) Стэнфордского университета были разработаны четыре совместных документа по вопросам укрепления мира и безопасности и мер доверия в США и на Корейском полуострове.

Среди наиболее значимых идей, апробированных на международных форумах и взятых на вооружение дипломатами - предложение о создании комитета стран АТР по ядерной опасности на уровне министров обороны или начальников генеральных штабов, который объективно анализировал и оценивал бы подвижки в балансе и дислокации ядерных вооружений в регионе, информировал правительства и общественность; идея постоянно действующего международного научного форума по проблемам азиатско-тихоокеанской безопасности, и другие.²⁸

Наиболее значителен вклад специалистов ИДВ РАН в разработку путей и способов достижения мира и разрядки на Корейском полуострове. В июне 1986 г. на международной научной конференции в Алма-Ате представители Института Дальнего Востока и ЦМБКВ Стэнфордского университета выработали и опубликовали совместный документ *«Об укреплении безопасности и развитии сотрудничества на Корейском полуострове»*,

который был передан правительствам СССР, США, КНР, КНДР и РК и воспринят ими с пониманием.

Общеизвестны пять принципов политического урегулирования корейской проблемы, включающие в себя:

- ◆ Осознание реальностей на Корейском полуострове, которые включают в себя существование двух государств, КНДР и РК, с отличными социально-политическими и экономическими системами и международными обязательствами и связями.
- ◆ Уважение стремления обеих частей Кореи к объединению, что не может являться препятствием для развития самостоятельных отношений третьих стран с двумя корейскими государствами на основе принципов мирного сосуществования.
- ◆ Распространение разрядки и роста доверия на основе баланса интересов и уважения выбора каждого народа на стратегические взаимоотношения США, КНР и России в Северо-Восточной Азии с целью ослабления напряженности и стимулирования конструктивного диалога между Севером и Югом Кореи.
- ◆ Признание Корейского полуострова общим домом корейского народа, выработка в ходе многосторонних переговоров с участием КНДР и РК международных гарантий мира и безопасности на полуострове (США, КНР, Россия, Япония и ООН выступили бы в роли гарантов).
- ◆ Рассмотрение вопроса о выводе иностранных войск и ядерного оружия с Корейского полуострова в контексте общего развития ситуации в регионе и трехсторонних переговоров между КНДР, РК и США.²⁹

В ходе встреч с зарубежными коллегами сотрудники ИДВ РАН обосновали положение о важности придания российско-американскому партнерству «азиатского измерения». Выдвинутая в октябре 1987 г. двумя научными центрами «Программа укрепления безопасности и снижения риска войны в АТР» содержала разработки по мерам доверия и концепции переговоров по контролю над вооружениями, которые способствовали заметному продвижению переговорного процесса по проблемам региональной безопасности и сотрудничества.

В совместных документах ИДВ РАН и ЦМБКВ Стэнфордского университета были правильно и своевременно оценены перспективные тенденции развития многосторонних отношений безопасности в СВА и АТР и предложены адекватные практические меры, большая часть которых реализована или находится на столе переговоров.³⁰

В последний период своего существования СССР предпринял ряд действенных односторонних шагов, направленных на укрепление доверия и снижение уровня военного противостояния в регионе, к которым можно отнести ликвидацию ракет малой и средней дальности (РМСД); обещание не наращивать свой ядерный потенциал в АТР; сокращение вооруженных сил и вооружений в азиатской части страны; вывод советских войск из Монголии; переговоры о взаимном сокращении вооруженных сил и укреплении мер доверия в районе советско-китайской границы, и др.³¹

В 1989-1990 гг. было уничтожено 436 РМСД; группировка советских войск в восточной части СССР была сокращена на 200 тысяч человек, в том числе 120 тыс. чел. - на Дальнем Востоке. Сухопутные войска были сокращены на 12 дивизий; расформированы 11 авиаполков; 16 кораблей выведены из боевого состава Тихоокеанского флота. Из Монголии были выведены три дивизии, в том числе две танковые, и вся авиационная

группировка. Началась структурная перестройка войск вдоль дальневосточной границы СССР и ее демилитаризация.³²

Подводя итог краткому обзору советских мирных инициатив в АТР, следует отметить следующие существенные различия между “брежневскими” и “горбачевскими” (Койт Блэкер) предложениями по строительству азиатской региональной безопасности:

- I. В то время как предложения 60-70-х годов предусматривали прекращение всех двусторонних соглашений по вопросам безопасности в регионе и замену их серией многосторонних гарантий, владивостокско-красноярские инициативы таких задач не ставили.
- II. Брежневская концепция системы коллективной безопасности в Азии предусматривала поддержание геополитического статус-кво в регионе, а инициативы М. С. Горбачева такого результата не предусматривали.
- III. Идея системы коллективной безопасности интерпретировалась (по крайней мере, на Западе) как проект дипломатической и политической изоляции Китая, владивостокский же вариант был явно направлен на улучшение советско-китайских отношений, снижение военной напряженности и развитие сотрудничества³³.

По справедливому суждению М. Л. Титаренко, главное значение владивостокско-красноярских инициатив состоит в том, что они заложили новую, более прочную основу политики СССР и России в Северо-Восточной Азии и АТР. Хотя в этих инициативах сохранилась известная доля политического романтизма (во многом они исходили скорее из должностования, нежели из реальной ситуации), благодаря им советская политика в Азии совершила принципиальный переход от блоковой, конфронтационной модели международных отношений в АТР к сотрудничеству и поиску баланса интересов.

Итоги же практической реализации владивостокских инициатив в целом позитивны. Был похоронен миф о советской угрозе в Азии, нормализованы советско-китайские отношения, установлены дипломатические отношения между СССР и Республикой Корея, начался диалог Японии и США с КНДР, а также диалог Север-Юг на Корейском полуострове. От преимущественно военных средств обеспечения безопасности страны был сделан переход к политическим средствам в сочетании с военными.³⁴

США

Позиция США относительно многосторонних механизмов безопасности в Северо-Восточной Азии и АТР также претерпела весьма значительную эволюцию. Она определялась как динамикой обстановки в Азии и мире, так и сменой подходов администрации и Конгресса США к решению проблем региональной безопасности.

Привычная политика жесткого баланса сил и “сдерживания коммунизма”, а также роль лидера в системах коллективной безопасности выработали определенные политические стереотипы, явно мешавшие Вашингтону адаптироваться к участию в системах обеспечения безопасности на основе сотрудничества.

Несмотря на обилие выдвигавшихся в 70-80-х гг. предложений по созданию систем коллективной безопасности в Азии, они неизменно отвергались США и их союзниками как угрожавшие американскому присутствию в регионе, основанному на структуре двусторонних оборонительных пактов.

Постепенное изменение отношения к многосторонним подходам прослеживается с начала 90-х гг., когда американская администрация, оценив всю серьезность региональных торгово-экономических споров для национальных интересов США (вкуче с отказом парламента Филиппин пролонгировать соглашения о базах), стала уделять большее внимание таким организациям, как АСЕАН и АТЭС, - не только в вопросах экономики, но и в сфере региональной безопасности.

Важность АТР для американских национальных интересов иллюстрируется, например, тем что объём торговли США с Восточно-азиатским регионом значительно превышает торговлю со странами евроатлантического региона, а среди 10 крупнейших торговых партнеров США не менее четырех - государства Восточной Азии: Япония, Китай, Тайвань, Республика Корея. В 1993 г. общий объём торговли США с азиатскими странами составил 375 млрд. долл., что давало работу почти 3 млн. американцев.³⁵

Американские компании вложили в китайскую экономику 26 млрд. долл. (80 % этой суммы приходится на период после 1992 г.). США заняли третье место по объему иностранных инвестиций в КНР после Гонконга и Тайваня. Американские инвестиции в Гонконге достигли еще 12 млрд. долл.; торговая палата США в Гонконге - крупнейшая в мире.³⁶

Было признано возможным в большей степени полагаться на союзнические оборонительные усилия и альтернативные способы их стратегического обеспечения, в сочетании с многосторонними подходами, применением мер доверия, разрешением конфликтных ситуаций на основе переговоров и развертыванием новых диалогов по проблемам безопасности.

Первые шаги в этом направлении были сделаны администрацией Дж. Буша в начале 90-х гг. Госсекретарь США Дж. Бейкер в опубликованной в декабре 1991 г. статье признал заинтересованность Соединенных Штатов в развитии многостороннего диалога стран региона по вопросам безопасности, признав, что США могут столкнуться с необходимостью перестройки своей стратегии относительно размещения и роли своих вооруженных сил за рубежом. Он выдвинул также идею многостороннего субрегионального форума для обсуждения корейской проблемы по формуле “два плюс четыре”, с участием США, Китая, России, Японии, КНДР и РК.³⁷

После Второй мировой войны Соединенные Штаты поддерживали в основном двусторонние отношения со странами Восточной Азии. Сейчас, когда страны региона начинают ощущать свою значимость, в Вашингтоне осознают необходимость играть более деликатную многостороннюю роль баланса сил.

Как отмечали американские специалисты по Азии Ричард Дж. Эллинс и Эдвард А. Олсен, Вашингтону не следует становиться “дистанционным балансиром” в Тихом океане, выводя свои войска и позволяя Китаю, России и Японии нейтрализовывать друг друга. США должны играть роль “вовлеченного балансира”, поддерживая “постоянное умеренное военное присутствие в Азии” и предпринимая “решительные шаги на внешних и внутренних фронтах по укреплению американской экономики, приданию равноправного характера альянсу с Японией и разделению ответственности за мир в Азиатско-тихоокеанском регионе”.³⁸

По мнению американских аналитиков, Соединенным Штатам, как единственной стране в регионе, не имеющей военных противников, следует продолжать играть роль “регионального балансира”, при усилении попыток достичь консенсуса среди заинтересованных держав относительно выработки общих стратегических подходов в отношении региональной безопасности и кризисного реагирования. При этом сам по себе многосторонний диалог не способен привести к автоматической конвергенции национальных интересов государств АТР и их взглядов на приемлемую модель обеспечения региональной безопасности.³⁹

15 мая 1992 г. специальный помощник Госсекретаря США по делам Восточной Азии и Тихого океана Ричард Соломон заявил о готовности Соединенных Штатов участвовать в работе многостороннего консультативного органа для решения региональных проблем. Несколько позже эту идею поддержал председатель подкомиссии Сената США по делам АТР Стивен Соларз, подчеркнув, что подобный консультативный орган обеспечения коллективной безопасности мог бы быть подотчетен СБСЕ.⁴⁰

В мае 1992 г. администрация Дж. Буша обнародовала т. н. Региональную Оборонную Стратегию, как часть Директивы оборонного планирования (*Defense Planning Guidance*) на 1994-1999 гг. Стратегия была ориентирована на обеспечение абсолютного американского превосходства над потенциальным противником как в Евроатлантическом, так и в Азиатско-тихоокеанском регионе. Первоначальный вариант документа, подвергшийся критике со стороны Конгресса и союзников США, был к концу 1992 г. доработан с учетом большей роли региональных партнеров США в обеспечении региональной безопасности.

Настороженное отношение администрации Дж. Буша к многосторонним механизмам обеспечения региональной безопасности объяснялось, по мнению экспертов, нежеланием сколько-нибудь серьезно менять структурные основы обеспечения безопасности, сложившиеся в эпоху “сдерживания коммунизма” и более или менее надежно обеспечивавшие национальные интересы США за четыре послевоенных десятилетия. Тем не менее, подходы официального Вашингтона претерпевали определенную эволюцию.

Еще в 1989 г. вслед за сенатской поправкой Нанна-Лугара Госдепартамент США начал разработку новой концепции стратегического сотрудничества с американскими союзниками в регионе, которая была обнародована в апреле 1990 г. под названием “*Основы стратегического сотрудничества в АТР на рубеже XXI века*” (*EASI*).

Концепция предусматривала сокращение американского военного присутствия при поддержании необходимого потенциала сдерживания в регионе. Стратегия “пропорциональной вовлеченности” отводила США роль регионального балансира, способного обеспечивать региональную стабильность на основе сосредоточения при необходимости имеющихся ресурсов против широкого спектра потенциальных угроз.⁴¹

В июле 1992 г. был опубликован обновленный в соответствии с Региональной Оборонной Стратегией вариант “Основ стратегического сотрудничества” (*EASI-II*). В нем отмечалось, что поскольку широкомасштабная война в Азии маловероятна, ограниченный контингент американских вооруженных сил должен обеспечивать возможность противостояния потенциальным угрозам и защиты союзников США (Японии и Южной Кореи) на основе укрепления тактических соединений авиации и флота.⁴²

Предусматривалось поэтапное сокращение личного состава американских войск в АТР на 10-12 % (около 15 тыс. чел. от общего числа 135 чел.), при дальнейших сокращениях в течение 10 лет до уровня 100 тыс. чел.

Приход администрации Билла Клинтона существенно ускорил эволюцию американской позиции в отношении многосторонних механизмов обеспечения региональной безопасности. Выработка соответствующих подходов велась в рамках общей политической дискуссии между “интервенционистами” и “изоляционистами” относительно роли многосторонних подходов в осуществлении внешней политики США.

Наиболее ярко позицию новой администрации выразила постоянный представитель США при ООН М. Олбрайт, выступая в сентябре 1993 г. перед слушателями Университета Национальной Обороны:

“Некоторые говорят, что мы должны сделать выбор между односторонностью и многосторонностью, глобальным и региональным, силой и дипломатией, - но это не так. В эту новую эру у нас есть гибкость в проведении разумного курса, чтобы не слушать как тех, кто призывает нас вмешиваться повсюду, так и тех, кто нигде не усматривает необходимости американского присутствия. У нас есть полный набор рабочих инструментов внешней политики, и мы будем выбирать наиболее эффективные из них в каждом конкретном случае”.⁴³

К исходу первой половины 90-х гг. совокупность представлений американских экспертов и политиков относительно роли и возможностей США в отношении многосторонних механизмов обеспечения международной безопасности можно было сформулировать следующим образом:

- ◆ В течение предстоящего десятилетия размах и степень применения насилия в международных отношениях скорее всего будет возрастать.
- ◆ США должны играть ведущую роль в поддержании международной стабильности.
- ◆ Основу вклада США в международные усилия по поддержанию мира должен составлять уникальный потенциал проекции военной мощи (power projection).
- ◆ Военная мощь Соединенных Штатов при этом недостаточно велика, чтобы нести такое бремя в одиночку. К тому же, американский народ не согласится с ролью “мирового полицейского” для своих вооруженных сил.⁴⁴

Основы азиатско-тихоокеанской стратегии новой администрации были сформулированы Уинстоном Лордом на слушаниях в Конгрессе 31 марта 1993 г. по его утверждению на посту специального помощника Госсекретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана.

Т. н. “десять основных целей американской политики в АТР” включали в себя, среди прочего, укрепление связей с Японией; участие в решении корейской проблемы; углубление отношений с АСЕАН и АТЭС и др.⁴⁵ Одной из 10 целей американской дипломатии в АТР Уинстон Лорд назвал “развитие многостороннего форума для обсуждения проблем безопасности при сохранении существующих союзнических отношений”.

Как отмечали обозреватели, “десять пунктов” У. Лорда были изложены расплывчато и подчас противоречили друг другу, а потому не могли претендовать на роль новой азиатско-тихоокеанской доктрины США.

Этот пробел был восполнен самим президентом Клинтонем, который в ходе встречи “большой семерки” в Токио и последовавшего официального визита в Сеул, в июле 1993 г., провозгласил доктрину “нового тихоокеанского сообщества”, реализация которой в числе приоритетных направлений предусматривала новый многосторонний диалог по проблемам региональной безопасности; поддержание американского присутствия и традиционных союзнических связей; предотвращение распространения оружия массового уничтожения, а также продвижение демократии и прав человека.⁴⁶

В октябре 1993 г. Министерством обороны США был опубликован Основной доклад по вопросам обороны (*Bottom-Up Review*). Этот документ, разработанный под руководством министра обороны Леса Эспина и председателя Объединенного Комитета начальников штабов (ОКНШ) Колина Пауэлла, был призван обеспечить скоординированный подход к выработке военной стратегии и структуре размещения вооруженных сил при сокращениях военного бюджета.

Доклад содержал перечень угроз для национальной безопасности США, возникших в период после окончания “холодной войны”:

- 1) Распространение ядерного и других видов оружия массового уничтожения.
- 2) Региональные угрозы, которые могут быть спровоцированы не только опасностью широкомасштабной агрессии крупных региональных держав, но и локальными, в том числе внутренними конфликтами, государственным терроризмом и подрывными действиями дружественных правительств.
- 3) Угрозы демократии и реформам в бывших коммунистических странах.
- 4) Экономические угрозы национальной безопасности.⁴⁷

Основной доклад по вопросам обороны не придавал прежнего значения концепции передового базирования и контроля на морях, ставя на их место концепцию быстрого развертывания и возможности мобильных амфибийных сил в урегулировании региональных кризисов и конфликтов. В качестве новой стратегии “предотвращения и партнерства” документ предусматривал возможность одновременного участия и победы в двух региональных конфликтах (в качестве примера приводились район Персидского залива и Корейский полуостров).

В *Bottom-Up Review* подтверждалась готовность администрации и далее укреплять Тихоокеанское командование материальными и финансовыми ресурсами.ⁱ Ставилась цель сравнить в течение нескольких лет численность личного состава американских войск в АТР и в Европе.

В феврале 1995 г. администрация Клинтона опубликовала очередной доклад под названием “*Стратегия безопасности в регионе Восточной Азии и Тихого Океана*” (*EASR*), своего рода модификацию EASI-I (апрель 1990) и EASI-II (октябрь 1992), в котором отмечалось, что в течение довольно продолжительного срока, по крайней мере до 2000 г., будет сохранен нынешний уровень американского военного присутствия в СВА численностью 100 тыс. чел.

ⁱ По данным находящегося в Вашингтоне Центра оборонной информации, на долю американских войск в Азии приходилось 44 млрд. долларов, или 15 % военного бюджета в 1994 финансовом году. - См. *Adelphi Papers* 299, с. 16.

Подчеркивалось, что Соединенные Штаты и впредь намерены проводить политику всестороннего участия в делах региона, включая экономическую, дипломатическую, военную и другие сферы.

Наряду с констатацией значения двусторонних оборонительных союзов как “сердцевины” американской стратегии в регионе, в EASI-III признавалась необходимость для Соединенных Штатов создания “уровней и слоев многосторонних связей”, которые дополняли бы систему двусторонних союзов. Последняя, как подчеркивалось в документе, более управляема по сравнению с многосторонними механизмами, поскольку “ведущие страны АТР весьма различаются в восприятии угроз, культуре, истории, политических системах и уровне экономического развития”.⁴⁸

По мнению аналитиков, в EASI-III была отражена своего рода стратегия “наведения мостов”, которая оставляла возможность реагирования в зависимости от развития событий, но позволяла избегать структуры полномасштабного регионального сдерживания или явно антикитайской направленности.

Вышеупомянутые документы и дипломатические инициативы, связанные с выработкой новой американской стратегии в АТР, отличались общей логикой - “больше того же самого, но с меньшими издержками”. В основе подходов администрации Буша и Клинтона неизменно лежали соображения о том, что (1) в АТР происходят драматические структурные изменения; (2) следует добиваться сокращения американского военного присутствия в регионе в связи с бюджетными ограничениями; (3) основу региональной безопасности составляет система двусторонних оборонительных союзов.

Если при Дж. Буше процесс стратегического планирования определялся в основном колебаниями бюджета, то администрация Клинтона принимала во внимания также последствия войны в Персидском Заливе и внутривосточные соображения. Попытки обеих администраций сформулировать новую американскую стратегию в АТР после окончания “холодной войны” сталкивались с постоянной необходимостью продемонстрировать американским гражданам “дивиденды мира”.

В целом стратегические приоритеты Вашингтона в Азии остаются неизменными. Как отмечается в докладе Фонда «Наследие» *«Восстанавливая американское лидерство: программа внешней и оборонной политики США»*, основными стратегическими задачами Соединенных Штатов в Азии по-прежнему должны быть обеспечение свободы судоходства, беспрепятственного доступа на региональные рынки и предотвращение доминирования в регионе какой-либо страны или группы стран.⁴⁹

Более развернуто американские интересы в Азии формулируются в настоящее время следующим образом:

1. Обеспечение режима открытого и свободного торгового судоходства.
2. Поддержание стратегического баланса между Китаем, Японией, Корейским полуостровом и странами ЮВА, и предотвращение гонки вооружений в регионе.
3. Борьба за открытие и дерегуляцию азиатских рынков для американских товаров и услуг.
4. Соблюдение режима двусторонних и многосторонних соглашений и договоренностей в регионе, и применение санкций к их нарушителям.

5. Укрепление дружественных отношений с ключевыми союзниками в регионе, прежде всего Японией, Южной Кореей и Тайванем.⁵⁰

ЯПОНИЯ

Эволюция позиции ключевого американского союзника в регионе - Японии - сыграла весьма важную роль в утверждении многосторонних подходов к обеспечению безопасности в СВА и АТР.ⁱ Традиционно сдержанное отношение японской правящей элиты к этому вопросу объясняется наличием Статьи 9 в Конституции 1947 г., запрещающей создание потенциала для ведения войны и участие в системах коллективной безопасности.

Кроме того, на протяжении десятилетий Япония всецело полагалась на японо-американский Договор о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности как основное средство обеспечения своей безопасности. При всех перепадах в японо-американских отношениях у обеих сторон никогда не было сомнения в том, что Договор является стержневым звеном обеспечения безопасности в субрегионе, и останется таковым на обозримую перспективу.

Однако новый статус Японии как экономической сверхдержавы, основного донора и инвестора не только в Азии, но и в мире, а также изменение баланса сил в СВА и АТР после окончания “холодной войны” заставили японскую правящую элиту более широко взглянуть на возможную вовлеченность страны в многосторонние механизмы обеспечения безопасности.

Первым шагом в этом направлении явилась инициатива министра иностранных дел Японии Накаямы, предложившего в июле 1991 г. на встрече АСЕАН в Куала-Лумпуре использовать пост-министерские встречи АСЕАН для обсуждения вопросов региональной безопасности. Соединенные Штаты поддержали эту идею на следующей пост-министерской встрече АСЕАН в 1992 г.

Позднее премьер-министр Миядзава высказался в поддержку предложения премьер-министра Австралии Пола Китинга о том, чтобы 15 стран - членов Азиатско-тихоокеанского совета по экономическому сотрудничеству (АТЭС) использовали свои регулярные саммиты для институционализации сотрудничества в области политики и безопасности по образцу СБСЕ.⁵¹

В октябре 1992 г. премьер-министр Миядзава в ходе своего визита в Вашингтон призвал Соединенные Штаты подключиться к формированию структуры регионального диалога по вопросам безопасности, с участием стран АСЕАН и их партнеров по диалогу, а также России и Китая. В более развернутом виде эти предложения, названные позднее “доктриной Миядзавы”, были сформулированы во время визита премьер-министра Японии в Бангкок в январе 1993 г.

Именно это событие, а также последовавшее решение японского парламента об участии японских подразделений в миротворческих операциях в Камбодже под флагом ООН, обозначили поворот во внешней политике страны в сторону многосторонних усилий по обеспечению безопасности и стабильности.

ⁱ Подробнее об этом см.: Эволюция оборонной политики и концепций обеспечения безопасности Японии в АТР. *Экспресс-информация* № 10. ИДВ РАН. М., 1996.

Официальная позиция японского правительства в отношении региональной безопасности в АТР с 1992 г. формулировалась следующим образом:

- ◇ следует поддерживать диалог на двусторонней основе и субрегиональные подходы;
- ◇ многосторонний диалог по вопросам региональной безопасности должен дополнять двусторонние диалоги;
- ◇ необходимо укреплять американо-японское политическое сотрудничество;
- ◇ целесообразно сохранять американское присутствие;
- ◇ необходимо укреплять экономическое сотрудничество и развитие.⁵²

На прошедшей 23-24 мая 1994 г. в Бангкоке встрече старших должностных лиц Регионального форума АСЕАН Япония предложила обсудить меры по созданию структуры мер доверия в регионе, в том числе обеспечение транспарентности оборонной политики стран региона, учреждение Центра операций по поддержанию мира, обмена делегациями представителей военных ведомств.

Подводя черту под более чем пятидесятилетними дебатами вокруг антивоенных статей японской конституции, новый социалистический премьер Т. Мураяма высказался в пользу того, чтобы Япония могла иметь свои вооруженные силы. Это заявление было сделано на фоне активизации усилий Японии по участию в коллективных миротворческих акциях, а также ее претензий на членство в Совете Безопасности ООН.ⁱ

28 ноября 1995 г. были опубликованы данные о пересмотре правительством Японии оборонной политики страны, который проводился впервые с 1976 г. Разработка документа сопровождалась бурной политической дискуссией, в ходе которой премьер Мураяма от имени Социалистической партии настоял на подтверждении антиядерной политики Японии и отказе от экспорта вооружений.

Как сообщил журнал “Экономист”, в доклад по новой оборонной политике Японии, вопреки ожиданиям, не было включено положение о “коллективной самообороне”, которое могло бы открыть путь для участия страны в системах коллективной безопасности.⁵³ Не оправдались и прогнозы о создании специального армейского подразделения для участия в международных миротворческих акциях. Доклад об оборонной политике предусматривал сокращения сухопутных и военно-морских сил, а также истребительной авиации, при некотором усилении военно-транспортной авиации.

В целом Япония продолжает полагаться на японо-американский оборонительный союз как основу обеспечения своей безопасности, и именно через эту призму рассматривать свое возможное участие в многосторонних механизмах по обеспечению безопасности в СВА и АТР. Этот союз подвергся испытанию в ходе политического скандала, возникшего в конце 1995 г. после очередного инцидента, связанного с поведением американских военнослужащих на Окинаве.ⁱⁱ

ⁱ Подобная интерпретация конституции могла означать, например, что даже при сохранении ограничения в 1000 морских миль для зоны патрулирования, японские ВМС получали возможность участвовать в коллективной военно-морской блокаде Северной Кореи, как это предлагалось США в разгар “мартовского кризиса” 1993 г. после угрозы КНДР выйти из режима Договора о нераспространении ядерного оружия.

* ⁱⁱ Сообщение о том, что двое американских солдат похитили и изнасиловали несовершеннолетнюю девушку, подогрело и без того сильные антиамериканские страсти на острове, который, составляя менее 1% территории страны, служит базой для размещения более чем 60% расквартированных в Японии американских военнослужащих. Главные японские газеты призвали к пересмотру положений Договора о разме-

Опубликованная в сентябре 1997 г. новая редакция Основных направлений японо-американского сотрудничества в области обороны, документа, служащего основой системы двустороннего военного сотрудничества, вызвала озабоченность заинтересованных стран АТР. Отмечалось, в частности, что изменение характера японо-американского военного альянса может оказать, в силу нижеследующих факторов, негативное влияние на региональную безопасность:

1. Расширение географической сферы японо-американского сотрудничества в области обороны.
2. Перенесение центра тяжести двустороннего оборонного сотрудничества от обороны исключительно Японии к принятию адекватных мер в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств в прилегающих районах.
3. Нарушение принципа «исключительной обороны», в результате чего Силы самообороны Японии обрели возможность оказывать поддержку американским войскам в АТР в целом.
4. Корректировка положений японской Конституции о запрещении применения права на коллективную оборону, с помощью принятия поправок к закону о силах самообороны и специальных законов на случай чрезвычайных обстоятельств, расширяющих сферу применения сил самообороны.
5. Придание японо-американскому оборонному сотрудничеству более равноправного, партнерского характера и, соответственно, возрастание роли Японии в системе сотрудничества с США в области обороны.
6. Нарушение принципа отказа Японии от экспорта вооружений (новые Основные направления предусматривают предоставление американской стороне материальной поддержки, включая поставки военной техники).⁵⁴

Новая интерпретация японо-американского союза безопасности предусматривает активизацию роли Японии в развитии регионального диалога по вопросам безопасности и строительстве режимов безопасности в СВА и АТР.

КИТАЙ

Послевоенный период международных отношений в АТР, отмеченный биполярным противостоянием двух сверхдержав, обусловил специфическую модель внешнеполитического поведения КНР, характеризующуюся последовательным отказом от вступления в какие-либо блоки и союзы, а также от участия в многосторонних механизмах обеспечения безопасности.

Эта позиция наиболее четко сформулирована в известном высказывании Дэн Сяопина о том, что Китай «...не вступит в союзнические отношения ни с одной из стран и не примкнет ни к одной стране или группе стран. Такая политика будет проводиться не только в нынешнем, но и в XXI веке».⁵⁵

щении американских войск на территории страны, а также субсидирования 94 американских военных объектов в Японии в объеме 4,8 млрд. долл. - см. *Time*, October 02, 1995, p. 24-25.

Однако, по мнению китайских политиков и экспертов, на протяжении последних десятилетий биполярная структура международных отношений в Азии постепенно размывалась; происходило относительное падение влияния сверхдержав на мировые и региональные дела, а также рост новых “центров силы” со своими собственными интересами и реальной способностью их отстаивать.

Официальная позиция Пекина в отношении обеспечения безопасности и стабильности в СВА и АТР представляется основанной на пяти принципах мирного сосуществования. Бесспорные сами по себе, эти принципы, однако, слишком риторичны, чтобы служить основой реальной политики в области региональной безопасности.

Доминирующий подход китайских аналитиков к анализу международной ситуации после окончания “холодной войны” - постулаты теории реализма и баланса сил в международных отношениях. По их мнению, вопросы региональной и субрегиональной безопасности поддаются обсуждению и решению исключительно на основе двусторонних подходов.

Китайские аргументы против многостороннего сотрудничества в сфере региональной безопасности можно свести к следующему:

- Азиатско-тихоокеанский регион слишком сложен и разнообразен для создания в нем единой структуры обеспечения безопасности.
- В регионе отсутствует общее концептуальное понимание проблем безопасности.
- Существующие в СВА и АТР территориальные проблемы по определению носят двусторонний характер и не могут обсуждаться на многосторонних форумах.
- Многосторонние механизмы обеспечения безопасности в АТР могут использоваться Тайванем для проведения политики “двух Китаев”.
- США и Япония могут использовать структуры региональной безопасности для обеспечения своего доминирующего положения в АТР.
- США попытаются использовать многосторонние форумы по проблемам безопасности для оказания давления на Китай в вопросах об островах Спратли и о соблюдении прав человека.
- Другие страны могут использовать подобные многосторонние форумы для критики программ военной модернизации КНР.

Тем не менее, ряд весомых геополитических обстоятельств и новых факторов международных отношений в СВА и АТР побуждает руководство КНР и китайских аналитиков к пересмотру вышеописанного подхода.

В Пекине понимают, что дальнейшее уклонение от многосторонних форумов и инициатив может привести к его изоляции на международной арене и ущемлению интересов безопасности страны. По мере стабильного экономического роста и проведения модернизации вооруженных сил, прежде всего военно-морского флота с целью вывести его на океанские просторы, Китай стал проявлять заметный интерес к проблемам обеспечения безопасности в СВА и АТР.⁵⁶

Руководители КНР отдают себе отчет в том, что традиционные двусторонние подходы уже не могут в полной мере обеспечить безопасность отдельной страны, даже такой крупной, как Китай. На фоне ускорения процесса формирования многостороннего переговорно-консультационного механизма на субрегиональной основе Китай принял пригла-

шение АСЕАН участвовать в многостороннем форуме по вопросам безопасности (АРФ), хотя по-прежнему отказывается обсуждать на многосторонней основе территориальные споры (особенно касающиеся ситуации в Южно-Китайском море).

Китайские политики и эксперты весьма озабочены весомой ролью США в регионе и опасаются возможности установления однополярной мировой структуры (*даньци шицзэ гэцзюй*). Однако растет понимание и того, что военное присутствие США в регионе есть фактор обеспечения стабильности, а многосторонние механизмы безопасности помогли бы ввести военную активность США в приемлемые для остальных стран региона институциональные и международно-правовые рамки.

Ситуация на Корейском полуострове является предметом особой озабоченности китайских политиков и военных. Денуклеаризация Корейского полуострова и мирное существование двух корейских государств существенно укрепили бы не только мир и стабильность в СВА и АТР, но и международную безопасность самого Китая. В Пекине понимают, что достижение этих целей невозможно без участия вовлеченных региональных держав, особенно США, России и Японии.

В феврале 1995 г. премьер Госсовета КНР Ли Пэн следующим образом определил основные принципы политики Китая в отношении Корейского полуострова:

1. Китай не намерен проводить политические и военные консультации с КНДР и отказывается от практики связанных с этим тайных контактов.
2. Китай будет действовать так, чтобы не создавать условий для напряженности между Севером и Югом Кореи из-за различий в их идеологиях.
3. Китай поддерживает обеспечение безъядерного статуса Корейского полуострова и выступает против разработок там ядерного оружия или ввоза его из-за рубежа.
4. Китай поддерживает межкорейский диалог и переговоры, направленные на мирное воссоединение.
5. Китай отказывается от поставок КНДР современной военной техники и выступает против аналогичных поставок в Республику Корею со стороны других стран.
6. Развитие отношений с РК - одно из основных направлений внешней политики КНР, призванных содействовать миру и стабильности в регионе.
7. Китай признает тот факт, что Республика Корея не представляет военной угрозы для КНДР.
8. Китай желает, чтобы Северная Корея сохраняла дружбу с ним и воздерживалась от действий, могущих нанести ущерб двусторонним отношениям.⁵⁷

КНР как великая держава и член Совета безопасности ООН уже практически вовлечена в строительство и функционирование международных режимов безопасности, действие которых распространяется на СВА и АТР. На недавних международных форумах Китай подтвердил свои позитивные гарантии неядерным государствам и поставил подпись под документом о бессрочном продлении Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). КНР участвует в переговорах о режиме по контролю за ракетными технологиями (РКРТ) и на протяжении ряда лет предоставляет данные для Регистра обычных вооружений ООН.

В 1995 г. в Китае впервые опубликован аналог Белой книги по вопросам обороны (в том числе на русском языке. Свидетельством позитивного отношения КНР к мерам транспарентности и военного доверия в регионе является и беспрецедентное пятистороннее соглашение о мерах доверия в районе границы КНР с Россией и среднеазиатскими странами-членами СНГ, подписанное в мае 1996 г. в ходе визита в Пекин Президента Б. Ельцина. КНР объявила о решении присоединиться к Договору о полном и бессрочном прекращении ядерных испытаний.

Новые подходы китайского руководства к поддержанию мира и стабильности на глобальном и региональном уровне получили свое подтверждение в материалах состоявшегося в сентябре 1997 г. XV съезда КПК. Как отмечается в Политическом докладе ЦК КПК съезду, расширение военных блоков и усиление военных союзов не отвечает интересам сохранения мира и обеспечения безопасности. Несмотря на общее ослабление международной напряженности и развитие тенденции к многополярности, в мире наблюдается тенденция к новым расколам и объединениям сил, существуют мышление времен холодной войны, рецидивы гегемонизма и политики с позиции силы.

Очень важной представляется содержащееся в документах съезда заявление о том, что проводимая КНР политика добрососедства никогда не изменится, и что «Китай никогда не будет стремиться к гегемонизму, даже когда он станет развитым».

В Пекине скептически относятся к перспективам создания региональной структуры безопасности по типу ОБСЕ, но верят в целесообразность многопланового и разноуровневого подхода к диалогам по проблемам безопасности, на основе равенства и добровольности, многоканальности и многослойности, постепенного восхождения от двусторонних к многосторонним и от субрегиональных к региональным каналам общения.

Подобный подход в целом совпадает с российскими представлениями о новой модели обеспечения безопасности в СВА и АТР на основе сотрудничества, сочетания баланса сил и баланса интересов, согласно которым многосторонний механизм региональной безопасности представлял бы собой систему взаимосвязанных и взаимодействующих международных режимов безопасности, функционирующих на основе норм международного права, под эгидой ООН и с учетом региональной специфики.

ТАЙВАНЬ

Тайваньская проблема - один из наиболее существенных факторов, влияющих на создание многосторонних механизмов обеспечения региональной безопасности с участием КНР. Представители КНР категорически противятся участию Тайваня в каких-либо международных форумах для обсуждения региональных проблем.

Периодическое обострение напряженности по обе стороны Тайваньского пролива, связанное с угрозами КНР применить силу, никоим образом не способствует укреплению безопасности и стабильности не только в ЮВА, но и в АТР в целом.

Как заявил в январе 1995 г. генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь, Китай не исключает возможности применения вооруженной силы против Тайваня в случае провозглашения последним независимости, или при какой-либо угрозе внешней интервенции.⁵⁸ Позже Комитет по выработке политики в отношении Тайваня, возглавляемый Цзян Цзэмином, добавил к причинам возможного вооруженного вмешательства «тайное стрем-

ление к достижению независимости», а также «попытки увековечить состояние раздела Китая путем умышленного затягивания переговоров об объединении». ⁵⁹

В разгар кризиса, вызванного стремлением руководства КНР оказать давление на Тайвань накануне президентских выборов на острове весной 1996 г., Китай провел серию военно-воздушных и военно-морских учений, а также учебных пусков ракет ближнего и среднего радиуса действия в акватории Восточно-Китайского моря, менее чем в 100 милях к северу от побережья Тайваня. Для обеспечения безопасности своего союзника Соединенные Штаты направили в воды Тайваньского пролива две авианосные группы ВМС США.

Отнюдь не стремясь поощрять политику «двух Китаев», следует, на взгляд автора, прислушаться к мнению тех, кто выступает за участие Тайваня, наряду с КНР, в создании многосторонних механизмов безопасности. Их доводы сводятся к следующему:

1. Проблемы в области безопасности и конфликты между КНР и Тайванем поддаются более эффективному обсуждению и урегулированию в рамках международного форума. Тайвань не должен чувствовать себя изолированным в военном и политическом отношении со стороны КНР и других азиатских держав.
2. Как неоднократно заявлял на протяжении последних лет президент Ли Дэнхуэй, Тайвань готов оказать значительную финансовую поддержку усилиям по созданию многосторонних механизмов безопасности в Азии, включая миротворческие операции и урегулирование конфликтов.
3. Тайвань играет видную роль в экономическом развитии, поддерживая торгово-экономические связи со многими странами региона. С 1991 г. Тайвань является крупнейшим инвестором во Вьетнаме и занимает третье место по объему инвестирования в странах ЮВА, уступая лишь Японии и США, с общим объемом капиталовложений до 20 млрд. долларов (на сентябрь 1994 г.). ⁶⁰

По данным, обнародованным на 25-й конференции Всемирной Лиги за свободу и демократию (бывшая Всемирная антикоммунистическая лига), Тайвань занимает 14 место в мире по объему товарооборота, 20-е - по объему ВВП, 7-е - по объему зарубежных инвестиций, третье - по запасам валютных резервов; доход на душу населения превышает 10 тыс. долларов в год. ⁶¹

Это подкрепляет внешнеполитические амбиции Тайбэя, все более настойчиво проводящего т.н. прагматическую дипломатию, направленную на расширение «жизненного пространства» Тайваня на международной арене.

Что касается влияния тайваньского вопроса на проблемы региональной безопасности, то оно вполне очевидно. Г. Хардинг, профессор ун-та Дж. Вашингтона, отмечает, что открытое стремление Тайваня к повышению своего международного статуса (включая предложение пополнить бюджет ООН несколькими миллиардами долларов в обмен на прием в эту организацию в качестве самостоятельного члена), а также визиты президента Ли Дэнхуэя в США и премьер-министра Лянь Чаня в Европу весной 1996 г., вызвали обостренную реакцию в Пекине, включая провокационные военные маневры и учебные пуски ракет в Тайваньском проливе накануне президентских выборов на Тайване. ⁶²

Тайваньский вопрос, независимо от состояния китайско-тайваньских отношений и степени вовлеченности США, обладает дестабилизирующим потенциалом в отношении

стратегического баланса в Азиатско-тихоокеанском регионе. Эскалация конфликта способна не только ухудшить американо-китайские отношения на длительную перспективу, но и поставить под угрозу японо-американский альянс, обострить соперничество КНР и Японии, подорвать стратегическую стабильность в СВА и АТР.

4 сентября 1992 г. президент Тайваня Ли Дэньхуэй выступил с предложением о создании системы коллективной безопасности в АТР, особо подчеркнув, что она должна быть направлена не против какого-либо гипотетического противника, а призвана вносить позитивный вклад в обеспечение безопасности и благосостояния для всех азиатско-тихоокеанских стран.⁶³

По мнению российских исследователей, неопределенность международного статуса Тайваня ведет к тому, что при обсуждении проблем региональной безопасности его позиция обычно не принимается во внимание или увязывается с точкой зрения Пекина.⁶⁴

РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ

В первой половине 90-х гг. значительно усилилась роль и активность т. н. «средних» региональных держав, прежде всего Республики Корея, в обсуждении проблем региональной безопасности. Получили распространение концепции, предусматривающие роль медиатора и катализатора для средних держав в строительстве новых структур азиатской безопасности.

В частности, предполагалось, что, РК сможет сыграть решающую роль в создании концерта (консорциума) региональных держав, при активной роли Китая и Японии и вспомогательной - США и России - в формировании нового сообщества безопасности на основе взаимного учета интересов, при решении общерегиональных и субрегиональных проблем, таких как ядерное нераспространение.⁶⁵

Предполагалось также, что упомянутый концерт держав при участии Севера и Юга Кореи мог бы заключить серию шестисторонних субрегиональных пактов по проблемам безопасности, которые служили бы своего рода механизмом саморегуляции потенциальных споров и конфликтов, став в соответствии со ст. VIII Устава ООН правовой основой регионального образования, призванного контролировать торговлю оружием, проведение региональных конференций по контролю над вооружениями, разработку многосторонних мер доверия, мониторинг передвижения войск и военных учений и пр.⁶⁶

Путь к выработке этих инициатив был для южнокорейских политиков и ученых весьма непростым. Еще в октябре 1988 г. президент Южной Кореи Ро Дэ У, выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, предложил созвать шестистороннюю консультативную конференцию с участием США, Китая, СССР, Японии, Северной и Южной Кореи, для обсуждения широкого круга проблем безопасности, стабильности, прогресса и сотрудничества в регионе. В июне 1991 г. президент Республики Корея вновь призвал к созданию структуры регионального сотрудничества.⁶⁷

На практике же Сеул проявлял нерешительность в создании многосторонних механизмов безопасности в СВА, поскольку на рубеже 90-х гг. правительство РК явно отдавало приоритет задаче объединения Севера и Юга Кореи. Отсутствовало ясное понимание стратегической взаимосвязи этих двух важных вопросов; считалось, что вовлечение региональных дер-

жав в создание механизма обеспечения мира и стабильности на Корейском полуострове может увековечить раздел Кореи.⁶⁸

Официальная позиция РК состояла в том, что прогресс в межкорейских отношениях должен предшествовать каким-либо серьезным дискуссиям о многосторонних механизмах безопасности в субрегионе. Пересмотр этих подходов наметился в первой половине 90-х гг. ввиду следующих обстоятельств:

1) Межкорейский переговорный процесс вступил в новую фазу благодаря заключению «Соглашения о ненападении, сближении, обменах и сотрудничестве» от 13 декабря 1991 г. и Соглашения о безъядерном статусе Корейского полуострова от 31 декабря 1991 г.

2) Одновременное принятие КНДР и РК в ООН расширило дипломатические возможности для многосторонних переговоров по вопросам региональной безопасности.

3) Опасения относительно ядерной программы Северной Кореи вынудили Сеул использовать возможность создания многосторонних механизмов безопасности в качестве дополнительного инструмента влияния на Пхеньян.

4) Механизм субрегиональной безопасности мог бы, по мнению Сеула, стать противовесом попыткам Китая и Японии заполнить образовавшийся в АТР вакуум силы. Некоторые корейские эксперты указывали, что подобный механизм помог бы России играть сдерживающую роль против «каких-либо гегемонистских устремлений некоторых держав».⁶⁹

5) Активная роль Республики Корея в проведении заседаний АТЭС и стремление участвовать в инициированном АСЕАН диалоге по вопросам региональной безопасности убедило Сеул и далее играть конструктивную роль в этом процессе.

На протяжении ряда лет корейские эксперты разрабатывают концепцию ведущей роли «срединной державы» (middle power) в создании структур региональной безопасности.

Как отмечалось, в частности, на первом Форуме по вопросам безопасности в Северо-Восточной Азии (NEADF) в ноябре 1993 г., именно Южная Корея, по сравнению с остальными региональными державами, в наибольшей степени отвечает критериям государства, способного выступить инициатором и катализатором региональных структур безопасности, поскольку в историческом плане она никогда не была агрессором, не представляла и не представляет военной угрозы, не вступала и не вступает в конфликт ни с одной из стран субрегиона.⁷⁰

Претензии южнокорейской правящей элиты выступить в роли центра регионального сотрудничества подкрепляются результатами исследования, проводившегося в течение 5 лет пятьюдесятью ведущими экспертами, работавшими под эгидой президентской «Комиссии XXI века».

Пятитомный труд сформулировал стратегию взаимоотношений будущей объединенной Кореи со странами СВА и АТР.⁷¹ Стратегия предусматривала создание при ведущей роли РК структуры многостороннего диалога по вопросам безопасности в рамках субрегиона, своего рода мини-ОБСЕ, встроеной в систему всеобъемлющих международных режимов безопасности в рамках всего Азиатско-тихоокеанского региона.

Выступая 24 мая 1993 г. на открытии 26-ой сессии Тихоокеанского экономического совета (ТЭС), президент Ким Ен Сам заявил, что в целях создания структуры мира и сотрудни-

чества в регионе правительство РК будет продвигать многосторонний диалог по вопросам безопасности при одновременном углублении и развитии системы двустороннего сотрудничества в сфере безопасности с Соединенными Штатами в качестве осевого элемента.

Министр иностранных дел РК Хан Сун Чжу в своем выступлении на том же форуме объявил о новых принципах внешней политики РК, включающих в себя глобализм, диверсификацию связей, многосторонность, региональное сотрудничество и устремленность в будущее.

Было заявлено, что Республика Корея намерена углублять сотрудничество с Соединенными Штатами в области безопасности, поддерживая при этом многосторонний диалог по вопросам безопасности в АТР и особенно в СВА.⁷²

Министр иностранных дел Хан Сун Чжу 25 июля 1994 г. в Бангкоке в ходе дискуссии на учредительной конференции Регионального форума АСЕАН при участии министров иностранных дел 18 государств АТР, а также в докладе 26 июля на пост-министерской встрече АСЕАН по формуле "6 плюс 7" внес следующее предложение об организации Диалога по вопросам безопасности в СВА (NEASD), основной акцент в котором делался бы на проблемы безопасностиⁱ :

“В регионе существует потребность в создании мер доверия и превентивной дипломатии. Они могут быть созданы через многосторонний диалог и сотрудничество. Представляется, что многосторонняя система безопасности является сегодня требованием времени. Если посмотреть на проблему в таком контексте, то и государства, расположенные в субрегионе Северо-Восточной Азии, также нуждаются в рамочной структуре для диалога по вопросам безопасности и сотрудничества. Сосредоточение здесь сильных и крупных государств, а также пережитки системы “холодной войны” оправдывают диалог по вопросам безопасности в СВА, и Республика Корея поддерживает такой диалог.”⁷³

Отражением новых подходов к обеспечению региональной безопасности является официальный пересмотр целей и задач Министерства национальной обороны РК, которые отныне включают в себя “содействие региональной безопасности и всеобщему миру”. Отказываясь от исключительной ориентации на США в развитии военного сотрудничества, руководство Министерства национальной обороны предприняло серию шагов в рамках т.н. “новой военной дипломатии”.

В апреле 1993 г. министр обороны Ри Бён Те подписал в Токио соглашение о регулярных корейско-японских переговорах на высоком уровне по развитию военного сотрудничества. Весной 1994 г. министр посетил Германию, Японию и Россию.

В декабре 1994 г. учебный отряд южнокорейских военных кораблей посетил японские порты, а делегация старших офицеров приняла активное участие в семинаре по вопросам безопасности в АТР, на котором присутствовали военные представители 14 стран, включая Австралию, Канаду, Китай, Россию, Новую Зеландию, Южную Корею, Соединенные Штаты и шесть стран-членов АСЕАН.⁷⁴

ⁱ Позже была принята новая аббревиатура для этой системы консультаций и диалогов - NEASED.

КНДР

Позиция Северной Кореи относительно регионального сотрудничества по вопросам безопасности до последнего времени оставалась традиционно отрицательной и догматичной. В заявлении представителя МИД от 1 января 1991 г. КНДР официально выступила против идеи создания в АТР структуры консультаций по вопросам безопасности, сходной с ОБСЕ, и настаивала на осуществлении разоружения Соединенными Штатами и Советским Союзом, а также на выводе всех иностранных войск и ликвидации военных баз в регионе в интересах мира и безопасности в Азии.

В одной из установочных статей подчеркивалось: "Организация общеазиатского совещания по безопасности и сотрудничеству означала бы появление антикоммунистического и антисоциалистического агрессивного союза, подобного НАТО в Европе. Если в период "холодной войны" Соединенные Штаты в АТР стремились вовлечь другие страны в систему, где они доминировали, через двусторонние отношения, то теперь Вашингтон хотел бы создать систему своего господства, охватывающую этот регион, через многосторонние отношения".⁷⁵

В выступлении от 23 января 1995 г. представитель МИД Северной Кореи, отметив, что в последнее время Япония предложила начать диалог по вопросам безопасности в Восточной Азии и даже выступает с идеей создания организации, которая бы занималась региональной безопасностью, подверг критике эти предложения как нацеленные на оправдание действий по расширению влияния Японии и превращению ее в военную державу. Он заявил, что Северная Корея на данный момент, пока продолжаются враждебные ей действия, выступает против организации любых диалогов по вопросам безопасности.⁷⁶

Однако, как отмечают обозреватели, Пхеньян, окончательно потеряв веру в эффективность своих военных союзов с Китаем и Россией, возможно, уже готов смириться с "гегемонизмом США". Северная Корея начинает проявлять интерес к обсуждению проблем региональной безопасности, пытается разобраться в сути существующих на этот счет представлений, но свою позицию до конца не раскрывает.

Созданный в 1988 г. северокорейский Институт мира и разоружения подключился к дискуссиям по проблемам региональной безопасности. Его представители участвовали в региональном форуме по проблемам мер доверия под эгидой ООН в Катманду (январь 1990 г.).⁷⁷

В июле 1993 г. заместитель полномочного представителя КНДР при ООН Ким Чон Су принял участие в подготовительной конференции по созданию Совета Сотрудничества в Северо-Восточной Азии (НАСС) в Сан-Диего, Калифорния, заявив на конференции, что Северная Корея могла бы поддержать многосторонние режимы безопасности с целью предотвращения военной конфронтации и сокращения напряженности в регионе. Представитель КНДР не участвовал, однако, в учредительной конференции НАСС в октябре того же года.

Не подлежит сомнению, что сколько-нибудь эффективный диалог по вопросам субрегиональной и региональной безопасности невозможен без участия всех вовлеченных сторон, включая КНДР. Гибкий подход и дипломатические усилия со стороны всех участников этих дискуссий способен со временем повлиять на эволюцию позиции

северокорейского руководства в отношении многосторонних механизмов безопасности в США и АТР.

1. 3. ОПЫТ СУБРЕГИОНАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО МНОГОСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Эволюция концепций и практический опыт многостороннего сотрудничества по вопросам безопасности в АТР на субрегиональном и региональном уровне прослеживаются в их нынешней форме по меньшей мере с середины 80-х гг.

В августе 1987 г. министр иностранных дел Австралии Хэйден выступил с предложением о созыве Совещания по безопасности и сотрудничеству в Азии (СБСА), по образцу СБСЕ. Этот многосторонний форум был призван дополнить двусторонние отношения США со своими азиатскими союзниками в сфере безопасности. Предложение не встретило позитивного отклика, поскольку в нем не уточнялись круг потенциальных участников и конкретные сферы возможного сотрудничества.

С аналогичным предложением новый министр иностранных дел Австралии Г. Эванс выступил в мае 1990 г. Оно предусматривало создание многостороннего консультативного органа для разрешения конфликтных ситуаций между Севером и Югом Кореи, Китаем и Тайванем, а также для обсуждения положения во Вьетнаме и Камбодже.

В июле 1990 г. министр иностранных дел Канады Джо Кларк выступил с инициативой “Северо-Тихоокеанского диалога по вопросам безопасности на основе сотрудничества” (*North Pacific Cooperative Security Dialogue*), для обсуждения угроз безопасности и стабильности в АТР, включая гонку вооружений, терроризм, загрязнение окружающей среды и нарушения прав человека. Список предполагаемых участников включал США, СССР, Северную и Южную Корею, Японию, Китай и Канаду. С тех пор канадское правительство регулярно устраивает международные конференции и симпозиумы для дальнейших дискуссий по указанным проблемам.

Страны региона более охотно шли на многосторонние дискуссии по торгово-экономическим вопросам. В экономической сфере структура многостороннего сотрудничества была заложена в октябре 1989 г., когда благодаря совместным усилиям Австралии и РК в Канберре была созвана 1-я встреча Азиатско-Тихоокеанского Совета по экономическому сотрудничеству (АТЭС) на министерском уровне.

Во встрече приняли участие министры иностранных дел и торговли шести стран - членов АСЕАН (Бруней, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Таиланд) и шести стран-партнеров АСЕАН по диалогу (РК, США, Япония, Австралия, Канада, Новая Зеландия). В последующем ежегодные министерские встречи проходили пять раз, включая встречу в 1990 г. в Сингапуре и встречу в ноябре 1993 г. в Сिएтле, США.

На состоявшейся в октябре 1991 г. в Сеуле 3-й министерской встрече АТЭС было обеспечено присутствие т.н. “трех Китаев” - КНР, Тайваня и Гонконга. Вовлечение КНР в многосторонний диалог открыло обнадеживающую перспективу налаживания многостороннего сотрудничества и в сфере региональной безопасности.

США, устроитель 5-ой министерской встречи АТЭС, организовали встречу на высшем уровне в Сिएтле, в которой благодаря настойчивым усилиям администрации Клинтона приняли участие лидеры стран-членов АТЭС (кроме Малайзии). Таким образом, в АТР впервые за 30 с лишним лет после 60-х годов, когда проходили совещания в верхах

государств-участников войны во Вьетнаме, состоялась многосторонняя встреча на высшем уровне.ⁱ

Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), объединяющая наиболее динамично развивающиеся страны АТР, взяла на себя инициативу многостороннего диалога по проблемам безопасности. Однако практически сразу же выявились трудности в выработке общерегиональных подходов к обсуждавшимся проблемам, поскольку стала очевидной ярко выраженная специфика интересов безопасности стран Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Дальнейшее обсуждение проблем безопасности было продолжено на субрегиональной основе.

Очевидно, что подобная субрегиональная дифференциация обусловлена различием экономических интересов стран СВА и АСЕАН, стремящихся каждая на свой лад доминировать и в политической жизни региона.ⁱⁱ К этому следует добавить различия в исторических и национальных традициях, также влияющие на специфику восприятия потенциальных угроз и вызовов стабильности. В ряде исследований различия “стратегических культур” стран СВА и ЮВА трактуются следующим образом:

I. Преобладающая в странах СВА конфуцианская этика предполагает готовность жертвовать индивидуальными и групповыми интересами ради интересов общества в целом, что в известном смысле цементирует внутреннюю стабильность конфуцианских обществ.

II. Для стран СВА более актуально восприятие внешних потенциальных угроз в рамках АТР (страх внешнего проникновения для лидеров КНДР, “буржуазной либерализации” - для Китая, опасения потери региональных рынков - для Японии, вторжения с Севера - для РК, атаки с материка - для Тайваня, и пр.), что не служит стимулом к созданию региональной организации по сотрудничеству в сфере безопасности.

III. Страны ЮВА, более озабоченные внутренней стабильностью своих режимов и потенциальной угрозой со стороны могучих соседей (таких, как Китай), имеют общее восприятие угроз и целей стратегического сотрудничества в области безопасности; именно на этой основе была в свое время создана СЕАТО, а ныне - Региональный Форум АСЕАН (АРФ).⁷⁸

Дополнительный, но не менее весомый фактор «субрегионализации» сотрудничества в сфере безопасности - различное отношение к роли США в структуре регионального сотрудничества, а также амбиции и соперничество лидеров некоторых стран СВА и ЮВА в создании региональных структур. Если Республика Корея, например, активно продвигает концепцию многосторонних механизмов безопасности, основанную на доминирующей роли США, то Малайзия культивирует в субрегионе ЮВА более изоляционистский подход.

ⁱ Как отмечают обозреватели, с присоединением к АТЭС России эти форумы превратятся во встречи, в которых будут участвовать четыре наиболее мощные державы в мире и четыре наиболее динамично развивающиеся мировые экономики.

ⁱⁱ Существование в регионе экономического противостояния между Севером и Югом было явно продемонстрировано на встрече лидеров стран АТЭС в Сиэтле в 1993 году, когда в ответ на планы создать систему экономического сотрудничества при ведущей роли США премьер-министр Малайзии Махатхир выдвинул идею Восточно-азиатского экономического совета (ЕАЕС), включающую США из этой структуры. - См. Ким Сок Кю, *Мир и стабильность в Северо-Восточной Азии*, с. 19.

В силу вышеописанных причин можно согласиться с рядом экспертов, выделяющих в АТР три субрегиональные зоны, в рамках которых развиваются многосторонние механизмы безопасности - Северо-Восточная Азия, Юго-Восточная Азия и Южно-Тихоокеанский субрегион.⁷⁹

Страны ЮВА и Южной зоны Тихого океана, по сравнению с северным субрегионом, успели накопить некоторый опыт многостороннего сотрудничества в области безопасности, которое основывается на существующих оборонительных соглашениях и имеет гибкие формы.

Соглашение пяти стран о совместной обороне (*Five-Power Defence Arrangement - FPDA*) связывает Малайзию и Сингапур с Австралией, Новой Зеландией и Великобританией, предусматривая размещение на территории двух стран небольших австралийских и новозеландских воинских контингентов.

В 1976 г. Австралия и Папуа - Новая Гвинея заключили Соглашение о статусе вооруженных сил (продлено в 1990 г.), по которому 175 австралийских военных советников и технических специалистов находятся на территории островного государства.

Идея консультационно-переговорного механизма для ведения субрегионального диалога, мирного разрешения споров и проблем была заложена еще в учредительной Декларации АСЕАН (Бангкокской Декларации), подписанной в августе 1967 г. Выдвинутая АСЕАН концепция всеобъемлющей безопасности охватывала не только вопросы военного сдерживания и территориальной обороны, но и торгово-экономические аспекты, включая доступ к рынкам, промышленное развитие, распространение технологий и социальное благосостояние.

Вслед за провозглашением в 1971 г. странами-членами АСЕАН Зоны мира, свободы и нейтралитета (ЗОМСИН), этой самобытной концепции региональной безопасности, участники АСЕАН приняли в 1984 г. декларацию о создании Зоны, свободной от ядерного оружия (ЗЮВАСЯО). В 1986 г. Южнотихоокеанским форумом подписан Договор Раротонга о создании безъядерной зоны в Южной части Тихого океана, к протоколам которого присоединились Пекин и Москва, а в 1996 г. - Вашингтон и Токио.

Среди предлагаемых для развития в рамках АСЕАН форм военного сотрудничества назывались регулярные встречи и обмены между старшими офицерами, консультации и обмены с военными представителями дружественных стран, а также совместное ведение военно-морской разведки и защита морских коммуникаций в Юго-Восточной Азии.⁸⁰

В конце июля 1993 г. расширенная конференция министров иностранных дел стран-членов АСЕАН в Сингапуре с участием представителей стран-наблюдательниц и т. н. партнеров по диалогу (включая Россию) приняла решение об учреждении нового консультативного органа для координации политики в области безопасности - **Регионального Форума АСЕАН (АРФ)**, в развитие идеи пост-министерских совещаний АСЕАН, предложенной в 1991 г. министром иностранных дел Японии.

На конференции был выдвинут ряд предложений, связанных с мониторингом режима ядерного нераспространения; мерами транспарентности и военного доверия; превентивной дипломатией в региональном контексте; созданием регионального центра стратегических исследований и урегулирования конфликтов, и др. Обсуждались также северокорейская ядерная проблема и территориальные споры в Южно-Китайском море.

В июле 1994 г. в Бангкоке был созван первый Региональный Форум АСЕАН, с участием шести стран-членов АСЕАН (Брунея, Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда), их официальных партнеров по диалогу (США, Канады, Японии, РК, Австралии и Новой Зеландии), а также пяти других стран АТР со статусом гостя (КНР, России, Вьетнама, Лаоса и Папуа - Новой Гвинеи).¹ Созыв Форума явился по сути первым шагом, направленным на создание формальных структур обеспечения региональной безопасности.

В ноябре 1994 г. в рамках АРФ состоялся семинар для дипломатов, военных и ученых, на котором в развитие первого заседания Форума был обсужден широкий спектр проблем регионального сотрудничества в сфере безопасности. Дискуссия была продолжена на втором совещании старших должностных лиц стран - членов АРФ в Брунее в мае 1995 г.

При учреждении АРФ был сделан упор на поэтапный подход и достижение консенсуса, столь импонирующие азиатскому менталитету. Постоянно подчеркивалось, что АРФ – это «развивающийся процесс», при котором продолжение движения не менее важно, чем конечный результат, а неформальность – главный ключ к успеху.

На первом этапе ставилась задача вовлечения всех членов АРФ в конструктивный диалог по вопросам региональной безопасности, достижения взаимопонимания и взаимного доверия. При этом отмечалось, что такого рода эволюция заняла у АСЕАН почти 30 лет.⁸¹

Показательно, что при выборе критериев членства в АРФ приоритет был отдан не географическим, а политическим соображениям. Чтобы избежать превращения форума в «мини-ООН», а также споров о его географических пределах (АТЭС? Восточная Азия? Северная часть Тихого океана? и пр.), было решено, что членами АРФ могут стать все, кто имеет политические отношения с АСЕАН.

Неотъемлемый элемент субрегионального и регионального сотрудничества по вопросам безопасности - развивающаяся от года к году структура неформального диалога (Track-two diplomacy), с участием влиятельных деятелей, ученых и экспертов азиатско-тихоокеанских стран.

В последнее время в ЮВА получили известность регулярные круглые столы Малазийского Института стратегических и международных исследований (ISIS); диалоги АСЕАН-ISIS с участием видных центров стратегических исследований стран АСЕАН; проводимые Индонезией дискуссии по проблемам безопасности в Южно-Китайском море, и др.

В СВА действуют такие структуры, как Форум по вопросам безопасности в Северо-Восточной Азии (NEADF); Сеульский международный форум; Тихоокеанский форум в США; Институт международных проблем в Японии и др. На основе таких частных институтов десяти стран региона в 1993 г. был образован Совет по безопасности и сотрудничеству в АТР (СБСАТР).

---

¹ В связи с возражениями Китая делегация Тайваня не смогла принять участия в заседаниях Форума. Обычно представители КНР не возражают против участия Тайваня в международных форумах, на которых не обсуждаются вопросы военной безопасности, затрагивающие суверенитеты территориальную целостность стран.

Институт мировых проблем и вопросов сотрудничества при Калифорнийском университете в Сан-Диего, США, с 1993 г. проводит встречи по вопросам безопасности и сотрудничества в рамках Совета Сотрудничества в Северо-Восточной Азии (НАСС) с участием правительственных чиновников и ученых (1-я - в Сан-Диего, 2-я - в Токио, 3-я - в Москве, 4-я намечалась на 1996 г. в Пекине).

Особенно важной является деятельность созданного в 1989 г. Регионального центра ООН по вопросам мира и разоружения в АТР в Катманду. Широкую известность в регионе и за его пределами получил т. н. «процесс Катманду», представляющий собой долговременные усилия в области обмена идеями и информацией между представителями азиатско-тихоокеанских правительств, общественных неправительственных организаций и экспертов по вопросам безопасности и разоружения.

На Седьмом региональном совещании по разоружению в АТР, проходившем в феврале 1995 г. в Катманду, обсуждались такие вопросы, как открытость и гарантии безопасности; региональные подходы к разоружению; перспективы развития АРФ; усилия по уменьшению риска и обеспечению безопасности судоходства в бассейне Тихого океана; осуществление мер укрепления доверия, а также положительные аспекты в предложениях по региональному разоружению и трудности в связи с их осуществлением.

* * *

Подводя итог краткому анализу эволюции концепций и практического опыта многостороннего сотрудничества в сфере региональной безопасности, следует отметить, что указанная эволюция определялась рядом объективных и субъективных предпосылок, обусловивших ускоренный рост многополярности в СВА и Азиатско-тихоокеанском регионе. Это, в свою очередь, привело как США и их региональных союзников, так и КНР и Россию, правопреемницу СССР, к осознанию необходимости совместного обеспечения региональной безопасности - **безопасности на основе сотрудничества**.

На протяжении первой половины 90-х гг. совокупность двусторонних оборонительных альянсов постепенно дополнялась элементами многостороннего диалога по вопросам безопасности, формального и неформального, включая меры транспарентности и военного доверия, обеспечение режима ядерного нераспространения, миротворческие операции ООН и пр. Этот процесс заложил основы формирования в АТР и субрегионе Северо-Восточной Азии системы взаимосвязанных и взаимодействующих международных режимов безопасности.

Концепция региональной безопасности на основе сотрудничества, явившаяся адаптированным компромиссом теорий коллективной безопасности и реализма (баланса сил) в международных отношениях, реализуется в виде поэтапного многостороннего диалога, дополняющего двусторонние оборонительные союзы, гибкого по форме и составу участников, для обсуждения широкого спектра проблем безопасности и стабильности в СВА и АТР. Негласные, но устоявшиеся правила здесь - выработка повестки дня на основе консенсуса, многоуровневый подход, восхождение от простых форм диалога к более сложным.

Можно согласиться с мнением Р. Скалапино о том, что в обозримом будущем мы будем свидетелями дальнейшего развития многосторонних структур безопасности на субрегиональной основе. На каком-то этапе может появиться Североазиатский Форум (Northeast Asian Forum), на котором будут достигнуты соглашения о мерах транспарентности и военного доверия, ограничениях на трансферт оружия и военных технологий, создании ограниченных безъядерных зон, и пр.⁸²

При этом наряду с формальными структурами многостороннего диалога будут действовать специальные коалиции, образуемые для разрешения специфических проблем или кризисных ситуаций (по терминологии Р. Скалапино, “концентрические дуги”).ⁱ Предпочтение “дуги” перед “кругом” объясняется тем, что должен быть обеспечен постоянный взаимный доступ на всех ярусах.

Таким образом, можно предвидеть постепенное формирование на вышеописанной основе международных режимов безопасности в АТР, структура и функционирование которых будут описаны ниже.

ⁱ Применительно к корейской проблеме, например, внутреннюю дугу образуют КНДР и РК; вторую, над ними, - четыре региональные державы, имеющие прямое отношение к корейскому вопросу; их будет перекрывать третья дуга из международных экономических и политических организаций.

ГЛАВА 2

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕЖИМОВ БЕЗОПАСНОСТИ

В рамках комплексного исследования структурно-функциональных параметров новой модели региональной безопасности в СВА и АТР отдельному рассмотрению подлежат теоретико-методологические аспекты проблемы, связанные с развитием теории международных режимов применительно к условиям многополярного мира и пересмотра традиционных трактовок баланса сил. Адекватные представления о сути происходящих в данной сфере международных отношениях перемен позволят уточнить понимание роли и места России в формировании многосторонних режимов безопасности в Азии.

Отдельному рассмотрению подлежат теоретико-методологические аспекты проблемы, связанные с развитием *теории международных режимов*. Концептуальный синтез существующих в данной области политической науки теоретических представлений позволит построить «идеальную модель» региональной безопасности, отвечающую реалиям и потребностям современного пост-биполярного мира.

Следует подчеркнуть, что существующие теории носят в основном нормативный характер, в то время как растет практическая потребность в дескриптивных теориях и концепциях, которые помогали бы при принятии внешнеполитических решений понимать, как именно происходит становление и развитие международных режимов безопасности в конкретных регионах и субрегионах.

2. 1. ОСНОВЫ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕЖИМОВ

Анализ концепций международных режимов возможен в контексте двух основных тенденций политологического изучения международных отношений: неореализма и неолиберализма. Если первая опирается в основном на классические теории баланса сил, полагая международное право и международные институты вспомогательной функцией взаимодействия государств - акторов международной системы, то приверженцы неолиберализма более оптимистично воспринимают перспективы нового международного порядка, основанного не только на балансе сил, но и на балансе интересов.

В этой связи особое внимание привлекают концепции структурного реализма и доминантной стабильности (*hegemonic stability*), а также иные разработки теории международных режимов, представленные в работах Дж. Рагги, Р. Норта, Ч. Липсона, Р. Кохана, Ст. Краснера, Р. Аксельрода, А. Стейна, Я. Куглера, А. Органски и др.

Признавая, что международная стабильность может быть обеспечена асимметричным распределением комплексной национальной мощи, автор полагает, что концептуализация международных режимов возможна на основе интерпретации взаимодействия и взаимовлияния национальных интересов при учете системообразующей роли международного права и международных институтов, - применительно к конкретному региону (субрегиону) и конкретной сфере международных отношений.

Региональная безопасность определяется здесь как составная часть всеобщей безопасности, относящаяся к тому или иному региону земного шара; состояние отношений между группой стран, при котором им не угрожает опасность войны или иное посягательство извне на существование, суверенное и независимое развитие.

Региональная безопасность представляет собой систему, элементы которой связаны между собой как по вертикали (национальная, региональная, международная безопасность), так и по горизонтали (военная, политическая, экономическая, экологическая, гуманитарная и пр. безопасность).⁸³

В рамках данного понимания предметом нижеследующего анализа является концептуализация региональных режимов безопасности с точки зрения национальных интересов России в Северо-Восточной Азии и АТР. При этом автор опирался на классические положения политической науки в области многосторонних механизмов безопасности, в частности, на концепцию сообществ безопасности (security communities) Карла Дойча⁸⁴.

Как известно, К. Дойч выделял амальгамированные (интегрированные) сообщества безопасности, которые характеризуются наличием общего механизма принятия решений и централизацией (НАТО, ОВД и пр.), и плюралистические сообщества безопасности, в которых многосторонний переговорный механизм заменяет формальную интеграцию. Причем если в годы “холодной войны” и биполярного противостояния первый тип получил более чем достаточное развитие, плюралистические сообщества безопасности еще только зарождаются на региональном и субрегиональном уровне, требуя своей концептуализации.

Указанные положения лежат в основе предлагаемой типологии многосторонних механизмов (моделей) обеспечения региональной безопасности. Последние определяются Дж. Гудби как *«формальные или неформальные образования, предусматривающие или требующие от государств-участников консультаций или согласованных действий по обеспечению безопасности в рамках международной системы»*.⁸⁵

Ниже в общем виде рассмотрены цели, задачи и функциональные особенности трех моделей обеспечения многосторонней безопасности: коллективной безопасности (Collective Security), общей безопасности (Common Security) и безопасности на основе сотрудничества (Cooperative Security), каждая из которых, при наличии ряда общих черт, обладает отчетливо выраженной спецификой.

Концепция коллективной безопасности является наиболее разработанной в теоретическом и практическом плане. Многие западные специалисты полагают ее преимущественно американским достоянием, считая коллективную безопасность «идеей и инструментом внешней политики США».

Генри Киссинджер, например, отмечает, что Соединенные Штаты, будучи иммигрантской по происхождению страной, искренне полагают, что распространение их опыта по всей планете действительно обеспечит мир, стабильность и прекращение конфликтов. Идеи коллективной безопасности, самоопределения и мирового правительства вошли в практику международных отношений по инициативе США, и ныне являются доминирующими идеями нашего столетия.⁸⁶

Соединенные Штаты действительно апеллируют к идее коллективной безопасности при решении международных проблем со времен Вудро Вильсона и Лиги Наций, и в этом смысле их приоритет бесспорен.

Если абстрагироваться от американской трактовки, весьма сильно окрашенной национальным эгоизмом, то под коллективной безопасностью традиционно подразумевается система межгосударственного сотрудничества, при которой акт агрессии против одного из участников расценивается как агрессия против всей системы.

В отличие от альянсов и коалиций, создающихся для защиты от потенциального внешнего агрессора, коллективная безопасность может быть направлена «вовнутрь», против того из участников системы, который может решить прибегнуть к агрессии.

Как отмечал Ханс Моргентау, коллективная безопасность представляет собой «идеальное решение проблемы применения закона в сообществе независимых наций»⁸⁷. При этом система коллективной безопасности может функционировать лишь в том случае, если она направлена против любой страны-агрессора, будь то противника или союзника.

Характерные особенности систем коллективной безопасности можно определить следующим образом:

- * Беспрецедентный масштаб универсальности, включая требования необходимых действий от каждого члена системы.¹
- * Автоматизм применения санкций в случае необходимости.
- * Приверженность членов системы статус-кво и отсутствие разногласий в понимании агрессии и необходимости реагировать на нее.⁸⁸

Проблемы создания и функционирования систем коллективной безопасности заключаются прежде всего в том, что теория коллективной безопасности носит нормативный, а не дескриптивный характер; она предписывает, как государства - члены системы должны реагировать на агрессию, но не описывает, что происходит при этом в действительности.

Далее, существует т.н. проблема коллективного действия (*collective action problem*), которая состоит в том, что создание систем коллективной безопасности, особенно в мирное время, побуждает многие государства пользоваться преимуществами участия в них, не неся соответствующих затрат (в прямом и переносном смысле). Подобные затраты многим государствам просто не под силу.

Очевидная проблема заключается и в том, что реакция на агрессию в рамках системы коллективной безопасности неизбежно замедляется. Хотя теория коллективной безопасности и предусматривает меры превентивной дипломатии в урегулировании назревающего конфликта, механизм военного реагирования на акт агрессии в рамках системы не отработан.

В отличие от военных союзов, для членов которых общий противник четко определен, существуют заранее разработанные планы мобилизации и развертывания вооружен-

---

¹ Необходимо различать в данном случае универсальность (особенности строения системы и приверженность участников ее правилам) и глобальность (географический охват).

ных сил и пр. - участники системы коллективной безопасности нуждаются в дополнительном времени для координации своих усилий по отражению агрессии.

По мнению некоторых американских политологов, упор на коллективные действия по отражению агрессии принижает значение одностороннего реагирования на агрессию, которое может быть менее мощным, но более оперативным. Преимущества многосторонности - большая мощь при меньшей гибкости. С этой точки зрения, эффективность военных союзов находится где-то посередине.

Некоторые специалисты считают даже, что автоматическое реагирование на агрессию в рамках системы коллективной безопасности само по себе может способствовать эскалации конфликтов и перерастанию малых войн в большие, поскольку принято считать, что любое нарушение мира есть угроза международной безопасности и стабильности.

Наконец, существует проблема и с признанием принципа статус-кво в рамках системы коллективной безопасности. Подчеркивание безусловного характера *status quo ante* при реагировании на акт агрессии в духе коллективной безопасности может еще более усложнить урегулирование конфликта, поскольку часто даже посредники в ходе конфликта спорят между собой, кто явился агрессором в том или ином конкретном случае.⁸⁹

Преимущества систем коллективной безопасности заключаются не только в том, что они более эффективно противостоят агрессии, но и в том, что они в целом укрепляют международное сотрудничество и доверие (тем самым делая агрессию менее вероятной).

В рамках системы коллективной безопасности сотрудничество бывает более выгодно государствам, чем соперничество. Коллективная безопасность не только меняет поведение стран-акторов на международной арене, способы реализации их национальных интересов, но и способствует корректировке самих интересов в сторону большего учета интересов других.

Расширительное толкование целей и задач систем коллективной безопасности подчеркивает их нормативный характер. Как отмечала постоянный представитель США при ООН М. Олбрайт (ныне ставшая Госсекретарем США), «Любое государство в рамках региональной или международной системы, совершающее акт агрессии, угрожающее миру или грубо попирающее принципы цивилизованного поведения, является нарушителем норм системы коллективной безопасности».

По мнению Мэдли Олбрайт, только система коллективной безопасности способна ответить на такие вызовы нашего времени, как распространение оружия массового уничтожения, этнические и региональные конфликты, экономические катаклизмы, массовые потоки беженцев, нарушения прав человека, природные катастрофы и беспрецедентную гибель мирного населения в ходе военных действий.⁹⁰

М. Олбрайт сформулировала «пять императивов» для участия США в системах коллективной безопасности в эпоху после окончания «холодной войны»:

- ◆ *сотрудничество* - когда с угрозами безопасности США трудно справиться в одиночку;
- ◆ *легитимность* - приверженность США нормам международного права может побудить к этому и других;

- ◆ *экономика* - разрешение региональных конфликтов за рубежом до того, как они начнут создавать экономические, миграционные и природозащитные проблемы самой Америке;
- ◆ *мораль* - только международное сообщество имеет коллективный моральный авторитет и необходимые ресурсы для решения проблем, возникающих после окончания «холодной войны»;
- ◆ *равенство* - «если СБ ООН говорит и действует от имени всего мирового сообщества, его усилия не могут сводиться исключительно к решению вопросов, волнующих великие державы». ⁹¹

Концепция общей безопасности предусматривает подход к проблемам безопасности на основе взаимности и отказа от конфронтации; в ее основе лежит базисная посылка о преобладании общих интересов над индивидуальными. Концепция общей безопасности - скорее свод принципов, разработанных в области философии политики, нежели институционализированная система региональной безопасности. Базисные принципы общей безопасности включают в себя:

- 1) Отказ от использования военной силы как способа урегулирования международных конфликтов, и применение ее исключительно в целях самообороны.
- 2) Отказ от традиционной стратегии достижения военного преимущества над другими государствами.
- 3) Признание того, что безопасность государства не должна зависеть от уровня военной мощи.
- 4) Признание сокращения вооруженных сил и вооружения базовым принципом общей безопасности. ⁹²

Концепция общей безопасности утвердилась как альтернативная традиционным представлениям о роли вооруженной силы в решении международных проблем, с осознанием бессмысленности и губительных последствий возможного применения ядерного оружия. С середины 80-х гг. она стала неотъемлемым элементом общеевропейского процесса, философской основой Хельсинкского акта и других важных документов и договоренностей, касающихся европейской безопасности.

«Наша альтернатива - общая безопасность, - подчеркивал один из родоначальников концепции Улоф Пальме. - Нельзя надеяться на победу в ядерной войне; страдания и разрушения будут общими для обеих сторон. Они смогут выжить только вместе. Нужно стремиться к безопасности не против соперника, а вместе с ним. Международная безопасность должна покоиться на приверженности общему выживанию, а не на угрозе взаимного уничтожения.» ⁹³

Общепризнанно, что угрозы безопасности и стабильности возникают не столько в результате роста мощи отдельных держав, сколько при наличии международного окружения, создающего возможности для безнаказанного провокационного поведения со стороны этих держав. Общая безопасность может быть обеспечена при соблюдении вовлеченными странами следующего «кодекса поведения»:

1. Участие в жизни международного сообщества на взаимовыгодных условиях.
2. Отказ от политики, ведущей к ущемлению интересов других стран-участниц.
3. Создание условий, препятствующих достижению односторонних выгод за счет других стран-участниц.

4. Наличие ресурсов и политической воли для того, чтобы сообщество могло совместными усилиями противостоять попыткам нарушения установленных правил .⁹⁴

Концепция общей безопасности получила за последние годы развитие и в трудах отечественных политологов. Авторы доклада независимой группы экспертов “*Этап за глобальным. Либеральный национализм во внешней политике России*”, подготовленного под эгидой Московского Общественного научного фонда (В.Б. Беневоленский, А.Д. Богатуров, Ю.П. Давыдов, К.В. Плешаков, А.Ю. Шумихин и др.), оперируют, например, понятием нормативной системы международных отношений, которая, по их мнению, базируется на определенном кодексе поведения государств в рамках мирового сообщества, подхода к конфликтным ситуациям, новым вызовам международной безопасности и стабильности.

Подобная система преследует цель преодолеть стихийно сложившееся мирорегулирование, традиционно основанное на силовых параметрах государств и коалиций, внося в него элемент всеобщего договора, осознанного баланса устремлений и самоограничений, обусловленных всеобщим интересом в стабильности и свершенствовании системы.

Идея взаимной безопасности государств - это проекция во внешний мир внутреннего способа разрешения конфликтов, характерного для реформистского, демократического общества. У демократического государства нет моральной мотивации для экспансии, образования какого-то центра силы, который диктовал бы другим народам, как им надо обустроить свою жизнь. Утверждению либеральной демократии сопутствовал естественный конец колониализма и начало попыток создать международную коллективную безопасность.

Нормативная система международных отношений утверждается постепенно, втягивая в себя те сферы международной деятельности, те государства и регионы, которые по своим ценностным параметрам уже готовы к ее восприятию. Какой-то, возможно, весьма длительный период, она будет сосуществовать с международной практикой, традиционно ориентированной на силовые параметры.⁹⁵

Для создания структур, гарантирующих соблюдение вышеописанных норм международного поведения, могут быть использованы существующие международные институты и механизмы, однако все они имеют по меньшей мере два существенных недостатка: во-первых, они были изначально приспособлены к условиям жесткой биполярной конфронтации; во-вторых, они отличаются неразвитостью или крайней бюрократизацией их институциональной базы для международных операций.⁹⁶

Концепция безопасности на основе сотрудничества во многом сходна с концепцией общей безопасности. Безопасность на основе сотрудничества часто определяется как политико-дипломатическое сотрудничество между заинтересованными государствами в области обеспечения безопасности.⁹⁷

В то время как традиционные концепции баланса сил рассматривают в основном возможные действия государств в условиях военной конфронтации, концепция Cooperative Security акцентирует роль превентивной дипломатии и мер военно-политического доверия, т.е. налаживание регулярных каналов межгосударственного диалога по вопросам безопасности, выработку механизма консультаций и принятия решений и пр.

Если в рамках системы коллективной безопасности государства объединяются против общего возможного (или действительного) агрессора, то концепция безопасности на основе сотрудничества исходит из принципа общего участия, при котором наличие формальных институтов является необязательным, а поддержание неформального диалога представляется более уместным и эффективным.

С точки зрения военного планирования безопасность на основе сотрудничества предполагает упор не на подготовку противодействия угрозам (сдерживания агрессии), а на разработку превентивных мероприятий, резко снижающих вероятность вооруженного конфликта и потенциальные разрушительные последствия его развязывания, особенно в смысле возможного применения оружия массового уничтожения.⁹⁸

Более подробный сопоставительный анализ вышеописанных механизмов многосторонней безопасности и построение рациональной теоретической модели многосторонней безопасности в Северо-Восточной Азии и АТР возможен в рамках концепции международных режимов, которая, в данном контексте, выполняет интегрирующую теоретико-методологическую функцию.

Джон Рагги ввел в политическую науку концепцию международных режимов в 1975 г., определив последние как «набор взаимных ожиданий, правил, планов, организационных и финансовых установлений, принятых группой государств».ⁱ В 1983 г. на специальной научной конференции усилиями группы ученых было выработано следующее определение:

*Международный режим есть набор сформулированных или подразумеваемых принципов, норм, правил и процедур принятия решений, воплощающих согласованную точку зрения государств - акторов применительно к той или иной сфере международных отношений. Принципы отражают понимание причинности, фактов и обязательности (честности). Нормы являются стандартами поведения, выраженными в понятиях прав и обязанностей. Правила являются конкретными указаниями к действию. Процедуры принятия решений отражают преобладающую практику совершения и исполнения коллективного выбора.*⁹⁹

Дискуссионное поле, сформировавшееся вокруг содержательного определения международных режимов, имеет два «полюса». Согласно одной из крайних точек зрения, режимы включают в себя все взаимодействия международных акторов в рамках той или иной сферы международных отношений (фактически, всю эту сферу). Подобная расширительная трактовка вряд ли уместна, поскольку система международных отношений по определениюⁱⁱ состоит из независимых суверенных субъектов-государств, совокупность которых сама по себе не является режимом.

С другой стороны, режимы часто определяются как международные институты, функционирующие в соответствии со своими формальными правилами; изучение режимов фактически сводится при этом к изучению международных организаций. Компромис-

ⁱ Цит. по: Keohane, Robert O. *After Hegemony. Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton University Press. 1984. p. 57.

ⁱⁱ По мнению Роберта Норта, международная система (или, по его терминологии, «третий образ») включает в себя «два или более государства, регулярно взаимодействующие между собой позитивным или негативным образом». - Цит. По : Robert C. North. *War, Peace, Survival*. p. 19.

сная точка зрения (Ст. Краснер и др.) допускает существование международного режима в том случае, если отношения сторон каким-либо образом регламентируются или не основаны на независимом принятии решений странами-участницами.¹⁰⁰

Компромиссная трактовка режимов определяет их также как децентрализованные институты. При этом децентрализация означает не отсутствие механизма санкций за нарушение правил и норм режима, а необходимость одобрения таких санкций каждым из участников, а также менее жесткое и обязательное, по сравнению с системами коллективной безопасности, применение санкций.

Международные режимы создаются не столько для централизованной реализации согласованных решений, сколько для создания атмосферы предсказуемости в международных отношениях, в условиях которой государства принимают решения по защите и продвижению своих национальных интересов с учетом интересов других государств, а также налаживают друг с другом взаимовыгодное сотрудничество.

Международные режимы устанавливают определенные стандарты поведения, которые помогают государствам оценивать намерения и репутацию друг друга; обеспечивают дискуссионные форумы (часто с участием международных организаций); способствуют равноправному информационному обмену, тем самым увеличивая предсказуемость международного поведения.

Принципы международных режимов в самом общем виде определяют цели, которые преследуют их участники (так, фундаментальный принцип режима нераспространения состоит в том, что распространение ядерного и других видов оружия массового уничтожения (ОМУ) представляет опасность для всеобщего мира и выживания человечества).

Нормы содержат более четкое определение легитимности международного поведения, но также определяют права и обязанности стран-участниц лишь в общем виде (в случае с режимом нераспространения - обещание избегать действий, способствующих распространению ОМУ).

Хотя правила международных режимов не всегда легко отличить от норм (они часто сливаются друг с другом), правила более конкретно определяют права и обязанности участников и легче поддаются корректировке в случае необходимости. Процедуры принятия решений имеют тот же уровень детализации, что и правила, и определяют способы реализации принципов и порядок корректировки правил.

Тесная взаимосвязь принципов, норм и правил - основополагающий критерий легитимности и жизнеспособности международного режима. Именно такая взаимосвязь позволяет судить о том, является ли корректировка правил сменой международного режима или перестройкой внутри режима. Объединяет принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений то, что все они содержат рекомендации относительно поведения стран-участниц международного режима (хотя таковые и не подлежат безусловному исполнению с применением иерархической системы права).¹⁰¹

Выделяются два основных типа международных режимов - *международные экономические режимы* (economic regimes) и *международные режимы безопасности* (security regimes). Именно последние являются предметом концептуализации и теоретического анализа в рамках настоящего исследования.

В силу существования т.н. дилеммы безопасности международные режимы безопасности гораздо менее развиты по сравнению с экономическими. Осуществляя оборонную политику и иные действия на международной арене по защите и продвижению своих национальных интересов, любое государство традиционно воспринимается соседями как потенциальная угроза. Дополнительные меры по отражению реальных или воображаемых вызовов безопасности влекут ответную реакцию - и так далее. Опыт показывает, что прервать эту цепь эскалации очень трудно.

Особую озабоченность государств вызывает не само отсутствие упорядоченных отношений в сфере безопасности, а угроза того, что один из «игроков», внезапно изменив правилам игры, получит односторонние преимущества.

В сфере безопасности подобный риск (т.н. «цена предательства») гораздо выше, чем в экономике. Именно поэтому международные экономические режимы имеют, по сравнению с международными режимами безопасности, более предпочтительные шансы для существования и развития.

По мнению Ч. Липсона, разница в условиях зарождения и функционирования двух типов международных режимов сводится к трем основным моментам: «цене предательства», сложности контроля за соблюдением «правил игры» и стремлению воспринимать вопросы безопасности в соревновательном духе.¹⁰²

Вопросы предсказуемости, доверия и равноценного обмена информацией выходят на первый план при конструировании международных режимов безопасности. При этом международные режимы не являются синонимом взаимности, а, скорее, укрепляют и институционализируют ее.ⁱ Существующие в рамках режима нормы и правила закрепляют согласованное понимание взаимности в той или иной сфере международных отношений, и таким образом делигитимируют отступление от нее.

В основе структуры и функционирования международных режимов безопасности лежит диалектика баланса сил и баланса интересов в международных отношениях. Для государств - акторов международной системы (и потенциальных участников международных режимов) безусловным приоритетом и отправной точкой их практической политики является защита и продвижение интересов национальной безопасности.

Национальная безопасность определяется здесь как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз; положение страны, при котором ей не угрожает опасность войны либо иные посягательства извне на существование и независимое развитие, а также как состояние государства, позволяющее ему сохранять свою целостность и выступать самостоятельным субъектом международных отношений.¹⁰³

Именно понимание интересов национальной безопасности определяет отношение того или иного государства к нормам международного права и международным режимам, которое варьируется от тотального изоляционизма до конструктивной вовлеченности. Как отмечал еще в 1939 г. Юджин Карр, «международное право не может быть понято вне зависимости от политической основы, на которой оно покоится, и политических интересов, которым оно служит».¹⁰⁴

ⁱ *Neorealism and Neoliberalism: The Contemporary Debate*. p. 140.

В свою очередь, баланс сил является комплексным понятием, допускающим неоднозначные трактовки. Существуют следующие интерпретации баланса сил:

- политика, направленная на поддержание определенного состояния силовых отношений;
- действительное состояние межгосударственных силовых отношений;
- приблизительно равное распределение силы;
- любое распределение силы.

Концепция баланса сил включает в себя две противоречивые функции: обеспечение стабильности в межгосударственных силовых отношениях и предотвращение силового доминирования одного государства над другим (что подразумевало бы возможность изменения баланса).¹⁰⁵

В рамках системы баланса сил государства действуют так, чтобы уравновесить силовые возможности и амбиции друг друга, уменьшая тем самым уровень насилия внутри системы. Считается, что любое государство в рамках системы баланса сил будет стремиться усилить свои позиции, но путем переговоров, а не конфронтации (хотя в конечном счете и будет готово прибегнуть к конфронтации, чтобы не упустить такую возможность).

Государство будет готово прекратить конфронтацию, чтобы предотвратить устранение какого-либо из ключевых элементов баланса сил; оно будет всячески противодействовать попыткам доминирования со стороны любого из элементов системы. Оно поможет восстановить (или вновь приобрести) приемлемый статус ролевого партнера для тех акторов системы, которые его утратили или еще не приобрели.¹⁰⁶

Баланс сил по существу представляет собой систему нестабильного равновесия, при нарушении которого автоматического возврата к прежнему положению не происходит. Баланс сил меняется в зависимости от конкретной ситуации в сфере региональной (субрегиональной) безопасности и степени вовлеченности государств в решение проблем безопасности.

2. 2. СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ БЕЗОПАСНОСТИ

Автор разделяет широко представленную в трудах теоретиков точку зрения о том, что международные режимы безопасности не могут основываться исключительно на силовых отношениях. Скорее, они в той или иной мере дополняют существующие силовые отношения. Из этого следует, что *неравное распределение между государствами комплексной мощи обуславливает асимметричный характер многосторонних механизмов обеспечения безопасности, особенно на региональном уровне, а также иерархический характер современных международных отношений в целом.*

В рамках подобных режимов одни участники добиваются безопасности, другие - автономии. Более сильная держава обеспечивает безопасность для менее сильных, увеличивая тем самым автономию принятия решений; слабая региональная держава получает гарантии безопасности в обмен на обещание следовать политическому курсу более сильного партнера, предоставление своих военных баз и пр.

Применительно к условиям Азиатско-тихоокеанского региона это означает, что ядром регионального союза здесь может стать одна из крупных военных держав, обладающих ядерным оружием. Региональные союзы, не включающие в себя влиятельные страны, возможно, имеют право на существование¹, однако они не могут достаточно эффективно обеспечить региональную безопасность.¹⁰⁷

Концепция международных режимов, основанная на диалектике баланса сил и баланса интересов, предполагает, что государства в силу определенного понимания интересов национальной безопасности могут в определенных условиях предпочесть процедуру совместного принятия решений в области безопасности, если сочтут это полезным и выгодным для себя.

Соблюдение совместно выработанных «правил игры» отнюдь не означает, что государства следуют общим целям и идеалам в политике или отвергают принцип национального суверенитета. Основной движущий мотив здесь - стремление обеспечить свои долгосрочные интересы и предсказуемость поведения партнеров на международной арене.

В основе функциональной динамики международных режимов лежит понятие сотрудничества, которое отнюдь не является синонимом гармонии или близкого схождения национальных интересов в сфере безопасности. Сотрудничество в рамках международного режима - скорее, не отсутствие конфликта, а реакция на конфликт или потенциальный конфликт.¹⁰⁸

Путь к сотрудничеству в рамках международного режима - переговорный процесс, в ходе которого происходит сближение позиций или координация политики (policy coordination). В результате возможные негативные последствия каких-либо решений для других решений устраняются полностью или частично. По определению Р. Кохана, межгосударственное сотрудничество имеет место тогда, когда политика государства воспринимается

¹ Яясухиро Накасонэ, например, относит к ним АСЕАН, замечая, однако, что этот союз находится под косвенным покровительством американской военной мощи, - через Филиппины, Таиланд и Сингапур.

ется партнерами как способствующая реализации их собственной политики в результате процесса координации.¹⁰⁹

Сотрудничество и координация политики в рамках международных режимов не тождественны. Первое лежит в основе режимов, созданных для достижения некоторого позитивного результата; второе - основа режимов, создающихся не для следования определенному курсу, а для избежания определенных последствий (негативный результат).

Для функционирования режимов второго типа достаточно выработки взаимоприемлемых конвенций (формальных или неформальных). Режимы первого типа требуют, кроме того, и некоторого институционального оформления.

Более того, диалектика баланса интересов предполагает, что сотрудничество в рамках международных режимов не есть лишь функция интересов безопасности. Самого наличия общих или сходных интересов недостаточно для функционирования режимов. Необходимо существование соответствующих институтов, обеспечивающих предсказуемость поведения партнеров и сокращающих асимметрию в обмене информацией.¹¹⁰

Концептуализация международных режимов безопасности предполагает более детальное функциональное разграничение международных режимов и международных институтов, являющееся предметом теоретических дискуссий. Даже ученые, отрицающие необходимость институционализации международных режимов, признают ее одним из важных параметров функционирования последних.

В то время как некоторые теоретики считают неинституционализированные режимы «квази-режимами», другие полагают, что международные режимы и международные институты независимы друг от друга и могут существовать автономно. Режимы могут быть институционализированы или нет, а международные организации могут (хотя и необязательно) функционировать как режимы.¹¹¹

Организация Объединенных Наций - пример международной организации, не являющейся режимом, поскольку членство в ней не ограничивает независимого принятия государствами политических решений, а лишь обеспечивает возможность дискуссий и формального и неформального взаимодействия.

В то же время важность ООН, в особенности ее некоторых специализированных агентств, для функционирования региональных режимов безопасности¹ настолько велика, что эта поистине универсальная международная организация зачастую является единственным средоточием координации национальных интересов в сфере безопасности.

Становление и функционирование международных режимов безопасности в АТР и других регионах земного шара напрямую связано с процессом реформирования институтов ООН, происходящим на протяжении последних лет. В повестке дня стоит вопрос о выработке нового механизма взаимодействия ООН с региональными структурами безопасности и военно-политическими союзами, которые могли бы содействовать Организации Объединенных Наций в выполнении поставленных перед ней задач.

Это - прямой ответ на теоретическую и политическую критику ООН со стороны сторонников региональных систем коллективной безопасности и региональных военно-

---

ⁱ Этот вопрос, применительно к международным режимам безопасности в Северо-Восточной Азии и АТР, подробнее рассмотрен в третьей главе настоящего исследования.

политических союзов. Глобализация системы безопасности могла бы, по их мнению, привести к эскалации любого местного конфликта до уровня глобального, или к тому, что локальные конфликты вообще перестанут интересовать мировое сообщество.

В то время как региональные вызовы умножились и приобрели необычные формы, институты сдерживания остались старыми, все менее соответствующими реальности. Имеющиеся механизмы контроля рассчитаны на предупреждение глобальных угроз. Для ограниченных конфликтов, представляющих главную угрозу современному международному порядку, они слишком громоздки и неразворотливы; политическая и техническая практика их запуска не отработана.¹¹²

Многие полагают, что в эпоху холодной войны ООН не успела (и принципиально не могла) проявить себя в качестве инструмента коллективной безопасности. Сейчас, с началом постконфронтационного периода международных отношений, еще рано судить об эффективности ООН в этом отношении, равно и о том, какую роль могли бы сыграть, например, ОБСЕ или НАТО в обеспечении европейской безопасности.¹¹³

В то же время, во многих случаях многосторонние региональные образования обладают незаменимым потенциалом для осуществления функций превентивной дипломатии, миротворчества и урегулирования конфликтов. Многие государства - члены ООН выступают за более активное использование этого потенциала в деятельности по поддержанию мира.

28 января 1993 г. Совет Безопасности ООН призвал региональные организации и образования к более целенаправленной перестройке их структуры и функций, для решения задачи поддержания международного мира и безопасности в качестве приоритетной.

В августе 1994 г. в Нью-Йорке Генеральный секретарь ООН впервые провел встречу с главами региональных организаций и образований, на которой была отмечена необходимость децентрализации усилий по поддержанию международного мира и безопасности в рамках мандата ООН (при сохранении ключевой ответственности за поддержание мира за Советом Безопасности). Особое внимание было обращено на более интенсивный обмен информацией между штаб-квартирой ООН и региональными образованиями на ранних стадиях урегулирования кризисных и конфликтных ситуаций.

Нормативно-дескриптивный подход к анализу международных режимов в Северо-Восточной Азии и АТР предполагает не только анализ общетеоретических представлений на этот счет, но и рефлексию относительно теоретико-методологического осмысления концепции международных режимов безопасности, выполненного на протяжении последних лет учеными и политиками заинтересованных стран региона.

В частности, на различных форумах по проблемам азиатской безопасности широко обсуждался вопрос об основных принципах создания многосторонних механизмов безопасности в АТР. К наиболее важным из них можно отнести, например, следующие:

- проведение переговоров и консультаций по урегулированию разногласий и конфликтов;
- регулярный обмен информацией и мнениями по вопросам региональной безопасности;
- добровольный отказ от деятельности, которая могла бы быть расценена другими государствами как угрожающая интересам их национальной безопасности;

- использование военной силы исключительно в целях самообороны.¹¹⁴

По мнению китайских участников Первого международного форума по вопросам безопасности в Северо-Восточной Азии (NEADF), состоявшегося в ноябре 1993 г. в Сеуле, эффективный механизм сотрудничества в области региональной безопасности должен быть основан на пяти принципах мирного сосуществования и понимании того, что в условиях отсутствия общего противника новый механизм обеспечения региональной безопасности не может быть блоком или альянсом.

При невозможности разрешения спорной или конфликтной ситуации решение вопроса следует откладывать на более поздний период. Оборонное строительство должно вестись на основе разумной достаточности, а разоруженческие процессы в регионе должны быть обеспечены лидирующими усилиями США и России.

Механизмы региональной безопасности должны предусматривать создание безъядерных зон на Корейском полуострове и в районе Японского моря. Сотрудничество в области региональной безопасности должно способствовать развитию экономических, политических и культурных отношений в регионе, а также обеспечивать ведущую позитивную роль ООН.¹¹⁵

Общий подход китайской стороны к построению международных режимов безопасности в АТР был сформулирован зам. министра иностранных дел КНР Ли Хуацю в его обращении к участникам Конференции университетов и исследовательских центров стран АТР в марте 1992 г. в Пекине:

- ◇ Уважение Устава ООН и принципов мирного сосуществования.
- ◇ Разрешение споров и конфликтов мирным путем, без применения силы.
- ◇ Недопущение создания военных блоков и союзов, направленных против третьих стран или регионов; недопущение размещения вооруженных сил и военных баз за пределами национальной территории.
- ◇ Участие в приемлемой форме в контроле над вооружениями и разоружении, включая обычные вооружения и средства массового уничтожения, при сохранении необходимого потенциала обороны.
- ◇ Постепенное создание двусторонних, субрегиональных и региональных консультационных механизмов для обсуждения проблем безопасности, с упором на меры превентивной дипломатии.
- ◇ Развитие всестороннего экономического сотрудничества во имя мира и прогресса в АТР на основе равенства и взаимной выгоды.¹¹⁶

В политических и академических кругах стран АТР утвердилось представление о том, что структурную основу международного режима безопасности (или, скорее, системы таких режимов) в Северо-Восточной Азии и АТР может составить оптимальное сочетание совокупности двусторонних оборонительных союзов и разноуровневых многосторонних консультационных механизмов. Подобная точка зрения получила свое распространение в работах П. Брэкена, С. Дюка, К. Форда, Э. Лака, Э. Олсена, Р. Скалапино, Дж. Фоста, Я. Накасонэ, Хан Сун Джу, Ли Се Хана, Ким Кук Чина и других авторов.

Американские политологи обращают особое внимание на укрепление оси двусторонних оборонительных связей США и их региональных союзников, а также ключевое

значение американо-китайских отношений в деле создания региональных режимов безопасности.

Отмечается, в частности, что Соединенным Штатам следует уверить своих основных союзников в субрегионе - Японию и Южную Корею - в своей последовательной приверженности обеспечению их безопасности, побуждая их при этом к более активному участию в создании многосторонних механизмов безопасности в АТР. Творцам внешней политики США предписывается поддерживать усилия АСЕАН в области обеспечения многосторонней безопасности в ЮВА, поддерживая американское военное присутствие в субрегионе.

Подчеркивается, что интересы США в Азии в XXI веке будут наилучшим образом обеспечены при существовании «системы умеренного многостороннего баланса сил». Соединенным Штатам следует поощрять тенденцию к созданию регионального баланса сил, основанного на общем интересе - дальнейшего экономического роста и избежания опасности большой войны.¹¹⁷

Американские политики и ученые озабочены перспективами участия КНР в уже существующих режимах безопасности. В Центре азиатских исследований Heritage Foundation полагают, например, что США отнюдь не преуспели за последние 15 лет в вовлечении Китая в международные режимы, такие как режим контроля за ракетными технологиями (РКРТ), т. н. Новый Форум (преемник КОКОМ), и др. При этом справедливо отмечается, что Китай вряд ли будет соблюдать международные правила поведения, которые вырабатывались без его участия.¹¹⁸

Американская дипломатия прилагает настойчивые усилия по поддержанию американо-китайского диалога в сфере безопасности. Так, в октябре 1993 г. Китай посетил помощник министра обороны США по вопросам региональной безопасности Ч. Фримэн. Результатом визита стало возобновление двусторонних военных контактов на высоком уровне, прерванное после событий на Тяньаньмэнь в 1989 г.

В ходе консультаций с министром обороны Чи Хаотянем и другими представителями командования НОАК, а также заместителем министра иностранных дел Лю Хуацю обсуждались проблемы безопасности в Азии, в том числе положение на Корейском полуострове, в Кампучии, ситуация в области торговли оружием и распространения ракетных технологий. Затрагивался также ряд вопросов, связанных с участием в миротворческих операциях и возможной роли американских компаний в конверсии оборонной промышленности КНР.¹¹⁹

Рассматривая альтернативы политики США в отношении Китая, бесспорный авторитет в этой области исследований Г. Хардинг выделяет политику ослабления и расчленения (Fragmentation), сдерживания (Containment), комплексной вовлеченности (Comprehensive Engagement) - нынешнюю политику администрации Клинтона - и рекомендуемую им политику интеграции (Integration). Последняя означает поощрение расширения двусторонних экономических и политических связей КНР со своими соседями, а также многостороннего сотрудничества в рамках АТР.

Хотя политика комплексной вовлеченности и интеграции имеют много общего, последнюю отличают три существенных момента:

- Стремление обеспечить вовлеченность КНР в дела региона преимущественно на многосторонней основе; при этом США рассматриваются как один из элементов общества азиатско-тихоокеанских стран.
- Более четкая дифференциация и артикуляция сфер совпадения и различий национальных интересов США и КНР в регионе.
- Упор на создание контекста азиатско-тихоокеанского сотрудничества, способствующего вовлечению Китая в дела региона и соблюдению взятых им на себя международных обязательств ¹²⁰.

Некоторые исследователи (С. Дюк и др.) отстаивают т.н. функциональный подход к строительству международных режимов безопасности в СВА и АТР, ¹²¹ полагая, что лишь постепенное налаживание экономического и политического сотрудничества в регионе создаст базу для строительства многоуровневых режимов безопасности. Стартовой точкой может стать выработка мер доверия на Корейском полуострове, с участием двух корейских государств, Китая, Японии, России и США.

Авторы концепции т.н. «строительных кирпичей» (building blocks) Д. Болл, У. Тау и др. предлагают конструирование *«...множества субрегиональных образований, связанных с различными аспектами безопасности и различными категориями членства, основанных на существующем широком спектре двусторонних и ограниченном наборе многосторонних отношений, и нацеленных на решение общепризнанных и наиболее актуальных задач в области региональной безопасности»*. ¹²²

По мнению некоторых российских авторов, схема возможных последовательных действий по строительству региональных режимов безопасности в СВА может включать в себя:

- ⇒ конструирование сначала консультационного, а затем переговорного механизма в субрегионе;
- ⇒ коллективное обсуждение и решение вопросов военной безопасности;
- ⇒ переход к урегулированию более широких аспектов субрегиональной и региональной безопасности (экономическая и экологическая безопасность, координация мер по борьбе с международным терроризмом и незаконным оборотом наркотических средств и пр.). ¹²³

Определенное внимание уделяется многостороннему сотрудничеству по обеспечению региональной безопасности в рамках АСЕАН. Следует, однако, подчеркнуть, что АСЕАН, являясь сообществом безопасности де-факто, не может считаться сообществом совместной обороны, хотя некоторое сотрудничество в области совместной обороны и осуществляется. ⁱ

ⁱ По данным Международного института стратегических исследований, страны-участницы Пятистороннего соглашения о совместной обороне (FDPA) расширяют объединенную систему ПВО для включения в нее западной и восточной Малайзии и Брунея; Индонезия и Малайзия ведут совместную военно-морскую разведку в Малаккском проливе и пр. - См. *Regional Security and Economic Cooperation*. International Academic Symposium. Published by World League for Freedom and Democracy Republic of China Chapter. Taipei, Taiwan, ROC. January 14, 1993. p. 32.

Выделяются также и иные попытки создания многосторонних механизмов безопасности на субрегиональной основе. Так, в марте 1997 г. Токио предложил Вашингтону проведение на регулярной основе встреч лидеров США, Японии и Китая, для обсуждения перспектив создания системы безопасности в АТР. В августе 1997 г. помощник президента США по национальной безопасности С. Бергер во время визита в КНР предложил проведение встреч высокопоставленных представителей трех стран, включая их руководителей, в целях расширения обменов по проблемам обеспечения безопасности в АТР.

Идея трехсторонних встреч обсуждалась и в ходе визита Председателя КНР в США в октябре 1997 г. Китай высказался за проведение трехсторонних встреч на неофициальном уровне. Развитие отношений конструктивного стратегического партнерства между Россией и КНР, а также между КНР и Соединенными Штатами повышает шансы на создание четырехстороннего переговорно-консультационного механизма по проблемам региональной безопасности с участием России.

Как неизменно подчеркивается теоретиками и аналитиками стран Азиатско-тихоокеанского региона, международный режим безопасности в СВА должен в целом быть ориентирован на меры превентивной дипломатии, т.е. иметь в качестве приоритетной задачи предотвращение возникновения новых или эскалации существующих в субрегионе конфликтов, и прежде всего способствовать созданию благоприятных внешних условий для решения Корейского вопроса.

В силу очевидной политической заинтересованности в разработке и реализации концепции международных режимов безопасности, исследователи и политические аналитики Республики Корея наиболее заметно продвинулись в этой области. Так, в ряде трудов южнокорейских авторов подробно разработаны структурные варианты международного режима безопасности в СВА, включая его характеристики, принципы формирования, цели и функции.

Подчеркивается, что международный режим безопасности должен строиться на поэтапной основе, в качестве дополнения существующих двусторонних отношений и предусматривать гибкое членство.

Выделяются следующие характеристики международного режима безопасности:

- * Дискуссии в сфере безопасности должны вестись не по двусторонним проблемам, а по вопросам, представляющим общий интерес.
- * Упомянутые дискуссии следует проводить в качестве средств превентивной, а не кризисной дипломатии.
- * На начальной стадии дискуссии по проблемам безопасности должны включать в себя обмен мнениями и информацией, и лишь затем переходить к обсуждению совместных действий на основе консенсуса.

Что касается целей международного режима безопасности в СВА, то они могут включать в себя:

- ⇒ Улучшение взаимопонимания и взаимного доверия через регулярные контакты и диалог.
- ⇒ Повышение взаимной предсказуемости действий государств-участников диалога по проблемам безопасности.

⇒ Переход от мер взаимного доверия к созданию региональной структуры переговоров по контролю над вооружениями и разоружением.

⇒ Создание благоприятных условий для мирного объединения Кореи.

Основные функции международного режима безопасности, по мнению упомянутых авторов, могут состоять в следующем:

I. Режим может служить органом консультации и налаживания сотрудничества в политической и социально-экономической областях, в сфере охраны окружающей среды, борьбы с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков.

II. Режим может выступать средством поддержки официальных, а также академических и неправительственных форумов и конференций по проблемам военной безопасности, а также, совместно с Институтом ООН по проблемам разоружения (UNIDIR), форумов по проблемам мер доверия в СВА и АТР.

III. Режим может способствовать обмену военной информацией, встречам военных представителей стран-участниц и созданию структуры взаимного доверия.

IV. В рамках режима могут проводиться специальные расследования и сбор данных по проблемам, согласованным со странами-участницами.¹²⁴

Южнокорейский вариант субрегионального режима безопасности предполагает сочетание реализации мер военно-политического доверия, неформального диалога на уровне министров иностранных дел или их заместителей, и заседаний рабочих групп для проработки конкретных вопросов.

Исходя из общепринятой классификации международных режимов, отражающей особенности их зарождения и развития (спонтанные, навязанные и переговорные), Ли Мин Юн и другие авторы полагают, что для Северо - Восточной Азии были бы наиболее приемлемы режимы безопасности, возникающие на основе переговорных усилий. Фундаментальными политическими целями и задачами таких режимов могли бы стать разработка и реализация мер военно-политического доверия через многосторонние переговоры или конвенции.¹²⁵

Состав участников подобных режимов мог бы варьироваться в зависимости от конкретных условий. В базовый список предполагается включить шесть стран (РК, КНДР, США, Япония, Китай и Россия)ⁱ, с привлечением Канады для обсуждения вопросов экологической безопасности, стран ЮВА - для обсуждения проблем экономической безопасности и использования природных ресурсов и т.д.

По мнению южнокорейских политологов, функционирование различных режимов безопасности на субрегиональном и региональном уровне (таких как режим ядерного нераспространения или режим контроля за ракетными технологиями) постепенно заложило бы основы для консолидации этих режимов и выработки консенсуса относительно их норм, принципов и правил.¹²⁶ Это, в свою очередь, могло бы стать шагом на пути создания всеобъемлющей (и формализованной) организации по обеспечению региональной безопасности.

ⁱ При очевидной политической роли США и России и их заинтересованности в региональных делах, наиболее активная переговорная роль отводится автором Южной Кореи, Китаю и Японии.

* * *

Анализ многосторонних отношений безопасности в АТР в рамках теории международных режимов показывает, что в регионе складываются многосторонние режимы безопасности двух типов:

- I. *Режимы транспарентности и мер доверия*, связанные преимущественно с информационно-коммуникационным обменом и обеспечением открытости и предсказуемости военной деятельности стран СВА и АТР.
- II. *Ограничительные режимы (режимы нераспространения)*, предусматривающие запрет или ограничения на определенные виды военной деятельности, производство или применение некоторых видов вооружений и средств вооруженной борьбы.

Существенная особенность и неотъемлемое условие функционирования региональных режимов безопасности - их взаимосвязанный и взаимодополняемый характер. Ни двусторонние отношения в области безопасности, ни многосторонние образования на субрегиональном и региональном уровне, ни соответствующие усилия ООН не могут и не должны противоречить друг другу или служить альтернативным способом укрепления безопасности. Лишь в своей совокупности они обеспечивают благоприятную среду для обеспечения безопасности на основе сотрудничества в АТР.

ГЛАВА 3

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЕЖИМЫ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ И МЕР ДОВЕРИЯ

3.1. КЛАССИФИКАЦИЯ МЕР ТРАНСПАРЕНТНОСТИ И ВОЕННОГО ДОВЕРИЯ

Основным содержательным аспектом функционирования многосторонних механизмов безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе является реализация комплекса мер транспарентности и военного доверия. Зарождение этого специфического компонента международных режимов безопасности прослеживается со времен начала Хельсинкского процесса и работы комиссий Пальме и Брунтланд в 70-80-е годы.

Термин «меры доверия» был введен в политико-дипломатический обиход на Конференции Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1973 г. В Хельсинкском Акте 1975 г. официально упоминаются меры по укреплению доверия (Confidence-Building Measures, CBM) и меры по укреплению доверия и безопасности (Confidence and Security Building Measures, CSBM).

Так утверждались т.н. меры доверия первого поколения, связанные с регламентацией деятельности обычных вооруженных сил в Европе. Десятилетие спустя наступило время мер доверия второго поколения, охвативших более широкий спектр повседневной военной активности, включая мониторинг военных учений и определенных видов военной деятельности.

С принятием Хельсинкского заключительного акта 1975 г., Стокгольмской конвенции 1986 г. и Венского документа 1990 г. были запрещены угроза применения военной силы и применение силы. Постепенно осуществлялись меры, побуждавшие к открытому проведению военной деятельности и контролю за ней в целях уменьшения угрозы внезапного нападения и возможности возникновения войны в результате неверной оценки ситуации, предварительное уведомление о военных учениях, присутствие на маневрах, заблаговременный обмен графиками маневров и пр. На этой основе в ноябре 1990 г. была достигнута договоренность о сокращении обычных вооружений в Европе.

Как известно, Стокгольмские документы предусматривают:

- ❖ предварительное уведомление других стран-участниц по дипломатическим каналам о начале определенной военной деятельности в зоне применения мер доверия;
- ❖ приглашение наблюдателей государств-участников на подлежащие уведомлению военные маневры;
- ❖ составление календаря подлежащих уведомлению маневров на следующий календарный год;
- ❖ отказ от проведения определенной военной деятельности без соответствующего заблаговременного уведомления о таковой;
- ❖ - право проведения инспекций на территории любого другого государства-участника.¹²⁷

В марте 1992 г. был принят пересмотренный Венский документ и началось осуществление более продвинутых мер по укреплению транспарентности и доверия в

отношении повседневной военной деятельности. Кроме того, СБСЕ учредило разнообразные органы - Рабочий комитет высокого уровня, Постоянный секретариат, Центр по предотвращению конфликтов, Форум по сотрудничеству в сфере безопасности, в рамках которых осуществляется регулярный диалог между странами-участницами и ежегодный обмен военными данными, проводятся взаимные консультации и сотрудничество по вопросам военной деятельности.

В декабре 1994 г. на встрече в верхах в столице Венгрии Будапеште была предпринята попытка превратить СБСЕ в постоянный механизм обеспечения безопасности путем реорганизации его с 1 января 1995 г. в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

В европейском контексте меры транспарентности и доверия в военной области утвердились в качестве традиционного инструмента западной дипломатии в сфере урегулирования конфликтов. Они доказали свою эффективность в деле снижения напряженности в отношениях Восток - Запад; *сформировалась своего рода «политическая культура мер доверия», которая определяет ныне тональность взаимоотношений традиционно враждовавших и соперничавших стран.*¹²⁸

Арсенал мер транспарентности и доверия в военной области с трудом находил себе применение в других регионах земного шара, особенно в развивающихся странах и зонах национально-освободительной борьбы, где их воспринимали как «западную уловку». Делался акцент на их политической ангажированности и зачастую игнорировались сами технологии укрепления открытости и доверия. Однако постепенно меры транспарентности и доверия в военной области утверждались в качестве универсальных средств снижения напряженности и укрепления взаимной безопасности.

На протяжении последних десятилетий меры доверия эволюционировали от простейших форм к все более сложным. Ниже предпринята попытка их классификации и структуризации применительно к Азиатско-тихоокеанскому региону, обладающему отчетливо выраженной спецификой в области безопасности.

Йохан Юрген Хольст определил меры доверия как военные мероприятия, нацеленные на информирование и укрепление доверия в отношении объявленных намерений других государств в сфере их политики безопасности, а также фактов их военной деятельности и возможностей осуществления задач национальной политики безопасности.¹²⁹

Широкое определение мер доверия относит к ним *любые усилия, направленные на уменьшение неопределенности, которая вызывает напряженность и повышает вероятность конфликтов.* Технический прогресс позволяет облечь в осязаемую форму политические устремления сторон и облегчить выработку многочисленных мер доверия и безопасности. Здесь требуется процесс конструктивного параллелизма¹³⁰ - усилия на глобальном уровне не исключают необходимости достижения прогресса в реализации региональных, субрегиональных, двусторонних и односторонних инициатив.

Более скептическая трактовка некоторых американских экспертов определяет меры доверия в качестве «скромных попыток понудить потенциальных противников к более спокойному восприятию военной деятельности другой стороны»; доверие определяется при этом как «взаимное ожидание неантагонистического поведения».¹³¹

Понимание мер доверия в широком смысле сближает его с определением **мер транспарентности** в военной области. Поскольку главной целью сотрудничества в области безопасности является предотвращение конфликта, *главной целью мер транспарентности является минимизация дилеммы безопасности путем обеспечения открытости каналов информации и связи по всему спектру проблем безопасности*, - от обмена данными о военных бюджетах до взаимного предупреждения о военных учениях.

Полезность мер транспарентности определяется не столько степенью доверия между сторонами, сколько наличием конкретной верифицируемой информации в области безопасности (что является необходимым, но не достаточным условием). В отсутствие надежной информации о действиях потенциального противника другая сторона склонна преувеличивать его намерения в области обороны и безопасности и готовиться к «худшему сценарию». Меры транспарентности укрепляют взаимное доверие и выполняют функции «раннего предупреждения» против агрессии или возможного конфликта.¹³²

К мерам транспарентности можно отнести публикацию национальных военных стратегий и доктрин, «белых книг» по вопросам обороны, а также данных о военных бюджетах и планах закупки вооружений. К наиболее значительным мерам транспарентности относят также Регистр обычных вооружений ООН, соблюдение требований международных режимов верификации и контроля и пр.

Меры транспарентности могут быть реализованы на основе поэтапного подхода и постепенного восхождения от простых форм к более сложным, а также распространения мер транспарентности от военной к другим сферам безопасности - экономической, экологической, проблемам беженцев и борьбы с незаконным оборотом наркотиков, контрабандой, пиратством и пр.

В 1991 г. КНР представила в Комитет по разоружению Генеральной Ассамблеи ООН документ «Основные позиции в области объективности информации по военным вопросам». В этом документе, а также в трудах китайских специалистов, акцентируются следующие аспекты применения мер военной транспарентности в АТР:

- Характер и масштаб применения мер транспарентности должен определяться соображениями безопасности; здесь больше не всегда означает лучше.
- Транспарентность в отношении национальной военной стратегии более важна, нежели в отношении военного потенциала.
- Двусторонние меры военной транспарентности легче применимы и имеют больший практический эффект.

В этой связи отмечается также, что в области военной стратегии Китай придерживается принципа «активной обороны», т.е. принципа ответного удара, предусматривающего ведение оборонительных боевых действий на своей территории и в прибрежной зоне и исключаящую проекцию военной силы на большие удаления.¹³³

Применимость мер транспарентности является предметом дискуссий в среде китайских ученых и экспертов. В то время как большинство китайских политиков и специалистов в области военного планирования полагает, что меры транспарентности должны основываться на оборонных возможностях страны, и страны с более сильным военным потенциалом более других заинтересованы в открытости военной деятельности,¹³⁴ - некоторые из них считают, что меры транспарентности сами по себе способствуют снижению

напряженности и устранению подозрительности во взаимоотношениях азиатско-тихоокеанских стран, объективно укрепляя региональную стабильность и безопасность.¹

На Первом Форуме по вопросам обороны и безопасности в Северо-Восточной Азии (NEADF) в ноябре 1993 г. меры доверия определялись как процесс укрепления взаимного доверия между государствами, и включали в себя политические меры доверия (декларации о мирных намерениях, о ненападении и пр.) и рестриктивные меры доверия (меры сдерживания), направленные на запрет, ограничение или контроль военных операций и размещения войск, считающихся дестабилизирующими.¹³⁵

Такое, сравнительно узкое понимание мер доверия позволяет рассматривать их в соотношении с более общими мерами военно-политического характера, направленными на укрепление доверия и сотрудничества в сфере безопасности между государствами Северо-Восточной Азии и АТР.

Что касается мер доверия в собственно узком смысле, то они применительно к региону делятся на две основные группы - меры, связанные с обеспечением нераспространения ядерного и других видов оружия массового уничтожения, и меры, касающиеся обычных вооруженных сил и вооружений.

Если меры доверия, связанные с режимом нераспространения в АТР, по определению носят многосторонний характер, то меры доверия в области обычных вооруженных сил и вооружений делятся на две основные группы:

I. Меры двустороннего характера, касающиеся непосредственного военного противостояния между Севером и Югом Кореи (к ним примыкают конвенциональные меры доверия на российско-китайской границе);

II. Многосторонние конвенциональные меры доверия, обеспечивающие укрепление безопасности всех региональных держав и создающие благоприятные внешние условия для разрешения субрегиональных спорных и конфликтных ситуаций двустороннего характера (межкорейский диалог, японо-российский территориальный спор).

Что касается первой из упомянутых подгрупп конвенциональных мер доверия, то меры доверия на российско-китайской границе особо выделяются в субрегиональном и региональном масштабе. Их достижение явилось результатом многолетних политико-дипломатических усилий.

В апреле 1990 г. КНР и СССР подписали Соглашение об основах взаимного сокращения вооруженных сил и мерах доверия в районе границы. В июле 1994 г. представители двух стран поставили свои подписи под двусторонним Соглашением о предотвращении опасной военной деятельности. Указанные документы содержат положения о мерах военной транспарентности.

Пятистороннее Соглашение о мерах доверия в районе границы, заключенное в ходе визита Президента РФ в Пекин в апреле 1996 г., беспрецедентно в мировой практике. Рубежи России и стран СНГ с Китаем превращаются в зону мира и сотрудничества; меры транспарентности и военного доверия охватывают по Соглашению территорию, вдвое

---

¹ В качестве шага на пути к укреплению доверия в АТР Китай объявил в октябре 1994 г. о решении обсудить с Соединенными Штатами свои планы военного строительства. - *Defense News*, October 24-30, 1994, p. 30.

большую суммарной площади таких европейских государств, как Великобритания и Испания.¹³⁶

Узкая трактовка мер прозрачности и доверия в военной области часто используется в контексте **разоружения и контроля над вооружениями**. Так, канадский эксперт Дж. Макинтош считает меры доверия *«модифицированной формой контроля над вооружениями, реализуемой каким-либо государством в одностороннем порядке либо в сотрудничестве с партнерами, и направленной на предотвращение ложного понимания намерений другой стороны, а также информирования ее (подкрепленного соответствующими доказательствами) о том, что военная или политическая деятельность партнера не является агрессивной»*.¹³⁷

Дж. Макинтош разделяет меры доверия на информационно-коммуникационные, меры сдерживания (ограничения) и декларативные. Другие авторы считают меры прозрачности и доверия в военной области составным элементом режима контроля над вооружениями и определенной стадией утверждения такого режима в региональном масштабе.

Так, Дж. Голдблат определяет контроль над вооружениями как средство, предназначенное для уменьшения опасности случайного возникновения войны; укрепления доверия с помощью большей открытости в военных вопросах; предотвращения некоторых видов военной деятельности; регулирования развертывания вооруженных сил, а также замораживания, ограничения, сокращения или ликвидации некоторых категорий вооружений.¹³⁸ Такая трактовка еще более сближает определение мер прозрачности и доверия, с одной стороны, и мер по контролю над вооружениями – с другой.

Практика показывает, что режимы безопасности утверждаются в Азиатско-тихоокеанском регионе прежде всего с акцентом на меры прозрачности и «мягкого», свободного по форме контроля за некоторыми видами военной деятельности. Поэтому оптимальной представляется концепция «регулирующих вооружений», предложенная известным российским дипломатом, Генеральным секретарем Конференции ООН по разоружению Владимиром Петровским.

Он подчеркивает, что за последние годы слишком большой акцент делается либо на контроле над вооружениями, либо на их полном искоренении. Есть другой путь - *регулирование вооружений*. Понятие регулирования вооружений содержится в Статье 26 Устава ООН. Это - нечто большее, чем пытались делать в рамках контроля над вооружениями. Сюда следует отнести и усилия по разработке средств запрещения оружия массового уничтожения (ОМУ), и меры по укреплению доверия, и меры поощрения региональных и субрегиональных инициатив в этом направлении.¹³⁹

Концепция регулирования вооружений синтезирует усилия в области прозрачности и мер доверия и контроля над вооружениями. По мнению автора, она наиболее пригодна как для моделирования режимов безопасности в региональном масштабе, так и для описания конкретных процессов функционирования и развития механизмов многосторонней безопасности в Северо-Восточной Азии и АТР.

Ниже следует авторский анализ актуальных аспектов превентивной дипломатии и миротворчества в региональном контексте, а также реально складывающихся режимов прозрачности и мер доверия в СВА и АТР, включая формирование многостороннего

переговорно-консультационного механизма; мер военно-политического доверия на Корейском полуострове; мер по укреплению доверия в военно-морской области и сотрудничеству тихоокеанских флотов; мер транспарентности в области военных расходов, вооруженных сил и вооружений азиатско-тихоокеанских стран.

3. 2. ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ООН, ПРЕВЕНТИВНОЙ ДИПЛОМАТИИ И МИРОТВОРЧЕСТВА В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Взаимосвязь международных режимов безопасности в АТР и процессов реформирования Организации Объединенных Наций обусловлена тремя общими соображениями:

Во-первых, именно ООН несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности и наделена мировым сообществом соответствующими полномочиями.

Во-вторых, три из пяти постоянных членов совета Безопасности ООН - Китай, США и Россия - являются также ведущими региональными державами, непосредственно заинтересованными в поддержании безопасности и стабильности в Азиатско-тихоокеанском регионе.

В-третьих, многие конкретные меры в области режимов региональной безопасности инициируются, осуществляются и контролируются ООН и ее функциональными агентствами (институтами).

Укрепление режимов безопасности в СВА и АТР лежит в русле усилий по углублению сотрудничества Организации Объединенных Наций и региональных и субрегиональных органов в области поддержания международного мира и безопасности, и обусловлено, в свою очередь, следующими факторами:

- ◆ представители заинтересованных стран и регионов в большей степени способны следить за ситуацией на местах, контролировать ее и вырабатывать средства разрешения споров и конфликтов, отвечающие местным условиям;
- ◆ ввиду острой нехватки финансовых и иных ресурсов, которую испытывает штаб-квартира ООН и ее функциональные органы, целесообразно привлечение финансовых и технических средств, персонала и других ресурсов региональных и субрегиональных организаций, необходимых для поддержания безопасности.

Генеральный секретарь ООН Бутрос в своем докладе «Повестка дня для мира», принятом в июне 1992 г. Советом Безопасности ООН, заложил основу для новых отношений взаимодополняемости между Советом Безопасности и региональными организациями в период после окончания «холодной войны». Специальный раздел этого документа посвящен «сотрудничеству с региональными соглашениями и организациями».

В октябре 1992 г. был опубликован доклад Генерального секретаря «*Новые измерения в области контроля над вооружениями и разоружения в эпоху после окончания «холодной войны»*», в котором содержится прямой призыв использовать региональные подходы.¹⁴⁰

Не раскрытые пока возможности для активизации региональных подходов содержат и Устав ООН. Так, статья 33 Главы VI Устава предусматривает разрешение спорных и конфликтных ситуаций, угрожающих международному миру и безопасности, прежде всего на региональном уровне, и лишь затем - обращение к Совету Безопасности.

В параграфах 1-3 Статьи 52 Главы VIII Устава предусматривается создание региональных образований или организаций, соответствующих принципам и целям Объединенных Наций, для разрешения вопросов, имеющих отношение к поддержанию международного мира и безопасности. Странам - членам ООН, участницам подобных организаций/образований, предписывается всячески содействовать мирному разрешению конфликтов до их вынесения на уровень Совета Безопасности, а самому СБ ООН - всемерно способствовать созданию и развитию региональных организаций и образований.¹⁴¹

Статья 47 Главы VII Устава ООН содержит положение о Военно-штабном комитете, который призван оказывать поддержку действиям СБ ООН в области планирования и осуществления военных операций по поддержанию международного мира и безопасности. Параграф 4 Главы 47 дает Военно-штабному комитету право создания «региональных подкомитетов», с разрешения на то Совета Безопасности и после консультаций с соответствующими региональными организациями и образованиями.

По сути дела, эти и некоторые другие положения Устава ООН создают международно-правовую базу для создания и укрепления режимов региональной безопасности. Создание предусмотренных в Главе VIII Устава ООН региональных организаций и образований в области поддержания международного мира и безопасности способствовало бы налаживанию широкого регионального сотрудничества в области военной транспарентности и мер доверия, урегулирования конфликтов и миротворчества, а также осуществления мандата ООН в области контроля над вооружениями и разоружением, применения при необходимости экономических и военных санкций и пр.¹⁴²

При наличии таких структур в Северо-Восточной Азии и АТР кризисное регулирование могло бы быть значительно облегчено и упрощено. Совет Безопасности ООН выступал бы арбитром и конечной инстанцией для апеллирующих сторон, а не инструментом непосредственного вмешательства, как это произошло в случае с Мартовским кризисом 1993 г. вокруг решения КНДР выйти из режима ядерного нераспространения.

Проблема заключается не только в более действенном использовании Устава ООН. Некоторые устаревшие положения Устава препятствуют более активному взаимодействию ООН и региональных организаций и образований в области поддержания международного мира и безопасности.

Статья 53 Устава гласит, например, что принудительные меры не могут предприниматься региональными организациями и образованиями без санкции СБ ООН, за исключением мер против «вражеских государств», к которым может быть отнесено «любое государство, которое в течение второй мировой войны являлось врагом любого из государств, подписавших настоящий Устав».¹⁴³

Эти архаические положения - реликты «холодной войны» - были призваны закрепить привилегированный статус постоянных членов СБ ООН. Однако сейчас они не отражают реальной международной ситуации и подлинной роли Германии и Японии в становлении современного мирового порядка. Не имея практического эффекта, эти устаревшие положения Устава способны затруднить развитие региональных образований и организаций в СВА и АТР с участием Японии.

Модификация статуса и полномочий Совета Безопасности ООН - одно из ключевых направлений реформирования Организации Объединенных Наций. Среди различных

предложений о введении категорий членства в СБ ООН, так или иначе имеющих отношение к закреплению нового статуса Германии и Японии, выделяются следующие:

- ◆ введение категории «полу-постоянных» членов СБ, представляющих регионы и сменяющихся на ротационной основе;
- ◆ введение категории постоянных членов СБ ООН без права вето;
- ◆ введение особой категории непостоянных членов, которым разрешается более продолжительное членство в СБ, чем на обычный срок в два года;
- ◆ введение категории «продленного членства» (extended membership) для нынешних постоянных членов СБ, гарантирующего участие в работе Совета на протяжении 10-15 лет с последующим продлением членства.

Один из центральных вопросов реформы Совета безопасности - вопрос о праве вето. Обсуждаются следующие подходы к вопросу о праве вето в СБ:

1. сохранение статус-кво, т.е. закрепление права вето за нынешними постоянными членами СБ без распространения этого права на новых постоянных членов Совета;
2. предоставление права вето новым постоянным членам Совета;
3. отмена права вето для всех членов СБ;
4. изменение процедуры применения права вето (например, требование двух голосов «против» постоянных членов СБ для блокирования решения Совета);
5. ограничение круга вопросов, при решении которых используется право вето.¹⁴⁴

По мнению А.В. Кортунова, из основных претендентов на место постоянных членов СБ ООН Япония, по сравнению с Германией, находится в несколько лучшем положении для продвижения идей реформы ООН; однако, политическая элита Токио пока не готова взять на себя не только задачу перестройки ООН, но даже решение вопроса о новой роли самой Японии в мировой политике. Складывается впечатление, что формальный статус великой державы не относится к числу японских внешнеполитических приоритетов.

Этот тезис оспаривается рядом зарубежных исследователей, полагающих, что международная роль Японии давно вышла за чисто региональные пределы. В этой связи упоминается, например, центральная роль Японии в создании такого ключевого международного института, как Европейский Банк реконструкции и развития (ЕБРР). При создании ЕБРР в апреле 1991 г. Япония внесла учредительный вклад в размере 850 млн. долл. - столько же, сколько Великобритания, Германия и Франция, вместе взятые.¹⁴⁵

Учитывая глубокий финансовый кризис, в котором оказалась ООН, финансово-экономические возможности Японии могут сыграть далеко не последнюю роль в закреплении ее нового международно-политического статуса, включая возможное членство в Совете Безопасности.

В то время как 44 % стран - членов ООН платят совокупный взнос в размере 1 % бюджета этой организации, 25 % бюджета пополняется США. Следующий по величине взнос принадлежит Японии - 12,45 %. Ситуация, при которой регулярный бюджет Секретариата ООН принимается двумя третями стран - членов Генеральной Ассамблеи ООН (их совокупные платежи не превышают 2 % бюджета),¹⁴⁶ вызывает недовольство крупных плательщиков, настаивающих на реформировании бюджетной системы ООН.

Среди различных мер по демократизации процесса принятия решений в рамках Совета Безопасности ООН предлагается, в частности, подключение к процессу принятия решений по миротворческим вопросам государств, выделяющих воинские контингенты для соответствующих операций, а также консультации с региональными организациями (системами коллективной безопасности и военно-политическими союзами) по вопросам, затрагивающим тот или иной регион.

Таким образом, представляется весьма вероятной эволюция деятельности ООН в сторону совершенствования механизма делегирования задачи выполнения решений СБ ООН региональным организациям и коалициям государств, а также попыток создания многосторонних механизмов контроля над вооружениями и разоружения на внеблоковой основе.¹⁴⁷

Проблемы **превентивной дипломатии** занимают одно из центральных мест в дискуссиях о реформе Организации Объединенных Наций. Россия как один из основателей ООН и постоянный член Совета Безопасности самым непосредственным образом заинтересована как в успешной реформации институтов ООН, так и в совершенствовании инструментария превентивной дипломатии - не только на своих ближайших геополитических рубежах, но и в других потенциальных «горячих точках», включая Азиатско-тихоокеанский регион.

Превентивная дипломатия является важным инструментом обеспечения региональной безопасности и предотвращения конфликтов, значение которого для стран АТР постоянно возрастает. Независимо от наличия конфликтных ситуаций, готовность азиатско-тихоокеанских стран сотрудничать в деле установления и поддержания мира, пусть и вне пределов региона, способствует укреплению региональных режимов безопасности.

В подготовленном Генеральным секретарем ООН Бутросом Бутрос-Гали докладе "Повестка дня для мира" намечены новые ориентиры в обсуждении ситуации в сфере международной безопасности после окончания «холодной войны». В этом документе превентивная дипломатия: *определяется как "действия, которые направлены на предотвращение возникновения споров между сторонами, на предотвращение перерастания споров в конфликты и на сдерживание эскалации возникших конфликтов"*.

В "Повестке дня для мира" содержание превентивной дипломатии классифицируется следующим образом:

- меры по созданию доверия,
- -установление системы раннего предупреждения,
- расследование фактов,
- превентивное развертывание войск,
- -создание в особых случаях демилитаризованных зон.¹⁴⁸

Меры транспарентности и военного доверия являются основным и наиболее действенным средством превентивной дипломатии. Они не только являются своего рода «страховочным механизмом» кризисного регулирования, но также способствуют общему оздоровлению ситуации в области региональной безопасности и укреплению режимов безопасности в АТР.

Следует особо отметить, что многосторонний механизм безопасности в СВА с участием Китая, Японии, США, России и РК мог бы выполнять превентивную функцию в

отношении возможных дестабилизирующих действий со стороны КНДР, а также на весь период объединения Кореи.¹⁴⁹

Расследование фактов (fact finding) и установление системы раннего предупреждения также являются основными функциями режимов транспарентности и мер доверия в СВА и АТР. Они могут осуществляться путем согласованных многосторонних процедур и координации деятельности разведывательных служб заинтересованных стран под эгидой ООН или ее региональных образований.

9 декабря 1991 г. Сессия ГА ООН приняла без голосования (в качестве приложения к Резолюции 46/59) «Декларацию ООН о сборе информации в области поддержания международного мира и безопасности», значительно расширившую полномочия Генерального секретаря ООН в области сбора информации по проблемам международной безопасности и узаконившую соответствующую практику органов ООН.

В указанном документе сбор информации определяется как «любая деятельность, направленная на получение подробных и достоверных данных относительно спорных и конфликтных ситуаций, необходимых для эффективного функционирования соответствующих органов ООН в области поддержания международного мира и безопасности».¹⁵⁰

На повестке дня - предложение о передаче под контроль ООН выполнения Договора об открытом небе, подписанном странами-членами ОВД и НАТО (эта идея была предложена еще в 1960 г. президентом США Д. Эйзенхауэром), а также создание информационных систем, связывающих органы ООН и многосторонние образования по поддержанию региональной безопасности в единую глобальную коммуникационную сеть Peace Watch.

Глобализация информационного обмена и систематизация сбора специализированной информации в интересах уполномоченных международных институтов резко уменьшили бы шансы на возникновение новых и эскалацию существующих конфликтов. Этот вопрос, затрагивающий деликатные сферы национального суверенитета и обеспечения национальной безопасности, требует специального обсуждения в региональном масштабе.

Это становится тем более актуальным, что потенциал сбора и обработки информации в области обороны и безопасности наращивается в регионе усиленными темпами. Так, с 1997 г. в Японии начинает свои операции Штаб военной разведки (Defense Intelligence Headquarters), с бюджетом в 90 млн. долл. и штатом в 2000 сотрудников. После запуска в 2001 г. своих разведывательных спутников Япония значительно усилит вклад в укрепление американо-японского оборонительного альянса.¹⁵¹

Участие стран региона в многосторонних миротворческих операциях - наиболее сложный способ взаимодействия в области поддержания международного мира. Аналитики РЭНД выделяют три условия, при которых операция ООН может считаться миротворческой (peacekeeping):

- согласие сторон на присутствие и действия сил ООН;
- неприсоединение ни к одной из сторон на основе выданного мандата;
- использование силы исключительно для самообороны или в пределах действия мандата.
- При несоблюдении какого-либо из этих условий операция сил ООН определяется как «принуждение к миру» (peace enforcement).¹⁵²

Хотя международная обстановка в АТР на протяжении последних десятилетий характеризуется отсутствием ярко выраженных конфликтных ситуаций с использованием вооруженной силы, требующих вмешательства мирового сообщества, рост миротворческого потенциала стран региона является важным элементом строительства региональных режимов безопасности. Заинтересованность стран СВА и АТР в участии в международных миротворческих усилиях – как в регионе, так и за его пределами - может стать самостоятельным фактором транспарентности и военно-политического доверия.

Таблица 1. Оценка потенциального участия стран АТР в многонациональных миротворческих операциях.

Страна	Оценка военных нужд	Отношение руководства	Опыт миротв. операций	Потенц. вклад, 1994ⁱ	Общая оценка
Индонезия	Умеренные	Неопр.	Ограниченный	0,04	Средняя
Малайзия	Незначительные	Позит.	Активный	2,42	Высокая
Сингапур	Незначительные	Неопр.	незначит.	0,01	Средняя
Таиланд	Умеренные	Неопр.	огранич.	0,00	Средняя
Филиппины	Умеренные	Неопр.	огранич.	0,00	Средняя
РК	Незнач./ Умеренные	Неопр.	огранич.	0,01	Низкая/средняя

Источник: Increasing the Availability and Effectiveness of Non-U.S. Forces for Peace Operations. By Preston Niblack, Thomas S. Szayna, John Bordeaux. National Defense Research Institute. RAND, 1996. p. 21.

Вышеприведенные данные показывают, что состояние готовности стран региона к участию в многосторонних миротворческих операциях нельзя считать высоким. В то же время, азиатско-тихоокеанские страны постепенно накапливают необходимый опыт - как в ходе непосредственного участия в миротворческих операциях, так и в ходе совместной подготовки и обучения.ⁱⁱ

Интересно, что американские законодатели, утвердив бюджет Пентагона на 1996 г. в размере 264 млрд. долл., весьма неохотно выделили 1,5 млрд. (немногом более полпроцента от указанной суммы) на осуществление миротворческих операций ООН,ⁱⁱⁱ решение о

ⁱ В процентах от общей численности личного состава регулярных вооруженных сил (в среднем ежемесячно в 1994 г.).

ⁱⁱ В начале 1996 г. Малайзия выступила с инициативой создания регионального учебного центра подготовки воинских контингентов для участия в миротворческих операциях ООН.

ⁱⁱⁱ После распада СССР в 1991 г. произошло перераспределение структуры взносов стран - членов ООН на проведение миротворческих операций. Доля США была повышена с 30,4 % до 31,7 %. Соединенные Штаты

проведении которых было поддержано США в Совете Безопасности. Иными словами, на каждый доллар, выделенный в 1995 г. на нужды ООН и проводимых ею миротворческих операций, приходилось 647 долларов, которые США тратили на своих собственных военных.¹⁵³

При этом Госдепартамент и военное ведомство США выступают активными сторонниками и инициаторами совместного военного обучения и подготовки воинских контингентов азиатско-тихоокеанских стран к участию в миротворческих операциях.

Таблица 2. Финансирование программы Госдепартамента США «Международное военное обучение и переподготовка» (ИМЕТ) в 1993-1996 финансовых годах (млн. долл.).

Регион	1993	1994	1995 (оцен.)	1996 (оцен.)
АТР	5,559	2,395	3,400	5,275
Всего	41,628	21,885	25,120	39,420

Источник: Increasing the Availability and Effectiveness of Non-U.S. Forces for Peace Operations. By Preston Niblack, Thomas S. Szayna, John Bordeaux. National Defense Research Institute. RAND, 1996. p. 26.

В качестве одной из мер предотвращения кризисов практикуется превентивное развертывание сил ООН в зоне потенциального конфликта. Хотя практика ООН уже имеет примеры превентивного развертывания воинских контингентов, опыт превентивной дипломатии ООН включает главным образом миссии наблюдателей, направляемые Генеральным секретарем в места потенциальных конфликтов. Преимущества акций такого рода - их неконфронтационный характер, минимальные финансовые издержки и возможность оперативного применения.¹⁵⁴

На протяжении 60-80-х гг. инициативы, связанные с превентивным развертыванием сил ООН, неизменно блокировались СССР и его социалистическими союзниками, поскольку считалось, что это может законсервировать социально-политический статус-кво в зоне развивающихся стран и помешать «мировому революционному процессу». Сейчас, после завершения «холодной войны», появилась реальная возможность для решения в случае необходимости вопроса о мандате сил ООН, выделяемых для превентивного развертывания.

Хотя опыт подобных действий в зоне АТР отсутствует, поддержание готовности к их осуществлению в ходе совместной военной подготовки и обучения может стать важной составляющей азиатско-тихоокеанских режимов безопасности.

Россия - активный участник всех усилий ООН в области превентивной дипломатии, включая миротворческие операции. По предложению СБ ООН Российская Федерация дала согласие на выделение своих «резервных сил» для операций по поддержанию мира; решением Президента РФ предусмотрено формирование российского корпуса «чрезвычайного гуманитарного реагирования».¹⁵⁵

не согласились с этим решением; администрация Клинтона заявила о намерении снизить эту долю до 25 % с января 1996 г. - См.: *Orbis*. Spring 1995. p. 254.

Все более важное значение приобретают согласованные усилия России и Китая, двух великих азиатских держав, в деятельности ООН и ее Совета Безопасности по поддержанию международного мира и безопасности. В ходе Московской встречи на высшем уровне в апреле 1997 г. стороны заявили о своем намерении вести регулярные консультации по вопросам деятельности ООН и с учетом обстоятельств координировать свои действия в этой области.

В принятой по итогам встречи российско-китайской совместной Декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка подчеркивается, что в миротворческих усилиях ООН акцент должен быть сделан на предотвращении конфликтов; миротворческие операции могут проводиться только по решению СБ ООН и с согласия заинтересованных сторон, в строгом соответствии с мандатом Совета Безопасности и под его контролем.

В тех же случаях, когда СБ ООН в соответствии с Уставом Объединенных Наций выносит решение о применении санкций, ущерб от их введения, включая ущерб для третьих стран и соседних регионов, должен быть сведен к минимуму. Санкции необходимо своевременно смягчать и отменять по мере выполнения резолюций Совета Безопасности.

156

Активизация российского участия в деятельности ООН по реализации концепции превентивной дипломатии и проведении миротворческих операций, распространение его на Азиатско-тихоокеанский регион послужит дальнейшему укреплению режимов региональной безопасности и повышению роли России в делах АТР.

3.3. МНОГОСТОРОННИЕ МЕРЫ ДОВЕРИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРЕГОВОРНО-КОНСУЛЬТАЦИОННОГО МЕХАНИЗМА В АТР

Создание многостороннего переговорно-консультационного механизма выступает целью и одновременно инструментом строительства режимов транспарентности и мер доверия в Азиатско-тихоокеанском регионе. Многосторонний диалог по проблемам региональной безопасности - основное средство эквивалентного обмена информацией в области обороны и безопасности, помогающее корректировать взаимное восприятие угроз, а также вырабатывать альтернативные предложения в области транспарентности и мер волевого доверия.

Опыт последних лет показал, что в развитии структуры регионального переговорно-консультационного механизма особую роль сыграли **неправительственные каналы диалога** (track-two diplomacy), прежде всего диалог ученых и экспертов азиатско-тихоокеанских стран по проблемам безопасности. Исторически он предшествовал установлению формальных структур многостороннего переговорно-консультационного механизма, создавая для его функционирования благоприятную информационную и политическую среду.

Многие конструктивные идеи и инициативы, касающиеся режимов транспарентности и мер доверия в СВА и АТР, выдвигались и обсуждались на неформальных многосторонних научных дискуссиях. Особого внимания в связи с этим заслуживает Первый международный форум по вопросам обороны и безопасности в Северо-Восточной Азии (NEADF), организованный по инициативе Корейского Института оборонных исследований (KIDA) и японского Института изучения проблем мира и безопасности (RIPS), и проходивший с 3 по 6 ноября 1993 г. в Сеуле. Наряду с представителями научных и военно-политических кругов США, Японии, КНР и Республики Корея, в работе форума приняли участие сотрудники Института Дальнего Востока РАН.

Форум был посвящен вопросам транспарентности и мер доверия в СВА. На пленарном заседании Форума обсуждались общие проблемы и перспективы сотрудничества по вопросам безопасности. В рамках Форума состоялись также секционные заседания рабочих групп, посвященные многосторонним мерам доверия в Северо-Восточной Азии в военной области. В центре внимания участников дискуссия находились проблемы создания многосторонних механизмов поддержания безопасности и стабильности в регионе, а также перспективы строительства региональной системы безопасности на основе сотрудничества.

В докладе профессора Йельского университета Пола Брейкена отмечалось, что структура отношений безопасности в регионе претерпевает фундаментальные изменения в связи с окончанием холодной войны и ростом экономической интеграции в АТР, что обусловило необходимость выработки новой модели отношений в сфере безопасности на основе принципов взаимного доверия, национального суверенитета, сотрудничества и многосторонних инициатив.

Целесообразность многосторонней безопасности на основе сотрудничества в СВА была подвергнута сомнению в докладе бывшего помощника заместителя министра обо-

роны США Карла Форда. По его мнению, Соединенные Штаты как единственная сверхдержава вполне в состоянии обеспечить безопасность в регионе для себя и своих союзников на основе существующих двусторонних договоров безопасности, в то время как многосторонние инициативы могут быть использованы как средство для уменьшения присутствия США в СВА и Азиатско-тихоокеанском регионе .

В докладе сотрудника Китайского Института международных стратегических исследований Чжан Утана отмечалось, что в отличие от других регионов, в Северо-Восточной Азии и АТР удастся поддерживать относительную стабильность ввиду усиления экономической взаимозависимости и роста новых центров силы. Развитие отношений в сфере безопасности в СВА на обозримую перспективу будет зависеть от возможности устранения факторов нестабильности, к которым были отнесены гонка вооружения, корейский конфликт, торговые разногласия, идеологические различия и тайваньский вопрос.

Сотрудник Китайского Института международных стратегических исследований Чен Юнсин отметил, что укреплению безопасности и стабильности в регионе будут способствовать развитие международного диалога, контроль над вооружениями, экономическое сотрудничество и консультации по вопросам региональной безопасности.

Доклад профессора университета Кинки и сотрудника RIPS Макото Каванаго был посвящен возможностям обеспечения региональной безопасности в Азии через т. н. «региональный форум АСЕАН», при соблюдении следующих условий :

- поддержание диалогов по вопросам безопасности на двустороннем и субрегиональном уровне;
- сохранение американского присутствия;
- дальнейшее развитие экономического сотрудничества .

Сотрудник RIPS и профессор университета Сидзука Хадзуме Идзуми выдвинул идею «Зоны ядерного нераспространения в Северо-Восточной Азии», реализация которой, по его мнению, носила бы характер многосторонних мер доверия в ядерной области и способствовала бы не только укреплению безъядерного статуса Корейского полуострова, но и оздоровлению в целом ситуации в СВА и Азиатско-тихоокеанском регионе. По мнению проф. Идзуми, Япония как безъядерная и невоенная держава могла бы играть роль центрального координатора при создании такой зоны.

Российские участники Форума изложили подходы к обеспечению региональной безопасности с точки зрения национальных интересов России в Северо-Восточной Азии и АТР. Внимание участников дискуссии было привлечено к российским предложениям о создании переговорного механизма в СВА и АТР как базисной предпосылки и средства строительства регионального режима безопасности на основе сотрудничества.

Воздействие ситуации в Северо-Восточной Азии на динамику глобальных тенденций в сфере международной безопасности было раскрыто в докладе президента университета Пече Сун Кен Ри. Хотя, по мнению докладчика, процессы разоружения и укрепления доверия в Азии еще отстают от европейского уровня и масштабов, субрегион Северо-Восточной Азии становится одним из наиболее важных мест, где будут решаться судьбы человечества.

Как подчеркнула в своем выступлении зав. Группой японских исследований KIDA доктор Юн-Сун Сонг, окончание холодной войны породило новое чувство нестабильности в СВА, которое может стать потенциальным источником новых конфликтов. Единственное средство борьбы с ним - многосторонние нормы и институты в сфере безопасности, обсуждать которые необходимо уже сейчас, даже если их конкретный характер пока не ясен.

Новый подход Южной Кореи как одной из сторон регионального конфликта заключается в позитивном отношении к многосторонним механизмам в сфере региональной безопасности. В этой связи д-р Сонг остановилась на причинах и основаниях необходимости новой модели региональной безопасности для СВА, а также на перспективах участия Республики Корея в многосторонних механизмах региональной безопасности.

Директор Центра по контролю над вооружениями при KIDA д-р Юн Ко Ча отметил в своем докладе, что в регионе преобладает тенденция к ускорению гонки вооружений, в связи с чем меры по укреплению доверия и региональной безопасности приобретают особую актуальность. Была подчеркнута необходимость в многосторонних подходах по обеспечению региональных мер доверия, и сформулированы основные направления дискуссии участников Форума по военным мерам доверия в рамках секционных заседаний.

На заседаниях рабочей группы по теме «Многосторонние военные меры доверия в СВА» работали четыре секции, посвященные соответственно подходам к обеспечению открытости (транспарентности) в вопросах обороны и безопасности, мерам доверия в военной области, вопросам нераспространения оружия массового уничтожения и проблемам создания многосторонней системы безопасности на основе сотрудничества.

Российским участникам Форума было поручено координировать объединенную работу секций по транспарентности и мерам доверия. В ходе дискуссии затрагивались следующие проблемные аспекты:

1. Обмен информацией и данными о структуре и размещении вооруженных сил и военных бюджетах стран-участниц.
2. Режим взаимного уведомления о военных учениях и перемещениях войск.
3. Режим инспекции военных маневров, постоянный мониторинг критически важных объектов и инспекционный режим «открытого неба».
4. Консультативные механизмы: обмен визитами представителей военного командования и обсуждение военных доктрин.
5. Режим верификации.

На основе консенсуса участники секционной дискуссии констатировали, что меры в области транспарентности и военного доверия следует применять постепенно, ориентируясь на проблемный подход и переход от двустороннего к многостороннему уровням.

Сотрудничество в области транспарентности и мер доверия целесообразно инициировать исходя из комплексного понимания проблем региональной безопасности, постепенно переходя непосредственно к вопросам военной безопасности. Для этого необходимы сильная политическая воля, уважение суверенитета и независимости всех стран-участниц и достижение взаимопонимания относительно общих интересов, общих угроз и возможных совместных практических шагов.

На секционном заседании была согласована также следующая процедурная последовательность развития многостороннего диалога по вопросам транспарентности и мер доверия:

- ⇒ определение тематики и рамок диалога;
- ⇒ достижение согласия по ключевым вопросам повестки дня;
- ⇒ выработка критериев участия в многостороннем диалоге;
- ⇒ создание рабочего координационного комитета;
- ⇒ выработка конкретных мер транспарентности и военного доверия;
- ⇒ практическое осуществление выработанных мер.

Участники Форума неоднократно высказывались относительно целесообразности вовлечения представителей КНДР в многосторонний диалог по вопросам региональной безопасности, без чего любые меры в области укрепления безопасности и стабильности в СВА и АТР вряд ли могут быть эффективными.

В работе пленарного и секционных заседаниях Форума принимали участие многочисленные представители корейских университетов и исследовательских центров, политических и военных ведомств, журналисты, сотрудники дипломатических миссий в Сеуле.

Почетным гостем и председателем Форума выступил бывший вице-премьер, министр иностранных дел Республики Корея Чой Хо Джун. Организаторов и ко-спонсоров Форума представляли президент KIDA генерал-лейтенант в отставке Чун Ин Кен и генеральный секретарь RIPS генерал-лейтенант в отставке Кацуиси Цукамото.

Одним из главных результатов первого заседания Форума по вопросам безопасности в субрегионе следует считать сближение позиций России и Республики Корея относительно создания режима безопасности на основе сотрудничества в СВА, что отвечало бы национальным и геополитическим интересам двух стран.

Форум по вопросам безопасности в СВА явился первой попыткой комплексного многостороннего обсуждения проблем региональной безопасности на полуофициальном уровне. В ходе дискуссий была достигнута достаточно высокая степень откровенности и взаимопонимания, позволяющая и далее вести конструктивный диалог, направленный на выработку альтернативных предложений в области политики безопасности в Северо-Восточной Азии и АТР.

На протяжении 90-х годов в Северо-Восточной Азии и АТР утвердилась гибкая и разветвленная система постоянного неформального диалога по вопросам региональной безопасности, включающая в себя различные многосторонние программы и каналы обмена мнениями, - как масштабные ежегодные и полугодовые мероприятия, так и проходящие на более регулярной основе специализированные конференции и заседания рабочих групп, общее число которых приближается к 20.ⁱ

На заседаниях Первого форума по вопросам обороны и безопасности в Северо-Восточной Азии (NEADF) автором была предложена рабочая концепция *многосторонних*

ⁱ О более подробной классификации неформальных структур диалога по проблемам безопасности в АТР см.: Young-Koo Cha and Bon-Hak Koo. *Multilateral Confidence-Building Measures in Northeast Asia*. The 1st North-east Asia Defense Forum. KIDA, Seoul, Korea. November 3-5, 1993.

механизмов по поддержанию стабильности и сотрудничества, или MSSM (Multilateral Stability and Security Supporting Mechanisms).

Под MSSM следует понимать совокупность переговорно-консультационных механизмов, действующих в соответствии с взаимообусловленными формальными процедурами с целью создания военно-политического контекста, благоприятного для решения спорных субрегиональных вопросов и конфликтных ситуаций и формирования режима безопасности на основе сотрудничества в СВА.¹⁵⁷

В силу понимания MSSM как единства формально-институционального и содержательного (военно-политического) компонентов они могли бы обладать следующими функциональными параметрами:

- ◆ -обеспечение геостратегической и военно-политической стабильности в условиях растущей многополярности;
- ◆ -предотвращение доминирования какой-либо из региональных держав;
- ◆ - отсутствие общего противника при обеспечении безопасности на основе сотрудничества;
- ◆ - безусловный примат международного права при обсуждении и решении региональных военно-политических проблем;
- ◆ - корреляция национальных и геополитических интересов стран-участниц;
- ◆ - содействие минимизации оборонных усилий на основе взаимного повышения предсказуемости политики в области региональной безопасности.

Примерную повестку дня многосторонних консультаций экспертов по вопросам укрепления региональной безопасности можно было бы определить следующим образом:

- Разработка военно-политических мер доверия, связанных с укреплением режима Договора о нераспространении ядерного оружия.
- Обсуждение путей и способов предотвращения распространения в регионе химического и биологического оружия, а также режима нераспространения ракетных технологий.
- Выработка принципов торговли оружием в СВА и АТР, опирающихся на правила ООН и исключающих произвольную дискриминацию в военно-техническом сотрудничестве.
- Дискуссия относительно потенциальной роли ООН и международно-правовых аспектов урегулирования региональных спорных и конфликтных ситуаций.
- Разработка предложений относительно двусторонних и многосторонних мер доверия, направленных на разблокирование военного противостояния Севера и Юга Кореи.
- Дискуссия по проблемам взаимного восприятия угроз и возможной корреляции интересов безопасности стран СВА.
- Оценка новых комплексных вызовов региональной безопасности в широком контексте, включая торгово-экономические конфликты, экологическую угрозу, терроризм, незаконный оборот наркотиков, пиратство и пр.

Особо важным предметом обсуждения в рамках многостороннего переговорно-консультационного механизма явились бы **проблемы предотвращения опасной военной деятельности** и связанные с ними многосторонние меры доверия.

По мнению А.В. Болятко, с политико-дипломатической точки зрения проблема предотвращения опасной военной деятельности сводится к декларированию на договорно-правовом уровне и реализации в практической деятельности государства согласованных принципов вооруженной обороны, вреда личности и ущерба имуществу другой стороны путем неперехода в действиях вооруженных сил через определенные границы допустимых действий, а также выполнения других согласованных мер доверия.

Наиболее опасные проявления военной деятельности (преднамеренной или случайной) определяются как действия в военной области, которые ведут к обострению военно-политической обстановки и могут быть использованы в качестве повода для развязывания войны. Они разделяются по уровням: стратегическому (глобальному), оперативному (региональному) и тактическому (локальному).¹⁵⁸

Многосторонние конвенциональные меры доверия для Северо-Восточной Азии и АТР, детально проработанные экспертами азиатско-тихоокеанских стран с учетом опыта подготовки и реализации советско-американских соглашений о предотвращении инцидентов на море и о предотвращении опасной военной деятельности,¹⁵⁹ касались в основном деятельности военно-морских и военно-воздушных сил вовлеченных стран, влияющей на поддержание баланса сил в СВА и АТР, особенно на военно-политическую ситуацию вокруг Корейского полуострова и в акватории Южно-Китайского моря.

В последние годы перспективы укрепления формального переговорно-консультационного механизма и режимов транспарентности и мер доверия в АТР связываются в основном с работой АСЕАН и периодически созываемого в ее рамках *Азиатского Регионального Форума (АРФ)*.

На первой встрече старших должностных лиц, которая состоялась в Сингапуре перед регулярной расширенной встречей министров иностранных дел АСЕАН в 1993 г., в качестве мер по обеспечению доверия и безопасности, которые могут быть применены в АТР, активно обсуждались предложения о регистрации обычных вооружений согласно Регистру обычных вооружений ООН, информировании о межгосударственной торговле оружием, предоставлении белых книг по вопросам обороны, обмене справочными материалами по проблемам безопасности, предварительном уведомлении о военных учениях и приглашении на них наблюдателей.

В настоящее время АРФ объединяет страны - члены АСЕАН (Бруней, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Таиланд и Вьетнам); страны со статусом наблюдателя (Камбоджа, Лаос и Мьянмар); Папуа - Новую Гвинею со статусом ассоциированного члена, а также страны - партнеры по диалогу (Австралия, Канада, Китай, Индия, Япония, Россия, Новая Зеландия, Республика Корея, США и Европейский союз). Франция и Великобритания подали заявки на вступление в АРФ в качестве индивидуальных членов.

Как отмечается в опубликованной в 1994 г. в Австралии Белой книге по вопросам обороны (*Defending Australia*), АРФ является многообещающим механизмом обеспечения конструктивной вовлеченности стран региона, поскольку (1) обеспечивает возможности для улучшения взаимопонимания и снижения напряженности; (2) создает основу для раз-

вития сотрудничества и укрепления взаимного доверия; (3) обеспечивает решение региональных проблем безопасности методами превентивной дипломатии.¹⁶⁰

Если ранее в рамках АРФ обсуждались ограниченные по масштабу меры доверия (военные обмены, совместная подготовка миротворческих контингентов, совместные операции по поиску и спасению и пр.), то в настоящее время участники Форума рассматривают более масштабные региональные меры транспарентности и военного доверия, по образцу Венского документа ОБСЕ 1994 г.¹⁶¹

В этом смысле следует отметить третье заседание АРФ в Джакарте в июле 1996 г., в работе которого впервые участвовала, в качестве партнера по диалогу, Россия, получившая этот статус вместе с Индией и Китаемⁱ. Участники Форума в Джакарте, представлявшие 21 делегацию из стран Азии, Океании, Австралии и Америки, сумели, несмотря на выявившиеся разногласия,ⁱⁱ сделать шаг к дальнейшей институционализации региональных режимов безопасности.

Свою роль в институционализации региональных режимов безопасности может сыграть и еще один влиятельный региональный форум - *Азиатско-тихоокеанский Экономический Совет (АТЭС)*. В частности, выдвигается предложение создать, в дополнение к существующим в рамках АТЭС десяти рабочим группам (по торговле, инвестициям и трансферу технологий, трудовым ресурсам, энергетике, консервации морских запасов, транспорту, связи, рыболовству и туризму), специальную рабочую группу для обсуждения проблем политики и региональной безопасности.¹⁶²

По мнению автора, дальнейшее развитие многостороннего переговорно-консультационного механизма в АТР, как структурно-функциональной основы региональных режимов транспарентности и мер доверия, видится встречным взаимосвязанным процессом развития формальных (АРФ, АТЭС и др.) и неформальных каналов диалога по всему спектру проблем безопасности. Этот процесс будет дополняться дальнейшим развитием существующей системы двусторонних связей в области безопасности.

ⁱ КНР выступила с инициативой о проведении в 1997 г. заседания АРФ в Пекине.

ⁱⁱ На форуме в Джакарте военному режиму Бирмы был предоставлен статус наблюдателя, что вызвало протесты делегаций США и ЕС. Некоторые раздраженные этим министры стран - членов АСЕАН предложили исключить ЕС из партнеров по диалогу и участников АРФ, предложив проект документа о критериях членства, по которым для участия в работе Форума нужно быть страной, а не организацией. - *Сегодня*, 24 июля 1996 г.

3. 4. ОСНОВЫ РЕЖИМА ТРАНСПАРЕНТНОСТИ И МЕР ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОВЕРИЯ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

На протяжении последних десятилетий ситуация на Корейском полуострове решающим образом влияет на характер отношений безопасности как в СВА, так и в Азиатско-тихоокеанском регионе. Неурегулированность отношений двух корейских государств, чрезвычайно высокая концентрация вооруженных сил и вооружений на небольшой территории создают высокий потенциал региональной и субрегиональной напряженности. В этой связи режим транспарентности и мер военно-политического доверия на Корейском полуострове и вокруг него приобретает особую актуальность.

Решение корейской проблемы лежит на пути постепенного развития политического диалога, ядерного нераспространения, двусторонних отношений во всех областях в условиях благоприятного внешнего окружения и надежных международных гарантий, - с объединением Кореи в качестве конечной цели. Развитие режима мер военно-политического доверия на Корейском полуострове является основным содержательным компонентом этого процесса.

В то время как само развитие мер транспарентности и доверия рассматривается большинством политиков и экспертов как двусторонний процесс с участием КНДР и РК,¹⁶³ никем не оспаривается тезис о том, что обеспечение мира и стабильности на Корейском полуострове и достижение объединения страны возможны лишь в условиях эффективного функционирования многостороннего механизма региональной безопасности.

Союзнические отношения США и Республики Корея и американское военное присутствие во многом определяют характер межкорейского диалога в военно-политической области и перспективы создания режима транспарентности и мер доверия. Наличие в субрегионе 100-тысячной группировки сухопутных войск и сил 7 флота США - детерминанта баланса сил в СВА и АТР, обеспечивающая асимметричную региональную стабильность.

Масштабы и характер военного присутствия США вряд ли претерпят существенные изменения на обозримую перспективу. Еще в конце пребывания у власти администрации Буша Министерство обороны США на ежегодной встрече по вопросам безопасности с Министерством обороны РК (декабрь 1992 г.) заявило о замораживании 2-го этапа (1993-1995) сокращения американских войск в РК до разрешения северокорейской ядерной проблемы.¹⁶⁴ В новой стратегии США в АТР план сокращения американских войск в Восточной Азии, включая Корейский полуостров, аннулируется.

Основные интересы безопасности США на Корейском полуострове заключаются в предотвращении военно-политической конфронтации Севера и Юга Кореи, содействии объединению страны и вовлечении единой Кореи в систему региональной безопасности.¹⁶⁵ В этих целях Соединенные Штаты намерены и впредь укреплять оборонительный альянс с Республикой Корея.

По мнению американских аналитиков, объединение двух Корей способно коренным образом изменить стратегическую ситуацию в СВА; исчезнет главная причина присутствия на полуострове сил передового базирования Армии США (Второй пехотной дивизии). Субрегион станет для Пентагона преимущественно потенциальным театром военно-

морских и военно-воздушных операций и сферой более рассредоточенного присутствия.
166

Как в самих Соединенных Штатах, так и в военно-политическом истеблишменте Республики Корея все настойчивее раздаются голоса о модификации структуры американо-корейского военного сотрудничества и повышении соответствующей роли корейской стороныⁱ, а также о пересмотре статуса и назначения сил ООН в обеспечении перемирия на Корейском полуострове.

Подобный подход отвечает долгосрочным устремлениям южнокорейского руководства в области обеспечения безопасности. По мнению министра национальной обороны РК Ли Ян Хо, двусторонний оборонительный альянс, ориентированный на отражение северокорейской угрозы, постепенно перерастает в обращенное к будущему стратегическое партнерство, вписанное в механизмы региональной безопасности.¹⁶⁷

При этом возрастает значение программ военного сотрудничества РК с соседними странами. Так, на японо-корейском саммите в Кенджу в ноябре 1993 г. президент РК Ким Ен Сам и премьер-министр Японии Хосокава подписали соглашение об учреждении Корейско-Японского Форума, который призван стать главным инструментом выработки и реализации двусторонних мер транспарентности и доверия в военной области, а также субрегиональных и региональных мер доверия.

Политическую и договорно-правовую основу режима транспарентности и мер доверия на Корейском полуострове составляют *Протокол о примирении, ненападении, сотрудничестве и обменах между Севером и Югом* от 13 декабря 1991 г. и согласованные в сентябре 1992 г. положения *Соглашения о взаимном ненападении*.

Содержащиеся в указанных документах предложения по конвенциональным мерам доверия, опирающиеся на богатый опыт СБСЕ и успешно опробованные в Европе на протяжении ряда лет, могут быть успешно применены в условиях Корейского полуостроваⁱⁱ, где непосредственно противостоят друг другу крупные боеготовые группировки танков, сухопутных войск и артиллерии. Они основаны на принципах транспарентности и ограничения военной деятельности, взаимно усиливающих друг друга.

В частности, статьи 12-14 Протокола предусматривают такие меры транспарентности, как взаимное уведомление и контроль за крупными военными учениями; мирное использование демилитаризованной зоны (ДМЗ); обмен информацией и военным персоналом; установление телефонной линии «горячей связи», а также создание совместной военной комиссии для разработки и применения мер транспарентности и военного доверия.
168

ⁱ Скептики настаивают на том, что подобное перераспределение полномочий может побудить республиканский Конгресс к дальнейшим сокращениям расходов на содержание американских войск, а также вызвать негативную реакцию Северной Кореи. - См. напр.: Simon Duke. Northeast Asia and Regional Security. *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. IX, # 2. 1995. p. 360.

ⁱⁱ Практическая реализация согласованных мер транспарентности и военного доверия определяется сложным и противоречивым характером межкорейского диалога, в частности, нежеланием Севера пойти на меры взаимной открытости в военно-политической и других областях.

Этот перечень вполне исчерпывающ и нуждается лишь во взаимно согласованных процедурах по реализации предусмотренных мер. Что касается мер ограничения (сдерживания), то они могли бы включать в себя:

- ограничения на производство и размещение определенных видов вооружений;
- ограничения размеров и видов вооруженных сил, размещаемых в определенных районах.¹⁶⁹

Речь идет прежде всего о некоторых категориях наступательных вооружений, вызывающих наибольшую взаимную обеспокоенность сторон. Юг видит особую угрозу для себя в северокорейских танковых и моторизованных частях передового базирования, диверсионных и штурмовых спецподразделениях, а также баллистических ракетах СКАД, нацеленных на крупные города и промышленные центры (Сеул, Кванджу, Тэгу, Пусан). Север опасается реактивной истребительной авиации и более совершенного электронно-технического оснащения средств вооруженной борьбы, управления и связи южнокорейской армии.

В структуре режима транспарентности и мер военного доверия на Корейском полуострове важную роль призваны сыграть меры по ограничению размещения войск в пределах демилитаризованной зоны (более 60 % наступательного потенциала армии КНДР сосредоточено в пределах ДМЗ либо в непосредственной близости от нее). Взаимный отвод войск от линии ДМЗ позволил бы существенно снизить вероятность неожиданного нападения или непреднамеренно спровоцированных военных действий.

Реализация мер транспарентности и военного доверия на Корейском полуострове невозможна без конструктивного участия заинтересованных региональных держав, прежде всего США, России, Китая и Японии, что делает этот режим подлинно международным и региональным по значению. Интересы безопасности каждой из четырех держав, а также будущей объединенной Кореи требуют не наращивания военного потенциала на Корейском полуострове и вокруг него, а укрепления режима транспарентности и мер военно-политического доверия, глубокого и пропорционального сокращения вооруженных сил и вооружений в Северо-Восточной Азии и АТР в целом.

На протяжении ряда лет политики и эксперты азиатско-тихоокеанских стран обсуждают различные варианты участия четырех держав в создании международных режимов безопасности вокруг Корейского полуострова.ⁱ Их роль могла бы прежде всего заключаться в предоставлении гарантий безопасности двум корейским государствам, как по методу Локарно (пакт о ненападении подписывается заинтересованными региональными державами), так и путем заключения перекрестных соглашений о ненападении между вовлеченными сторонами и их союзниками.

Вопрос о гарантиях мог бы быть рассмотрен на специальной международной конференции (ее концепция обоснована учеными Института Дальнего Востока РАН). Россия, США, КНР, Япония и другие заинтересованные страны могли бы выступить под эгидой ООН в качестве гарантов договора о неприменении силы между КНДР и РК. Правительства этих стран могли бы вместе или по отдельности выступить с заявлением о том, что

ⁱ Специальный анализ и классификация этих предложений содержится в: Ким Сок Кю. *Мир и стабильность в Северо-Восточной Азии (Многосторонний диалог в США)*. - Канд. дисс. М., 1996.

независимо от наличия соответствующих союзнических договоров они встанут на сторону жертвы агрессии, будь то Северная или Южная Корея (агрессором будет считаться та корейская сторона, войска которой перейдут 38 параллель).¹⁷⁰

На заключительной стадии межкорейского диалога (переговоры по системе «два плюс четыре») четыре державы могли бы гарантировать безопасность полуострова в обмен на обязательства единой Кореи по образцу ФРГ - отказ от производства и применения оружия массового уничтожения, ограничения на общую численность вооруженных сил и пр. По этому же варианту Корея имела бы право присоединения или неприсоединения к какому-либо военному союзу (после объединения Германии был также создан прецедент подобного рода).¹⁷¹

Система договоров о ненападении и о неприменении силы, а также соответствующих международных гарантий послужила бы институциональной основой субрегионального режима безопасности. Шестисторонний договорно-правовой и переговорно-консультационный механизм мог бы постепенно развиваться в систему режимов безопасности регионального масштаба. США, Россия, Китай и Япония при этом продолжали бы играть ключевую роль в функционировании и развитии таких режимов.ⁱ

Такая тенденция вновь потенциально проявилась в ходе дебатов вокруг предложения о т.н. четырёхсторонних переговорах по корейскому урегулированию. По итогам саммита на о-вах Чечжудо в апреле 1996 г. президенты Ким Ен Сам и Билл Клинтон выступили с совместным предложением о четырёхсторонних переговорах с участием Северной и Южной Кореи, США и Китая. Суть предложения сводится к следующему:

- 1) Цель переговоров - начать процесс обсуждения широкого спектра мер доверия и снижения напряженности, ведущий к заключению постоянного договора о мире.
- 2) Взамен сепаратных переговоров КНДР и США Северная и Южная Корея должны взять на себя инициативу, при активном сотрудничестве США и Китая, по выработке мирного договора.
- 3) Четырёхсторонняя встреча должна быть созвана незамедлительно и без всяких предварительных условий. Уровень представительства, повестка дня и место проведения могут быть обсуждены в ходе встречи.

Предложение предусматривает создание органа по налаживанию сотрудничества (cooperative body) для выработки мер доверия и снижения напряженности на Корейском полуострове еще до заключения мирного договора. Этот орган позднее мог бы стать основной многосторонней региональной организацией по образцу ОБСЕ.¹⁷²

Американские аналитики отмечали, что инициатива четырёхсторонних переговоров имеет весьма важное значение для Соединенных Штатов, поскольку затрагивает долгосрочные американские интересы на Корейском полуострове. В частности, Китай, являясь участником Соглашения о перемирии, мог бы по их мнению, обусловить свое участие в

ⁱ Ведущая роль четырех держав в инициации региональных режимов безопасности обсуждалась на неправительственном уровне на заседаниях т.н. четырехстороннего форума, работавшего в 1990-1993 гг. при поддержке американской Ассоциации содействия ООН (UNA - USA). - Edward C. Luck. *Layers of Security. Regional Arrangements, the United Nations, and the Japanese-American Security Treaty. Asian Survey. Vol. 35, # 3, March 1995. p. 250-251.*

переговорах постановкой в той или иной форме вопроса о целесообразности американского военного присутствия в будущей объединенной Корее.

Япония поддержала упомянутую инициативу, представители КНДР воздержались от комментариев, а Китай согласился на участие во встрече при условии, что КНДР, РК и США выработают совместное соглашение, а потом предложат китайской стороне присоединиться.¹⁷³

На встрече министров иностранных дел России и РК 7 мая 1996 г. в Москве Россия выразила свое негативное отношение к этой инициативе. Министр иностранных дел Е. М. Примаков высказал неудовлетворение в связи с тем фактом, что Россия оказалась отстранена от предлагавшейся встречи, и заявил, что она должна быть заменена многосторонним диалогом с участием ООН, Японии и России.

О дискриминационном характере упомянутой инициативы свидетельствует и то, что она используется Вашингтоном и Сеулом в качестве рычага дипломатического давления: возможная гуманитарная продовольственная помощь КНДР увязывается с согласием Пхеньяна на переговоры в предложенном формате. Это лишний раз подтверждает необходимость учета при создании режима безопасности вокруг Корейского полуострова интересов всех без исключения сторон, причастных к корейскому урегулированию.

Именно такой подход постепенно утверждался в ходе дальнейших дискуссий вокруг четырехсторонней инициативы, что обусловило более заинтересованное отношение к ней со стороны России и Китая. Так, во время встречи на высшем уровне между президентом США Клинтон и Председателем КНР Цзян Цзэмином в ноябре 1997 г. стороны подтвердили готовность способствовать установлению прочного мира на Корейском полуострове, используя для этого механизм четырехсторонних переговоров, и договорились продолжать консультации с этой целью.

Дальнейшее развитие режима транспарентности и мер военно-политического доверия на Корейском полуострове явится поэтапным взаимообусловленным процессом реализации двусторонних мер транспарентности и военного доверия, в соответствии с достигнутыми соглашениями, и дальнейшим совершенствованием переговорно-консультационного механизма на субрегиональной основе. Равноправное участие четырех держав в обеспечении благоприятных внешних условий корейского урегулирования – залог успешного хода и завершения этого процесса.

3. 5. МЕРЫ ДОВЕРИЯ В ВОЕННО-МОРСКОЙ ОБЛАСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВО ТИХООКЕАНСКИХ ФЛОТОВ

Меры транспарентности и доверия в военно-морской области занимают особое место в структуре режимов азиатско-тихоокеанской безопасности. Акватория Тихого океана - сфера пересечения жизненно важных интересов безопасности крупных ядерных держав и район активной деятельности их военно-морских флотов, особенно ВМФ России и ВМС США.

Меры транспарентности и доверия в военно-морской области становятся особенно актуальными в связи с тем, что за последние годы усилилось наращивание военно-морского потенциала ведущих азиатско-тихоокеанских держав, прежде всего Японии, Китая и Индии. Особую озабоченность американских политиков и военных вызывает, в частности, модернизация ВМФ КНР, связанная, по их мнению, с экспансионистскими устремлениями Китая в Южно-Китайском море.

Акватория Южно-Китайского моря - средоточие острых разногласий, спорных и конфликтных ситуаций, поскольку в этом районе пересекаются экономические интересы и интересы безопасности многих стран АТР. Здесь действуют лишь несколько фрагментарных по своему характеру соглашений о разграничении континентального шельфа, и отсутствуют какие-либо соглашения о разграничении исключительных экономических зон.

После вступления в силу в ноябре 1994 г. подписанной в 1982 г. Конвенции ООН по морскому праву, установившей юрисдикцию прибрежных государств над 200-мильной исключительной экономической зоной (при соответствующем повышении требований к обеспечению охраны на море и рациональному использованию ресурсов), ситуация в этом субрегионе еще более обострилась.¹⁷⁴

По мнению председателя сенатского комитета по международным делам Конгресса США Джесси Хелмса, к концу нынешнего десятилетия Китай может получить способность блокировать большинство стратегических морских коммуникаций в южной части Индийского и Тихого океана, которые обеспечивают более 50% мирового товарообмена.

Заявляя свои претензии на острова в Южно-Китайском море и строя сеть опорных морских портов на бирманском побережье Индийского океана (в обмен на крупномасштабные поставки боевой техники военному режиму Бирмы), КНР, по мнению американского конгрессмена, создает потенциал угрозы свободе морского судоходства в этом районе.¹⁷⁵

25 февраля 1992г. Постоянный Комитет ВСНП утвердил т. н. Акт о территориальных водах, декларирующий суверенитет КНР над акваторией Южно-Китайского моря. Статья вторая данного закона объявляет акваторию о-вов Спратли и Парасельских территориальными водами Китая; статья 10 разрешает использование всех необходимых средств для препятствования прохождению иностранных судов через территориальные воды Китая, включая их насильственное выдворение с помощью ВМФ КНР.¹⁷⁶

Авторитетные международные эксперты полагают, однако, что способность Китая проецировать свою военно-морскую мощь остается ограниченной, поскольку ввод в

строй новых кораблей не сопровождается сколько-нибудь существенным наращиванием возможностей ПВО, противолодочной обороны и военно-морского транспорта (sea-lift). Ввиду практического отсутствия возможностей дозаправки в воздухе китайские ВВС полагают весьма ограниченным потенциалом проекции мощи за пределами материковой зоны.

В силу этих обстоятельств китайские ВМС, при всех усилиях по их модернизации,ⁱ пока уступают по боевому потенциалу более современным флотам других тихоокеанских стран.¹⁷⁷

Уроки кризиса в Тайваньском проливе в 1996 г., когда впервые после 50-х гг. вооруженные силы КНР и Соединенных Штатов находились в непосредственном соприкосновении на грани военной конфронтации, показали неспособность ВМС Китая обеспечить эффективную защиту своих прибрежных вод при наличии двух авианосных групп ВМС США на удалении 200 морских миль от китайского побережья. Это может вынудить китайских стратегов сосредоточить ограниченные ресурсы не на наращивании потенциала проекции военно-морской мощи, а на более эффективной защите побережья и прибрежных вод.¹⁷⁸

Наиболее амбициозный проект модернизации китайского военно-морского флота - завершение до середины следующего десятилетия строительства 1-3 авианосцев, водоизмещением до 40 тыс. тонн и вооруженных до 40 самолетов класса Су-27 или F-10 каждый.¹⁷⁹

Среднесрочная перспектива модернизации ВМФ КНР предусматривает расширение зоны действия флота до 740 км. и наращивание его способности проведения операций в Южно-Китайском море. С этой целью в 1990-1995 гг. флот был пополнен двумя эсминцами класса «Луху» водоизмещением 4500 тонн с управляемыми ракетами на борту; тремя фрегатами класса «Янгвай» водоизмещением 2750 тонн и тоже имеющими на вооружении управляемые ракеты; двумя транспортными судами класса «Даюнь» водоизмещением 11 000 тонн; 52 десантными кораблями классов «Юкань» и «Ютинг», несущими соответственно по два и по четыре вертолета.

За последние 10 лет из состава ВМФ Китая была выведена половина подводных лодок, остальные были модернизированы. В настоящее время китайский флот располагает 49 подводными лодками, пять из которых (класса «Хань») вооружены наступательным ядерным оружием.¹⁸⁰

В сентябре 1996 г. Индонезия провела объединенные военно-морские, военно-воздушные и сухопутные учения с участием 10 тысяч военнослужащих в районе островов Натуна в Южно-Китайском море, близ совместных американо-индонезийских разработок запасов природного газа.¹⁸¹ Одна из очевидных целей заключалась в том, чтобы продемонстрировать Китаю готовность Индонезии сохранять контроль над своими территориальными водами.

На этом фоне другие тихоокеанские державы также наращивают мощь своих военно-морских флотов. До конца нынешнего десятилетия Южная Корея планирует приобре-

---

ⁱ По некоторым данным, на протяжении последних лет Китай расходует на модернизацию своего военно-морского флота в среднем около 20% военного бюджета ежегодно. - См. Lee Choon Kun. Causes of Tension in Northeast Asia and the Arms Race There. *East Asian Review*. Vol. VII, # 2. 1995. p. 37.

сти для своих военно-морских сил 17 новых эсминцев, увеличить число фрегатов до 20, а корветов - до 50. Власти Тайваня приобрели сравнительно недавно 16 французских сторожевых кораблей класса «Лафайет» за 2 млрд. долларов.¹⁸²

Военно-морская мощь Японии по некоторым данным уже превосходит российскую (боевой состав Тихоокеанского флота был сокращен за последнее десятилетие на 30 %).¹⁸³ Японское военное ведомство оправдывает планы модернизации флота своими выкладками и подсчетами, согласно которым качественный состав российского Тихоокеанского флота за указанный период даже усилился - соотношение обычных и модернизированных кораблей сменилось с 2,7 к 1 в 1985 г. на обратное в 1992 г.

Военно-морское присутствие США в АТР продолжает оставаться весьма внушительным, играя в определенном смысле стабилизирующую роль. Американское Объединенное Командование на Тихом океане (CINCPAC), помимо военно-морских сил, располагает мощными силами сухопутных войск, авиации и морской пехоты, и в состоянии вести операции на общей территории в более чем 160 млн. км², что составляет более половины поверхности земного шара.¹⁸⁴

До недавнего времени командовавший Объединенными тихоокеанскими силами США адмирал Чарльз Ларсон является также американским военным представителем по вопросам коллективной обороны в зоне Тихого океана. Он отстаивает концепцию «кооперативной вовлеченности» (cooperative engagement), согласно которой американское военное присутствие в АТР должно служить трем целям: поддержанию постоянного передового присутствия в регионе, укреплению региональных союзов и обеспечению эффективного кризисного реагирования.¹⁸⁵

В связи с этим делается упор на развитие амфибийных сил, военно-транспортной авиации и наземных сил быстрого развертывания, а также на проведение различных двусторонних и многосторонних военных учений (RIMPAC, PACEX, Team Spirit и др.), программ совместного обучения и военных обменов.

Американская сторона пытается также побудить своих союзников увеличить вклад в обеспечение безопасности на Тихом океане - через непосредственное участие (Япония и Республика Корея), предоставление средств военного обучения и технического обслуживания (Сингапур, Филиппины), или создание общей инфраструктуры береговой технической поддержки сил флота. В планах американского Тихоокеанского командования - объединение усилий с правоохранительными органами заинтересованных стран в борьбе с международной контрабандой наркотиками и пиратством.

Соединенные Штаты углубляют военно-морское сотрудничество со странами - членами Пятистороннего соглашения по вопросам обороны (FPDA) - Австралией, Малайзией, Сингапуром, Великобританией и Новой Зеландией. Осуществляются совместные разведывательные операции и патрулирование в акваториях, прилегающих к Малаккскому проливу.

Как заявил в 1995 г. заместитель министра обороны США по вопросам международной безопасности Джозеф Най, силы ВМС США должны быть готовы к вмешательству в случае военного конфликта или создания угроз свободе судоходства в районе Южно-Китайского моря.¹⁸⁶

Готовность Соединенных Штатов сохранять и далее свое военное присутствие в АТР была продемонстрирована направлением двух авианосных групп в воды Тайваньского пролива в разгар тайваньско-китайского кризиса (март 1996 г.), подтверждением жизнеспособности японо-американского Договора о безопасности в ходе встречи Билла Клинтона и Рютаро Хасимото (апрель 1996 г.) и возрождением Договора АНЗЮС, с участием США, Австралии и Новой Зеландии (июль 1996 г.).

Вопросы военно-морской безопасности на Тихом океане всегда рассматривались мировыми державами как глобальные и обсуждались в общей структуре российско-американских переговоров по разоружению и контролю над вооружениями. Какие-либо меры по ограничению военно-морской деятельности на региональном уровне имели шанс на успех лишь в том случае, если соответствовали интересам безопасности сверхдержав или могли послужить экспериментом для последующего распространения на другие регионы земного шара.

На протяжении последнего десятилетия обсуждались предложения о сокращении или взаимном выводе военно-морских сил из определенных районов; об ограничении или полном запрещении деятельности военных флотов на основных морских коммуникациях; о режиме ограничения военно-морских учений и маневров, а также о взаимном предупреждении об учениях и посылке наблюдателей; об уведомлении о наличии ядерного оружия на борту при заходе в порты и о полном запрещении этого класса ядерных вооружения в особых безъядерных зонах; об ограничении противолодочной борьбы; об ограничениях на размещение или полном сокращении крылатых ракет морского базирования; о воспрещении военно-морской деятельности в акваториях, прилегающих к береговой зоне; о ликвидации иностранных военно-морских баз и инфраструктуры береговой поддержки, и пр.

Важными шагами на пути создания режима морской безопасности в зоне Тихого океана можно считать заключенное в 1972 г. Соглашение о предотвращении инцидентов на море (ИНСИ), Соглашение об ограничении опасной военной деятельности (1989 г.) и Соглашение о единой интерпретации норм международного права, касающихся безопасного прохода судов (1989г.).

На советско-американском саммите на Мальте в декабре 1989 г. М. С. Горбачев внес предложение о взаимном сокращении и последующем полном уничтожении тактического ядерного оружия на борту кораблей (не включая средства стратегических ядерных сил морского базирования). За решением США ликвидировать этот класс ядерных вооружений в сентябре 1991 г. последовала, в начале октября того же года, аналогичная инициатива СССР.

Опыт переговоров последних лет показал, что заинтересованные стороны наиболее охотно обсуждают меры транспарентности и военного доверия, касающиеся деятельности флотов. Подобные меры могли бы быть отнесены как к боевой мощи и структуре размещения существующих военно-морских сил, так и к планам военно-морского строительства и модернизации. Они существенно укрепляют стабильность и предсказуемость обстановки в акваториях Тихого океана, устраняют взаимные подозрения и минимизируют угрозу эскалации конфликта в случае неправильного истолкования действий другой стороны.

Меры военно-морского доверия могут включать в себя предуведомления об основных военно-морских учениях; взаимные уведомления размещении и перегруппировке сил флотов; присутствие наблюдателей на военно-морских учениях и маневрах; ограничение количества и масштабов учений и маневров флотов, а также районов их проведения; взаимные контакты представителей флотов, включая обмены визитами кораблей и сил военно-морской авиации, и другие меры, способствующие устранению взаимного недоверия.

187

Основные рамочные принципы функционирования режима транспарентности и военно-морского доверия на Тихом океане могли бы, вслед за некоторыми американскими экспертамиⁱ, быть сформулированы следующим образом:

- A. Настоящая декларация относится к акватории Тихого океана и непосредственно прилегающим морским районам.
- B. Стороны подтверждают верховенство принципов свободы судоходства, в соответствии с нормами международного права.
- C. Каждая из сторон намерена проводить учения и размещать силы в указанном районе с учетом интересов и озабоченностей другой стороны.
- D. Каждая из сторон признает союзнические обязательства другой стороны и действует соответствующим образом, до внесения протестов по условиям данного соглашения.
- E. Ничто в данном соглашении не обязывает стороны уведомлять друг друга о проводимых учениях и размещении сил, хотя такие уведомления всячески приветствуются в пределах целесообразности.
- F. Протесты по условиям данного соглашения вносятся в соответствии с процедурами, установленными Соглашением об опасной военной деятельности.¹⁸⁸

Особое значение имел бы обмен на взаимной основе данными о военно-морском строительстве и размещении сил флота - сначала несекретными, а затем, постепенно, все более конфиденциальными, а также установление нижнего «порога данных», относительно которого измерялись бы сокращения военно-морских сил и ограничения деятельности флотов.

Существенный резерв военно-морского сотрудничества в АТР - ограничение противолодочной деятельности, особенно стратегических сил подводного флота. Это касается прежде всего ВМС США и ВМФ России, накопивших в своем арсенале за годы «холодной войны» столь значительное количество атомных подводных лодокⁱⁱ, что, помимо соображений военной целесообразности, их содержание и утилизация стала большой финансово-экономической и экологической проблемой, особенно для российского Тихоокеанского флота, чье нынешнее трудное положение общеизвестно.

ⁱ Проект декларации внесен в 1991 г. на международной конференции под эгидой Центра советско-американских исследований ун-та Дангук, Республика Корея, адмиралом в отставке Дж. Уинфельдом.

ⁱⁱ На долю двух флотов приходится приблизительно половина стратегических подводных лодок и 90% атомных подводных лодок. В конце 1991 г., накануне распада СССР, советский Военно-морской флот располагал приблизительно 200 стратегическими подводными лодками (более половины из них - атомные); ВМС США располагали 90 стратегическими подводными лодками. - См. James L. Lacy. Arms Control and Confidence-Building in the Pacific Northwest: Naval and Regional Considerations. *Soviet Russia, North Korea, and South Korea in the 1990s*. p. 46-47

Одной из самых продуктивных мер доверия в военно-морской области могло бы стать присоединение Китая и других азиатско-тихоокеанских стран, способных иметь ядерный потенциал, к США, России, Великобритании и Франции, которые в одностороннем порядке отказались от планового размещения ядерного оружия на кораблях и летательных аппаратах морского базирования.

Важным шагом на пути укрепления режима транспарентности и доверия на Тихом океане могло бы стать создание объединенных военно-морских сил для осуществления контроля за соблюдением норм международного права и борьбы с незаконной деятельностью на морях; поддержки сухопутных миротворческих операций сил ООН; осуществления полицейских функций, а также размещения при необходимости в районах напряженности и конфликтов военно-морских сил под эгидой ООН.

В начале 90-х гг. на семинарах Института Дальнего Востока РАН и Центра международной безопасности и контроля над вооружениями (ЦМБКВ) Стэнфордского университета были подготовлены научно-практические рекомендации по ограничению военно-морской активности и налаживанию взаимодействия флотов России и США в целях обеспечения мер доверия и безопасности на Тихом океане, сформулированные в совместном документе *«Сотрудничество флотов в Азиатско-тихоокеанском регионе»*.

Основные положения документа были выработаны осенью 1992 г. военно-морскими специалистами России, США и Японии, под эгидой ИДВ РАН и Центра по международной безопасности и контролю над вооружениями (ЦМБКВ) Стэнфордского университета.

В ходе развития проекта (позднее к нему подключились представители ВМС Китая)ⁱ его участники неизменно отмечали особую роль морского тихоокеанского пространства как естественного природного объекта, выступающего источником противоречий и в то же время материальной средой, используемой военными флотами прибрежных государств в интересах национальной и региональной безопасности.¹⁸⁹

Важность военно-морских мер доверия в АТР обусловлена тем, что потенциальное использование военных флотов неизменно сопряжено с предварительным развертыванием сил в районе предстоящих боевых действий, что само по себе чревато вовлечением в конфликт стран, озабоченных защитой своих интересов на море и свободы судоходства.

В этой связи участники проекта призвали к обсуждению проблем, связанных со статусом Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву (UNCLOS III) и, в частности, с необходимостью отражения в национальных законодательствах азиатско-тихоокеанских стран положений Конвенции о правилах установления исходных линий и прохода военных кораблей через территориальные воды иностранных государств.

На основе сопоставительного анализа национальных интересов, проблем и мер обеспечения безопасности каждой из представленных стран участники проекта под эгидой ЦМБКВ - ИДВ РАН выявили совпадающие цели и интересы обеспечения национальной безопасности, а также расхождения в позициях. Были подготовлены предложения относи-

---

ⁱ См. : Capt. Alexander S. Skaridov, RFN, CDR Daniel D. Thompson, USN, and LCDR Yang Zhiqun, PLA (N). *Asian-Pacific Maritime Security: New Possibilities for Naval Cooperation?* Center for International Security and Arms Control, Stanford University. February 1994.

тельно развития сотрудничества военно-морских флотов России и Японии, а также ВМФ РФ и ВМС США.

Что касается сотрудничества флотов России и Японии, то в качестве первоначальных шагов предлагалось:

- ◆ подписание соглашения между правительствами двух стран о предотвращении опасных инцидентов на море и за пределами территориальных вод;ⁱ
- ◆ развитие мер транспарентности посредством обмена информацией по вопросам оборонной политики, военной доктрины и стратегии, военных расходов, организации, структуры и развертывания вооруженных сил, а также крупномасштабных перемещений боевых кораблей (включая корабли США, базирующиеся на территории Японии);
- ◆ изменение содержания и направленности военных учений с целью избежания наступательных перемещений или действий по отношению друг к другу, предуведомление об учениях и обмен планами учений;
- ◆ установление канала связи между командованием Тихоокеанского Флота России и центральным командованием Флота Сил самообороны Японии;
- ◆ создание программы обменов, включая обмены визитами кораблей, курсантами, слушателями и преподавателями военно-учебных заведений.

Дальнейшие шаги развития сотрудничества двух флотов предусматривали обмены повседневного характера и деловые заходы кораблей; сотрудничество в гуманитарных целях (спасательные операции на море и помощь во время стихийных бедствий, борьба с терроризмом, пиратством и незаконным оборотом наркотиков); совместные учения; двустороннее и многостороннее сотрудничество в деле обеспечения безопасности; обмен визитами высокопоставленных военных представителей и пр.¹⁹⁰

В области российско-американских взаимоотношений было рекомендовано продолжать и расширять существующие программы контактов по военно-морской линии, переходя к систематическому и менее формальному взаимодействию на рабочем уровне. Новые направления сотрудничества могли бы включать:

- А. Расширение существующих программ сотрудничества, включая обмен визитами; профессиональные семинары и конференции; обмен информацией между штабами; совместная подготовка специалистов и визиты на тренировочные базы; визиты высокопоставленных военных делегаций; переговоры по линии штабов; совещания и двусторонние переговоры и пр.
- В. Создание групп подготовки совместных учений и операций, с целью разработки процедур оперативного взаимодействия при проведении двусторонних и многосторонних действий. Подобная группа, созданная на Гавайях или во Владивостоке, имела бы возможность проводить небольшие, с участием 2-3 кораблей, совместные мероприятия для отработки предлагаемых процедур взаимодействия.
- С. Продолжение взаимодействия между ВМФ РФ и ВМС США в действиях по поддержанию мира.

ⁱ Подобное соглашение было подписано уже в 1993 г.

- D. Организацию совместной операции на Аляске по ликвидации последствий стихийных бедствий. Приглашение к участию в ней канадских и японских сил.
- E. Организацию совместного тихоокеанского плавания небольшого числа российских и американских военных кораблей с гуманитарными целями и для проведения учений малого масштаба с ВМС некоторых тихоокеанских стран.

191

Ключевые рекомендации, изложенные в совместном документе «Сотрудничество флотов в Азиатско-тихоокеанском регионе», заключались в том, чтобы, во-первых, усилить акцент на важности открытого обмена информацией со всеми тихоокеанскими странами; во-вторых, продолжить программы и обмены, поддерживаемые неофициальными, неправительственными организациями; в-третьих, сформулировать темы будущих совместных исследований.

Последние могли бы касаться операций мирного времени, перспектив глобального военно-морского сотрудничества (с учетом положений Устава ООН о принципах военной организации), а также совместных традиционных военных операций:

- гуманитарная помощь;
- поиск и спасение;
- присутствие в районах кризисов (демонстрация силы);
- миротворческие операции;
- операции по воспрещению (разрыву) морских сообщений;
- эвакуация гражданского населения;
- действия против терроризма и спасание заложников;
- поддержание режима блокады (наблюдение, карантин);
- упреждающие или ответные вооруженные операции;
- операции по восстановлению порядка.¹⁹²

На протяжении последних лет в рамках симпозиума по военно-морским силам в западной части Тихого океана проходят международные семинары, на которых обсуждаются предложения о мерах транспарентности и доверия в военно-морской области. В рамках этих усилий был подготовлен Региональный справочник по обмену морской информацией, а также общее Руководство по коммуникации в области тактических средств.¹⁹³

В рамках указанного симпозиума анализировался также опыт советско-американского Соглашения ИНСИ и аналогичных ему двусторонних соглашений (всего более 10). Высказывались предложения о разработке, с учетом достигнутого опыта, многосторонних субрегиональных соглашений ИНСИ. При этом отмечалось, что сфера охвата соглашений ИНСИ ограничена пределами «открытого моря» и не касается границ и операций в территориальных водах, а также не затрагивает вопросов, связанных с заведомо скрытыми перемещениями подводных лодок в погруженном состоянии.

Для разрешения этих проблем, как подчеркивалось в ходе дискуссий, необходимо продолжение двусторонних и многосторонних переговоров по согласованию толкования (в рамках морского права) понятия границ территориальных морей и исключительных экономических зон; проявление предусмотрительности при проведении военно-морских операций вблизи спорных границ, а также обеспечение подводных лодок надлежащими средствами связи на случай экстремальных ситуаций. Надлежащее использование этих

мер на основе взаимодополняемости будет содействовать дальнейшему укреплению регионального режима транспарентности и мер доверия в военно-морской области.

Практика последних лет подтверждает целесообразность и полезность рекомендаций по вопросу укрепления режима военно-морской безопасности в АТР, выработанных совместными усилиями ученых и военных моряков стран АТР.

Так, в сентябре 1995 г. большой противолодочный корабль «Адмирал Пантелеев», танкер «Владимир Колечицкий» и большой десантный корабль Тихоокеанского флота отработывали совместно с американским ракетным крейсером «Велли Фордж», десантным кораблем «Кливленд» и спасательным судном «Салвор» взаимодействие при оказании гуманитарной помощи населению, пострадавшему от стихийных бедствий. (подобные учения состоялись и в 1994 г. близ Владивостока).

В ходе учений капитаны «Адмирала Пантелеева» и «Велли Фордж» на некоторое время поменялись мостиками, чтобы продемонстрировать уровень доверия и сотрудничества. Американская сторона предоставила российским морякам возможность ознакомиться с авианосцем «Карл Винсон» и атомными подводными лодками, обеспечив полную свободу передвижения на территории своей базы и за ее пределами.¹⁹⁴

В декабре 1997 г. китайская военная делегация посетила большой противолодочный корабль «Адмирал Виноградов» Тихоокеанского флота. Во время переговоров с командованием ТОФ делегация высказала пожелание о совместном обучении китайских и российских моряков и о активизации визитов кораблей двух стран. Стороны констатировали, что связь между флотами России и Китая имеет стратегическое значение и является гарантом мира в АТР.

Если ранее подобные учения и визиты носили в основном протокольный характер, то сейчас они становятся все более конкретными и технически усложненными. Приобретается практика постоянного контакта личного состава российских кораблей со своими американскими коллегами, углубляется реальное взаимодействие и сотрудничество флотов.

Именно на этом пути лежит дальнейшее развитие режима транспарентности и доверия в военно-морской области - не только для США и России, но и для других азиатско-тихоокеанских стран.

3. 6. МЕРЫ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ В ОБЛАСТИ ВОЕННЫХ РАСХОДОВ, ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ВООРУЖЕНИЙ СТРАН РЕГИОНА

Меры транспарентности в области **военных расходов стран АТР** являются наиболее существенными и необходимыми, поскольку регион на протяжении последних лет прочно занимает лидирующие позиции по затратам на оборонные нужды. Опубликованные за последние годы данные и прогнозы экспертов позволяют проследить динамику военных расходов в Азиатско-тихоокеанском регионе.

В начале 90-х гг. общий оборонный бюджет азиатско-тихоокеанских стран на 25 % превышал военные расходы всех стран мира, за исключением СССР и США. Рост военных расходов был обусловлен общим экономическим ростом в АТР: закупка современных вооружений или совершенствование собственного военно-промышленного комплекса считаются наиболее разумным вложением свободного капитала.¹⁹⁵

По данным Международного Института стратегических исследований, военный бюджет Японии вырос в 1985-1992 гг. на 28,5 %; Китая - на 12,6 %; Тайваня - на 29,9 %; КНДР - на 22,4 %; РК - на 63,5 %.¹⁹⁶

Таблица 3. Военные расходы стран СВА в 1994 г.

	Военный бюджет 1994 г. (млн. долл.)	Рост по ср. 1993 г. (%)	В % от ВВП	В % от общих бюджетных расходов
США	281,563,000	- 3, 27 %	4,1	19,9
Япония	42,100,000	6	0,92	6,1
КНДР	2,300,000	5	11,3	12
РК	14,000,000	16,1	3,7	24,2
КНР ⁱ	6,700,000	8,4	1,3-3,25	9,5
Тайвань	11,300,000	8,1	4,6	24,3
Монголия	18,200	22	2,3	-

Источник: U. S. and Asia Statistical Handbook 1995. Compiled and Edited by Richard D. Fisher, Jr. and John T. Dori. The Heritage Foundation. 1995.

По некоторым зарубежным данным, военные расходы России составили в 1994 г. около 79 млрд. долл., или 7 % от ВВП.¹⁹⁷

Наиболее спорным и привлекающим всеобщее внимание является вопрос о военных расходах КНР. Показатели их роста являются предметом дискуссий экспертов и политиков разных стран. Так, Международный Институт стратегических исследований оценил военный

ⁱ Оценочные данные.

бюджет Китая 1994 г. в 27, 4 млрд. долл., а Стокгольмский Международный институт проблем мира (SIPRI) - в 37 млрд. долл.¹⁹⁸ Сложность подсчетов усугубляется тем обстоятельством, что реальные военные расходы, в силу специфики военного строительства в Китае,ⁱ могут значительно отличаться от официальных цифр.

Рост военных расходов КНР обусловлен рядом факторов, среди которых эксперты упоминают нестабильность ситуации в области региональной безопасности; необходимость оснащения китайской армии высокотехнологичным оружием и потенциалом проекции мощи, более приспособленным для участия в современных военных конфликтах; общий экономический рост, позволяющий увеличивать расходы на оборону; высокую статусную роль НОАК в китайском обществе (опора режима), а также рост расходов, связанных с военной реформой и социальным обустройством увольняемых в запас военнослужащих.

Относительно оборонных расходов Китая на 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 8-го созыва в марте 1995 г. было официально заявлено, что оборонные расходы на 1995 г. были утверждены в размере примерно 7,5 млрд. долл., что на 21,2 % больше, чем в предыдущем году. Это составляет 9,5 % общего бюджета страны.¹⁹⁹

С начала 90-х гг., по официальным китайским данным, военный бюджет увеличился лишь номинально. Например, в 1995 г. его объем составил 63 млрд. юаней (около 7,5 млрд. долл.), увеличившись по сравнению с 1994 г. на 14,5 %. При запланированном централизованном росте цен на 15 % реальный объем военного бюджета даже несколько уменьшился.²⁰⁰

В 1995 г. Китай впервые издал аналог «белой книги» по вопросам обороны, в которой отмечается, что в 1994 г. военные расходы страны составили 6,39 млрд. долл., что составляет 2,3 % от соответствующих показателей США, 18,3 % - Великобритании, 18,6 % - Франции и 13,9 % - Японии. Если в 1979 г. расходы на оборону составляли 5, 6 % ВВП страны, то в 1994 г. - 1,3 %.²⁰¹

Номинальный рост китайского военного бюджета и стремление создать потенциал проекции военной мощи не означают, тем не менее, что КНР уже смогла в достаточной мере модернизировать свои вооруженные силы. Значительное технологическое отставание Китая от Соединенных Штатов и других мировых держав будет сохраняться еще многие годы. Международные эксперты полагают, что нужно следить за военными приготовлениями КНР, но реагировать на них адекватно.²⁰²

Таблица 4. Военные расходы других стран-участниц АРФ в 1994 г.

	Военный бюджет 1994 г. (млн. долл.)	Рост по ср. 1993 г. (%)	В % от ВВП	В % от общих бюджетных расходов
Австралия	7, 143 ,000	3,5	2,1	8,5
Новая Зеландия	727,300	13	1,4	3,9
Индия	7,300,000	15,3	3,2	16,2

ⁱ В 1992 г. официальные военные расходы КНР составили 6 млрд. долл., а фактические - в 3-4 раза выше. По некоторым расчетам, китайцы могут содержать целый батальон солдат на те средства, на которые японцы содержат только одного пехотинца. - *Сегодня*, 5 мая 1993 г.

Папуа - Новая Гвинея	55,500	-0,8	11,8	-
Страны АСЕАН				
Бруней	312,000	10,6	7,1	-
Индонезия	2,300,000	18	1,57	7,7
Малайзия	2,800,000	42,9	6,4	16,8
Сингапур	3,000,000	11,1	4,5	34,7
Таиланд	3,500,000	10,8	2,5	15,1
Филиппины	1,300,000	11,1	2	11,3

Источник: U. S. and Asia Statistical Handbook 1995. Compiled and Edited by Richard D. Fisher, Jr. and John T. Dori. The Heritage Foundation. 1995.

Ежегодный прирост затрат на оборону в странах АТР прогнозируется на уровне 6 %, или 4-5 % от уровня ВВП. Прогнозы на 1996 г. показывают, что темп их роста снизится вдвое по сравнению с соответствующим показателем 1992 г.

По данным Международного Института стратегических исследований, оценочный военный бюджет Японии на 1996 г. составляет 4,845 млрд. йен; прогнозируемый бюджет 1997 г - 4,985 млрд. йен (реальный рост приблизительно на 3 %). Оценочный военный бюджет Китая 1996 г. - 8,4 млрд. долл. (рост на 11 % по сравнению с 1995 г.). Соответствующий показатель для Южной Кореи - 15,6 млрд. долл. (рост на 5 % по сравнению с 1995 г.). Военный бюджет Тайваня 1996 г. оценивается в 13,6 млрд. долл.²⁰³

Краткий вышеприведенный анализ показывает, что выработка общих критериев оценки публикуемых статистических данных необходима для того, чтобы меры транспарентности в области военных расходов стран АТР стали по-настоящему эффективными. Этот вопрос должен стать приоритетным в повестке дня многосторонних переговоров и консультаций на региональном и субрегиональном уровне.

Представители КНР в Комитете по разоружению Генеральной Ассамблеи ООН предложили использовать при сопоставительной оценке военных расходов следующие макропоказатели:

1. Процент ВВП, выделяемый на военные расходы.
2. Годовые военные расходы на единицу площади национальной территории.
3. Количество военного персонала на единицу площади национальной территории.
4. Среднегодовые военные расходы на душу населения.
5. Среднегодовые военные расходы на каждого военнослужащего.

Эти пять показателей, по мнению китайских экспертов, могут объективно свидетельствовать о доле финансовых ресурсов страны, затрачиваемой на вооружения, а также о масштабах капиталовложений страны в вооружения.²⁰⁴

Следующий объект применения мер транспарентности в региональном масштабе - **данные о состоянии вооруженных сил и вооружений стран АТР**, позволяющие осуществ-

лять адекватную сопоставительную оценку военного потенциала и, соответственно, оценку потенциальных угроз.

Доминирующее американское военное присутствие в АТР было и остается основополагающим фактором и исходным пунктом анализа в данном контексте. Касаясь обоснования военного присутствия США в регионе с точки зрения восприятия угроз, У. Одом отмечает, в частности, что советская угроза (а ныне - обновленная российская версия ее) уже не может служить адекватным аргументом как с точки зрения военного планирования, так и с точки зрения общественной поддержки внутри Соединенных Штатов.

Главная цель американского военного присутствия в СВА - обеспечение добрых отношений и сотрудничества между Японией и РК; предотвращение или замедление превращения Японии в военную державу и снятие соответствующих опасений со стороны других стран региона; создание условий для мирного объединения Кореи при сохранении ее стратегической зависимости от США.²⁰⁵

После закрытия американских военных баз на Филиппинах в декабре 1992 г. США трансформировали свое военное присутствие в регионе, сделав его менее сосредоточенным и фиксированным. «Места, а не базы» - так характеризует этот подход командование Тихоокеанскими силами США. Новая, «пост-филиппинская» структура американского присутствия включает в себя обеспечение доступа в регион, визиты военных кораблей, совместные учения и профессиональную подготовку личного состава, обмен разведывательной информацией и пр.²⁰⁶

Страны АТР недвусмысленно продемонстрировали поддержку новой формы военного присутствия США. Так, Япония, оплачивая две трети стоимости пребывания американских войск на своей территории, согласилась довести в 1995 г. эту долю до 73%. Соответствующая доля расходов Южной Кореи достигла 33% и будет далее возрастать.²⁰⁷

Сингапур, Индонезия, Малайзия и Таиланд в серии соответствующих двусторонних соглашений обеспечили право США пользоваться своими военными объектами. В 1994 г., однако, власти Таиланда, под давлением внутренней оппозиции и, видимо, опасаясь негативной реакции Китая, отклонили запрос США о заходе американских судов снабжения ВМФ в таиландские порты; Вашингтон, тем не менее, продолжает добиваться согласия Таиланда на заход судов.

Частичное финансовое обеспечение Японией и РК пребывания войск США на их территории (в 1992 г. Токио выделил 3,5 млрд. долл., или 50 % общей стоимости размещения американских войск), позволяет американской администрации убеждать Конгресс и общественность в том, что содержание этих войск за рубежом обходится дешевле их размещения дома.²⁰⁸

Американское военное присутствие является константой, определяющей пропорции регионального баланса сил. В целом его можно считать стабильным, что создает благоприятные предпосылки для расширения сферы применения мер транспарентности в СВА и АТР в области вооруженных сил и вооружений.

Данные о численности личного состава и вооружениях НОАК также являются предметом дискуссий. Что касается численности НОАК, то, по официальным китайским данным, из почти 3 млн. чел. личного состава многие являются гражданскими служащими.

ми; на 10 тыс. чел. населения приходится 25 военнослужащих (по этому показателю КНР занимает лишь 70-е место в мире.²⁰⁹

К этому следует добавить, что в рамках китайской военной реформы происходит постепенное сокращение численности вооруженных сил на 500 тыс. чел.

Дискуссии относительно военных расходов, а также состояния вооруженных сил и вооружений стран АТР показывают, что проблема сопоставимости критериев национальной статистики в данных областях продолжает оставаться актуальной; ее следует решать в рамках всего комплекса мер транспарентности и военного доверия на субрегиональном и региональном уровне.

Таблица 5. Вооруженные силы и вооружения стран СВА.

СТРАНА	Общая числ. Регулярных ВС	Ракеты (ед.) ⁱ	Боевая авиация (ед.)	ВМФ (ед.)
США ⁱⁱ	100,000	1089	240	15
Япония	237,700	-	462	128
КНДР	1,128,000	-	770	421
РК	633,000	12	462	194
КНР ⁱⁱⁱ	2,930,000	86-110	4,970	844-846
Тайвань	425,000	-	491	173
Монголия	21,250	-	15	-

Источник: U. S. and Asia Statistical Handbook 1995. Compiled and Edited by Richard D. Fisher, Jr. and John T. Dori. The Heritage Foundation. 1995.

Таблица 6. Вооруженные силы и вооружения стран ЮВА.

СТРАНА	Общая числ. Регулярных ВС	Ракеты (ед.) ^{iv}	Боевая авиация (ед.)	ВМФ (ед.)
Бруней	4,400	-	2	6
Индонезия	276,000	-	103	71
Малайзия	114,250	-	92	48
Сингапур	54,000	-	155	31

ⁱ В подсчет включены наземные ракеты всех радиусов действия (за искл. крылатых ракет морского базирования).

ⁱⁱ Приведены данные по американским войскам, дислоцированным в Азии (включая 7-й флот ВМС США).

ⁱⁱⁱ С разбросом приведены оценочные данные.

^{iv} В подсчет включены наземные ракеты всех радиусов действия (за искл. крылатых ракет морского базирования).

Таиланд	256,000	-	212	86
Филиппины	106,500	-	43	53

Источник: U. S. and Asia Statistical Handbook 1995. Compiled and Edited by Richard D. Fisher, Jr. and John T. Dori. The Heritage Foundation. 1995.

Дальнейшее развитие режима транспарентности применительно к вооружениям может осуществляться в соответствии с принципами, вынесенными китайскими экспертами на обсуждение ГА ООН:

- безопасности ни одной страны не должен быть нанесен ущерб;
- не должно ставиться под вопрос или ущемляться мирное применение научно-технических достижений, особенно развивающимися странами, а также ставиться под угрозу международное сотрудничество и обмены в этой области;
- конкретные меры транспарентности в вооружениях должны быть адекватными, практически осуществимыми и совместно разрабатываться заинтересованными странами посредством консультаций, проводимых на равной основе;
- меры транспарентности в вооружениях не должны проводиться в жизнь путем принуждения и должны быть открыты для принятия и участия в них заинтересованных стран по мере того, как позволяют условия, и на добровольной основе;
- подход к транспарентности в вооружениях должен быть упорядоченным и постепенным, с акцентом на практические результаты.²¹⁰

Помимо обмена данными о численности вооруженных сил и состоянии вооружений, укрепление режима военной транспарентности в АТР требует взаимного обмена верифицируемыми данными в области торговли оружием и его передачи (трансферта). Этому призван служить *Регистр ООН по обычным вооружениям* и его предполагаемые региональные модификации и дополнения, которые составляют наиболее разработанный инструмент режима транспарентности в данной сфере глобальной и региональной безопасности.

С 1992 г. отмечается устойчивая тенденция роста рынка вооружений в АТР, который в настоящее время считается вторым по объемам продаж после Ближнего Востока. КНР, Япония, Тайвань и Южная Корея, и в меньшей степени страны АСЕАН (Таиланд, Малайзия и Сингапур) постоянно увеличивают среднегодовой уровень импорта вооружений по сравнению с предшествующим десятилетием.

В ближайшие пять лет расходы на закупку вооружений в странах АТР могут достигнуть от 69 до 78 млрд. долл. Все большую популярность приобретают у торговцев оружием международная выставка Asia Aerospace в Сингапуре и международная морская и аэрокосмическая выставка на острове Лангкави (Малайзия). Однако, по мнению специалистов, речь идет не столько о наращивании вооружений в ЮВА, сколько о замене устаревших образцов оружия и боевой техники. В целом объем рынка оружия для стран ЮВА оценивается в 12 млрд. долл. в год.²¹¹

Страны Северо-Восточной Азии также продолжают оставаться важным сегментом регионального рынка вооружений. С 1984 по 1993 гг. на долю Китая, Японии, КНДР, РК и Тайваня пришлось 73 % всего импорта вооружений. В 1991-1993 гг. на долю стран СВА

пришлось 85 % всех закупленных странами АТР боевых самолетов и 89 % ракетной техники.²¹²

Регистр ООН по обычным вооружениям явился наиболее масштабной и до настоящего времени наиболее эффективной мерой транспарентности в области вооружений. Регистр был учрежден Генеральной Ассамблеей ООН по предложению Европейского Сообщества и Японииⁱ (Резолюция ГА ООН 46/36 L от 9 декабря 1991 г.) и начал действовать с 1 января 1992 г.

В соответствии с основными положениями Регистра, государствам - членам было предложено предоставлять на добровольной основе направляемые на имя Генерального секретаря ООН данные о количестве единиц импортируемой на их территорию или экспортируемой с нее боевой техники семи основных категорий: танков, бронемашин, артиллерийских систем большого калибра, боевых самолетов, боевых вертолетов, военных кораблей и ракетных систем.

В 1993 г., когда Регистр был издан впервые, более 80 государств предоставили для базы данных ООН свои показатели трансферта обычных вооружений. Из 32 стран АТР данные предоставили 18. Как отмечали эксперты ООН, участие некоторых ключевых стран региона, таких как Китай, Индия, Япония, Малайзия, Пакистан, Филиппины, РК и Сингапур, значительным образом содействовало функционированию Регистра в течение первого года, в то время неучастие таких стран, как КНДР, Индонезия, Таиланд и Вьетнам, достойно сожаления.²¹³

Анализ данных показывает, что Регистру пока удается поддерживать неустойчивый баланс между достижением представительного участия и сохранением ценности представляемых данных.²¹⁴ К августу 1996 г. свои данные за 1995 г., четвертый год существования Регистра, представили 84 государства (среди них отсутствовали Китай и Россия, которые, как правило, предоставляют свои показатели позже установленного срока). Основные поставщики на мировом рынке оружия, за исключением КНДР, исправно поставляют свои данные для Регистра (в отличие от импортеров оружия).

Тем не менее, поскольку более 90 % всего объема сделок на мировом рынке оружия зафиксированы в Регистре, данные от основных экспортеров восполняют информацию, утаиваемую импортерами оружия.²¹⁵

Практика функционирования Регистра ООН по обычным вооружениям показала его полезность как механизма укрепления режима транспарентности в вооружениях. Были выявлены и основные направления совершенствования этого механизма. Так, в апреле 1994 г. на специальном семинаре-практикуме по Регистру было предложено включить в Регистр следующие новые компоненты:ⁱⁱ

⇒ общий объем военных запасов определенного государства за определенный календарный год;

ⁱ Интересно заметить, что Япония, затратив в 1988-1992 гг. на импорт вооружений 9,2 млрд. долл., стала вторым по величине закупок импортером оружия в мире. - *SIPRI Yearbook 1993: World Armaments and Disarmament*. Oxford, Oxford Univ. Press, 1994. - p. 445.

ⁱⁱ Предложения были отклонены ввиду возражений некоторых стран, включая Китай и Индию.

- ⇒ итоговый объем импорта оружия запасов определенного государства за определенный календарный год;
- ⇒ итоговый объем закупок оружия за счет отечественного производства определенного государства за определенный календарный год;
- ⇒ объем экспорта оружия определенного государства за определенный календарный год как отдельный количественный показатель.²¹⁶

Было предложено также укрепить и расширить Регистр за счет внесения в него данных об экспорте/импорте новых категорий вооружений, в частности, легкого пехотного оружия и противопехотных мин.

В январе 1994 г. Генеральный секретарь ООН в своем обращении к Консультативному совету по вопросам разоружения призвал к созданию региональных регистров обычных вооружений,ⁱ которые позволяли бы судить о проблемах в области безопасности, существующих в данном регионе, а также повышали бы эффективность универсального Регистра, выступая в роли испытательного полигона для новых подходов и инициатив, касающихся включения в отчетность дополнительных данных.

На первых порах региональные и субрегиональные форумы по проблемам безопасности могли бы быть использованы для стимулирования более широкого участия в Регистре. Со временем в рамках региональных форумов можно было бы сосредоточить усилия на использовании данных, представленных в Регистр, для взаимных запросов и обмена мнениями.

На заседаниях Группы правительственных экспертов по Регистру было предложено также включить в систему Регистра на региональном уровне механизм проверки данных и урегулирования конфликтов, который обеспечивал бы достоверность предоставляемой информации и позволял бы разрешать споры по поводу тех или иных цифр либо утверждений о дестабилизирующем накоплении запасов. Подобный региональный механизм мог бы быть встроен в существующую систему баз данных ООН.²¹⁷

В подготовленном экспертами ООН *«Исследованиях о путях и средствах содействия повышению транспарентности в международных поставках обычного оружия»* подчеркивалось, что в дополнение к универсальной системе регистрации поставок обычного оружия могли бы быть созданы вспомогательные региональные или субрегиональные системы, предназначенные для удовлетворения конкретных потребностей данного региона или субрегиона (например, путем включения дополнительной информации). Универсальная система могла бы устанавливать минимальные стандарты и руководящие принципы для обеспечения сопоставимости данных.²¹⁸

Хотя Регистр ООН по обычным вооружениям является скорее мерой транспарентности и военного доверия, чем режимом экспортного контроля,²¹⁹ он мог бы быть использован и для укрепления режима транспарентности в области передачи технологий двойного назначения, а также для продвижения на региональном и глобальном уровне вопроса о режиме ограничения торговли оружием.

ⁱ Идея о создании Регистра обычных вооружений для стран АТР высказывалась на Первом форуме по вопросам безопасности в Северо-Восточной Азии (NEADF) в ноябре 1993 г.

Предлагалось, в частности, сделать обязательным представление для Регистра данных о трансферте вооружений, а также выработать меры по прекращению или ограничению государственной поддержки или финансирования экспорта оружия. Особая ответственность ложится в этой связи на постоянных членов Совета Безопасности ООНⁱ, которые должны по крайней мере достичь договоренности между собой о регулировании экспорта вооружений.

Что касается России, то она неоднократно предлагала выработать принципы торговли оружием в АТР, основанные на соответствующих Основных положениях, разработанных пятью постоянными членами Совета Безопасности ООН. Это затруднило бы «подпитку» оружием потенциальных конфликтных очагов в регионе, и в то же время исключило бы надуманную дискриминацию на рынке оружия.²²⁰

В то время как Регистр дает исчерпывающее представление о легальной торговле оружием, его роль в раскрытии незаконных сделок на «черном рынке» оружия еще предстоит определить. Неконтролируемые поставки обычного оружия являются не только опасным каналом распространения гонки вооружений, но и способом облегчения доступа к самым современным видам оружия, повышающим разрушительность и кровопролитность региональных конфликтов.

Комиссия ООН по разоружению приняла Руководящие принципы в отношении международных поставок оружия, что явилось первой многосторонней акцией по осуществлению контроля за незаконным оборотом оружия. Япония выступила с инициативой о создании Группы правительственных экспертов по стрелковому оружию.

Проблема ограничения распространения легкого и стрелкового оружия приобретает все большую актуальность, в том числе и для АТР. Именно такое оружие приводит к наибольшему жертвам и разрушениям в ходе локальных войн и региональных конфликтов. В обиход международных переговоров по контролю над вооружением и разоружению вошел термин «микроразоружение». Один из способов утверждения микроразоружения в качестве неотъемлемого элемента режимов транспарентности и мер доверия – внесение легкого и стрелкового вооружения в качестве самостоятельной категории вооружений в Регистр ООН по обычным вооружениям.

Деятельность Комиссии ООН по разоружению является наглядным примером функционирования международных режимов безопасности. Комиссия является совещательным органом общемирового формата, в котором, в отличие от Первого комитета ГА ООН, не проводится голосование резолюций, а решения принимаются консенсусом. Результатом являются соглашения, накладывающие скорее политические, нежели международно-правовые обязательства на стран-участниц.

Тем не менее, подобные, добровольно принимаемые на себя политические обязательства могут быть весьма весомыми, пример чему – прежде всего сам Регистр ООН по обычным вооружениям.

Важным фактором развития режимов транспарентности и ограничения в области обычных вооружений становится в последнее время движение за запрещение противопехотных мин. Начатые в 1996 г. в Канаде международные переговоры (т.н. Оттавский про-

---

ⁱ На них приходится более 80 % мирового экспорта оружия. - *Security Dialogue*. # 2, 1995. p. 230.

цесс) завершился подготовкой *Конвенции о запрещении применения, хранения, производства и передачи наземных противопехотных мин, и об их уничтожении*, которая 3 декабря 1997 г. была открыта к подписанию в Оттаве. 117 государств мира уже заявили о своем желании присоединиться к Конвенции; Международная кампания за запрещение противопехотных мин (коалиция государств, неправительственных организаций и международных институтов) была удостоена Нобелевской премии мира за 1997 г.

Тем не менее, движение за запрещение противопехотных мин не встречает однозначной поддержки в Азиатско-тихоокеанском регионе; ведущие азиатские державы (Китай, Индия, Пакистан, а также Россия и США) не спешат подписать Конвенцию, поскольку считают, что это может нанести ущерб интересам их безопасности – мины продолжают оставаться эффективным средством защиты национальной территории от потенциального агрессора для стран с протяженной сухопутной границей.

При этом очевидный антигуманный характер противопехотных мин, настроения широких кругов международной общественности и интересы укрепления международных режимов безопасности диктуют необходимость принятия компромиссных решений. Наглядным примером может служить подписанный Президентом РФ Указ «О продлении моратория на экспорт Российской Федерацией противопехотных мин», продлевающий с 1 декабря 1997 г. на пять лет запрет на экспорт из России противопехотных мин, не оснащенных механизмами самоликвидации и не обнаруживаемых миноискателями.

Подобные меры, существенно ограничивающие распространение этого вида оружия, можно рассматривать в качестве промежуточных на пути к полному присоединению к упомянутой Конвенции.

Таким образом, режим транспарентности в области военных расходов, вооруженных сил и вооружений стран АТР представляется наиболее разработанным и институционализированным. Он смыкается с мерами по регулированию и ограничению вооруженных сил и вооружений, и в перспективе способен приобрести черты рестриктивного (ограничительного) международного режима.

ГЛАВА 4

РЕЖИМЫ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И АТР

Как известно, новое российское понимание концепции международной безопасности предусматривает безусловный отказ от распространения ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения; приоритет политических методов обеспечения безопасности; прекращение ядерных испытаний; ликвидацию тактического и стратегического ядерного и химического оружия; недопущение гонки вооружений.

Применительно к АТР, особенно Северо-Восточной Азии, где пересекаются интересы безопасности крупнейших ядерных держав, одновременно являющихся депозитариями Договора о нераспространении ядерного оружия (США, России и КНР), проблемы ядерного нераспространения приобретают особую специфику. В то же время, здесь имеются особые (и пока не использованные) возможности для российской внешней политики.

Укрепление ограничительных режимов (режимов нераспространения и экспортного контроля) относится к важнейшим приоритетам российской внешней политики. Это стало особенно очевидным на фоне ситуации, связанной с мартовским кризисом 1993 г. и дебатами о продлении срока действия Договора о нераспространении ядерного оружия, когда на страны-депозитарии Договора, включая Россию, легла особая ответственность за дальнейшее обеспечение режима Договора, ставшего краеугольным камнем глобальной стабильности в ядерный век.

4. 1. РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЕЖИМ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Режим ядерного нераспространения, определяемый как «*созвездие международных договоров, двусторонних соглашений и многосторонних инспекций, направленных на предотвращение расползания ядерного оружия*»,²²¹ является одним из столпов глобальной безопасности и центральным элементом режимов безопасности в АТР и других регионах земного шара.

В основе режима ядерного нераспространения лежит вступивший в силу в 1970 г. **Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО)**. Как отмечал Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали, его подлинное значение возрастает еще больше за счет дополнительных усилий международного сообщества, - будь то в форме договоров или резолюций, принятых в одностороннем порядке или на двусторонней и многосторонней основе, - направленных на то, чтобы сделать приобретение ядерного оружия менее привлекательным и более сложным.²²²

В свою очередь, институциональной основой режима ядерного нераспространения является Международное агентство по контролю за атомной энергией (МАГАТЭ), которое начало свою деятельность в 1957 г. В настоящее время Агентство насчитывает 122 государства - участника. Как самостоятельная межправительственная организация, со-

трудничающая с ООН и ее функциональными органами, МАГАТЭ ежегодно представляет доклад о своей работе Генеральной Ассамблее ООН. Оно также работает в тесной взаимосвязи с другими подразделениями системы ООН по проблемам экологии, утилизации радиоактивных отходов и пр.

На протяжении десятилетий МАГАТЭ выработала ряд эффективных механизмов контроля за ядерным распространением, которые включают в себя:

- предоставление всеми странами - членами МАГАТЭ полной информации о национальных ядерных программах и ядерном оборудовании, а также экспорте и импорте расщепляющихся материалов;
- обеспечение полного доступа экспертов Агентства к объявленным ядерным реакторам, а также регулярного доступа к иным ядерным объектам;
- инспекции на местах без предварительного уведомления об их месте и времени;
- использование новых методов обнаружения незаявленных ядерных объектов, таких как мониторинг окружающей среды.²²³

Вместе с тем, работа МАГАТЭ подвергается серьезной и аргументированной критике со стороны многих авторитетных экспертов. Так, известный российский эколог А. Яблоков полагает, что МАГАТЭ по своей природе неспособно остановить распространение ядерного оружия, поскольку оно по своему статусу внутренне противоречиво.

По уставу МАГАТЭ призвано распространять ядерные технологии, что само по себе облегчает создание ядерного оружия (до сих пор в уставе Агентства записано положение о необходимости распространения технологии подземных ядерных взрывов «в мирных целях», от которой отказались все без исключения страны, пробовавшие ее применить).

Ввиду «абсолютной недостаточности и декоративности контроля МАГАТЭ»,²²⁴ А. Яблоков предлагает оговаривать любую из российских сделок, связанных с расщепляющимися материалами, жесткими условиями проведения российского национального контроля (включая любые инспекции в любое время на любых объектах) на предмет обнаружения возможных нарушений режима нераспространения. Другим неперенным условием должно быть немедленное прекращение всех проектов после обнаружения таких нарушений, включая серьезные санкции.

Что касается российской (и прежней советской) системы национального технического контроля, то она соответствует самым строгим международным критериям. Основа экспортно-контрольного режима России была заложена в специальном Указе Президента РФ от 11 апреля 1992 г. Указом Президента от 14 февраля 1996 г. был утвержден также "Список ядерных материалов, оборудования, специальных неядерных материалов и соответствующих технологий, подпадающих под экспортный контроль".

8 мая 1996 г. Правительство РФ приняло постановление "Об утверждении положения о порядке контроля за экспортом из Российской Федерации оборудования и материалов двойного назначения и соответствующих технологий, применяемых в ядерных целях, экспорт которых контролируется". Разработаны правила выдачи временных разрешений на деятельность, связанную с экспортом или импортом ядерных материалов, технологий,

оборудования и установок, специальных неядерных материалов, радиоактивных отходов и отработанных ядерных материалов.¹

Многосторонние консультации экспертов стран АТР, проведение которых предусматривается российскими предложениями, могли бы в первоочередном порядке обсудить процедуру и механизм инспекций по укреплению режима Договора о нераспространении, с учетом интересов безопасности всех региональных держав. Таким консультациям могла бы сопутствовать международная научная конференция, на которой ученые и эксперты в данной области выработали бы предложения по надежному укреплению режима нераспространения и показали бы общественности губительные последствия развязывания гонки ядерных вооружений в регионе.

На специальной международной Конференции по рассмотрению и продлению действия ДНЯО, проходившей в апреле - мае 1995 г. в Нью-Йорке, на которой присутствовали делегации 175 стран, подписавших Договор, а также представители 195 исследовательских центров и неправительственных организаций, без голосования (консенсусом) было принято историческое решение о бессрочном продлении Договора о нераспространении ядерного оружия.

Принятый на конференции всеобъемлющий документ²²⁵ описывает структурно-функциональные параметры режима ядерного нераспространения, полностью применимые и к Азиатско-тихоокеанскому региону. Он включает в себя не только общие политические декларации, но и программу конкретных мер по укреплению режима ядерного нераспространения, реализация которых рассчитана на пятилетний период, до следующей Конференции по рассмотрению и продлению ДНЯО (начиная с 1997 г.).²²⁶

Так, на состоявшемся в мае 1997 г. специальном заседании Совета директоров МАГАТЭ были утверждены новые, более строгие меры инспекции и контроля, предусматривающие расширение объема предоставляемой Агентству информации о национальных ядерных программах, а также типа и количества ядерных объектов, подлежащих инспекции на месте.

Вопросы ядерной безопасности и ядерного нераспространения в АТР имеют и отчетливо выраженную региональную специфику. Об этом свидетельствуют уроки завершившегося недавно **мартовского кризиса 1993 г.**, связанного с угрозами КНДР выйти из Договора о нераспространении ядерного оружия, когда впервые в новейшей истории был брошен открытый вызов режиму ядерного нераспространения. По значимости для судеб мира его сравнивают с кубинским ракетным кризисом начала 60-х гг.

Вопрос о возможном наличии в КНДР ядерного оружия на протяжении последних лет находится в центре всеобщего внимания и допускает различные толкования. Осведомленные источники полагают, что Северная Корея обладает всеми предпосылками к обретению статуса ядерной державы.

По данным Службы внешней разведки России, Пхеньян до последнего времени осуществлял военно-прикладную ядерную программу, вел разработку урановых место-

---

¹ Подробнее о ядерном экспортно-контрольном режиме России см.: Орлов Владимир. Что выгодно Минатому ... *Pro et Contra*, т. 2, № 3, лето 1997. с. 35.

рождений, которые оцениваются в 15 тыс. тонн, а также создавал сеть закрытых ядерных объектов.

КНДР и США с декабря 1988 г. вели закулисные переговоры в Пекине, в ходе которых американская сторона настаивала на присоединении Северной Кореи к Протоколу о гарантиях МАГАТЭ. Северокорейская сторона соглашалась на это только в обмен на гарантии неприменения американского ядерного оружия против КНДР и вывод его с Корейского полуострова.

29 сентября 1991 г. администрация Дж. Буша объявила о выводе ядерного оружия из Южной Кореи. В декабре того же года президент Рон Рейган подтвердил отсутствие ядерного оружия на территории своей страны. Это открыло дорогу к заключению исторических соглашений о ненападении, примирении и сотрудничестве, а также о безъядерном статусе Корейского полуострова.

В начале января 1992 г. США и РК объявили об отмене в 1992 г. ежегодных военных учений «Тим спирит». Вслед за американо-корейской встрече на высоком уровне в Нью-Йорке КНДР подписала 30 января 1992 г. Протокол о гарантиях МАГАТЭ. Однако все это отнюдь не побудило Север к конкретным действиям по сближению с Югом или реальному обеспечению безъядерного статуса, включая инспекции МАГАТЭ, а лишь создало дополнительные возможности для дипломатического маневра и многомесечных задержек переговоров.²²⁷

В ходе проведенных начиная с мая 1992 г. шести обычных инспекций и инспекций по требованию представители МАГАТЭ выяснили, что на двух незаявленных объектах близ Енбена могут храниться запасы отработанного ядерного топлива. Северная Корея отклонила требования Агентства открыть указанные объекты для специальных инспекций, мотивируя это тем обстоятельством, что национальные военные объекты не подлежат инспекциям МАГАТЭ.

Реализация требований о верификации ядерных объектов КНДР подразумевала не только согласие и политическую волю северокорейской стороны, но и детальную разработку инспекционных процедур. Институционально-правовой основой для этого служат Протокол о гарантиях МАГАТЭ, а также ст. 4 и 5 Совместной Декларации о безъядерном статусе Корейского полуострова от 20 января 1992 г., предусматривающие «инспекцию объектов по выбору одной стороны и согласованию с другой, в соответствии с процедурами и методами, определенными Совместной Комиссией Севера и Юга по ядерному контролю».²²⁸

Поскольку уже первые заседания Совместной Комиссии по ядерному контролю, прошедшие в 1992 г., показали нежелание северокорейской стороны открыть свои ядерные объекты для инспекции без соответствующих ответных шагов со стороны США и РК, возможно, следовало бы пойти навстречу Пхеньяну, придав, таким образом, мерам доверия в ядерной области многосторонний характер. Во всяком случае, у КНДР было бы гораздо меньше оснований отказывать в инспекции ядерных объектов, классифицируемых как приспособленные для использования в военно-прикладных целях. Их список уже давно определен экспертами разных стран:

ⁱ В разгар кризиса Соединенные Штаты пообещали открыть для инспекции свои военные базы в Южной Корее при согласии КНДР на двусторонние инспекции Севера и Юга.

- ◆ специальная лаборатория в Пхеньянском университете им. Ким Ир Сена, где проводятся исследования в области экспериментальной ядерной физики;
- ◆ завод по производству топливных стержней и хранилище для них в Атомном научно-исследовательском центре в Енбене;
- ◆ исследовательские ядерные реакторы двойного назначения, пригодные для производства оружейного плутония, мощностью 5 Мвт и 50 Мвт (в стадии строительства), оба в Енбене;
- ◆ радиохимическая лаборатория Института радиохимии в Енбене;
- ◆ строящийся газографитный реактор мощностью 200 Мвт на природном уране в Тэчжоне;
- ◆ урановые шахты в Пэкчжоне и Пэнгасане;
- ◆ два завода по обогащению урана;
- ◆ установленные зоны планируемого строительства трех энергетических реакторов мощностью 635 Мвт каждый.²²⁹

В условиях эскалации конфликта, все возраставшей взаимной подозрительности и давления на КНДР со стороны международного сообщества государства, в первую очередь заинтересованные в поисках решения и стабилизации обстановки, - США, Япония, Китай, РК, Россия, а также МАГАТЭ, - находились, по образному выражению В.Н. Бунина, «в созерцательном разброде», поскольку были вынуждены базировать свои решения на общих предположениях и принципах, а не достоверных данных о мотивации северокорейского руководства и деталях ядерной программы КНДР.²³⁰

Заявление правительства КНДР от 10 марта 1993 г. об отказе от выполнения обязательств по Договору о нераспространении ядерного оружия породило серьезный кризис регионального и глобального масштаба. Акция Пхеньяна пошатнула основы сложившегося режима ядерного нераспространения, изменив баланс сил и интересов в Северо-Восточной Азии и АТР. Кризис послужил весьма полезным уроком коллективной дипломатии для всех вовлеченных держав.

Члены международного сообщества, особенно США и их союзники в Азии, резко осудили действия Северной Кореи как представляющие угрозу международной безопасности. Россия как депозитарий Договора о нераспространении, одного из ключевых документов, направленных на обеспечение международного мира и безопасности в ядерный век, также заявила, что не останется безучастной к попытке подрыва режима ядерного нераспространения.

В специальном заявлении МИД РФ была выражена глубокая озабоченность по поводу заявления правительства КНДР о выходе из ДНЯО. МИД России призвал правительство Северной Кореи взвесить последствия своих действий и пересмотреть принятое решение.²³¹

Международное сообщество в лице ООН и особенно региональные державы, воспринявшие происшедшее как непосредственную угрозу своей национальной безопасности, пришли, тем не менее, к отказу от силового решения проблемы в пользу достижения компромисса. Выявились намерение вовлеченных в конфликт сторон искать выход из кризиса вне рамок ООН, на пути двусторонних переговоров США и Северной Кореи, что было подкреплено дипломатической активностью не только Вашингтона и Пхеньяна, но также Пекина, Сеула и Токио.

Если США и их региональные союзники, прежде всего Япония и Южная Корея, заняли решительную конфронтационную позицию и потребовали применения к КНДР жестких международных санкций, то Китай проявил сдержанность, призывая к переговорам и компромиссам. Такая позиция оказалась в итоге наиболее выгодной с точки зрения китайских национальных интересов, поскольку были сохранены позитивные отношения как с бывшим союзником, так и с международным сообществом.

Как отмечают российские исследователи, одним из важнейших последствий саммита в Сिएтле (июль 1993 г.) в рамках АТЭС стало то, что КНР утвердилась в роли регулятора северокорейского ядерного кризиса. То, что Китай не «уступил» своего союзника - КНДР и активно противодействовал введению санкций против Северной Кореи, создало ему имидж возможного гаранта многосторонних механизмов безопасности в СВА.²³²

К сожалению, на этом фоне политика России не отличалась активностью и изобретательностью, что не позволило своевременно использовать имевшиеся у российской дипломатии ресурсы влияния как для урегулирования кризиса, так и для продвижения национальных интересов в регионе.

Справедливости ради следует упомянуть, что министр иностранных дел России А. В. Козырев в письмах к министрам соответствующих государств от 24 марта 1994 г. предложил провести восьмисторонние переговоры для обсуждения ядерной проблемы на Корейском полуострове, с участием Южной и Северной Кореи, России, США, Китая, Японии, а также ООН и МАГАТЭ.

Когда в апреле 1994 г. министр иностранных дел РК Хан Сун Джу во время визита в Россию попросил об участии Москвы в санкциях ООН в связи с северокорейской ядерной проблемой, А. В. Козырев выразил неодобрение в связи с любыми мерами, не согласованными с Россией, заявив, что "мы можем даже не рассматривать никакие дальнейшие шаги, которые не являются предметом обсуждения при нашем прямом и существенном участии".²³³

В конечном итоге выход из кризиса был найден на путях двусторонних переговоров США и КНДР. 21 октября 1994 года в Женеве было подписано американо-северокорейское Рамочное соглашение. В этом соглашении Северная Корея дала обязательство заморозить ядерные разработки, демонтировать соответствующее оборудование и не производить работ по обработке отработанного топлива. В соглашении также указывалось, что Северная Корея, чтобы снять подозрения относительно прошлых ядерных разработок, выполнит все обязательства по мерам безопасности, включая специальные инспекции МАГАТЭ.

В частности, обязательства КНДР по Рамочному соглашению предусматривали:

- остановку газографитовых реакторов и прекращение обогащения 8000 отработанных ядерных стержней;
- прекращение строительства новых реакторов мощностью 50 и 200 мегаватт;
- выполнение в полном объеме Протокола о гарантиях МАГАТЭ, включая закрытие радиохимической лаборатории в Енбене и открытие ее для специальных инспекций;
- соблюдение условий ДНЯО, Совместной Декларации о безъядерном статусе Корейского полуострова и возобновление межкорейского диалога.

Обязательства США по Рамочному соглашению включали в себя:

- осуществление до 2003 г. строительства в КНДР комплекса на легководных реакторах (ЛВР) общей мощностью 2,000 МВт, для производства не-оружейного ядерного топлива;
- ежегодные поставки до введения в строй нового реактора 500 тонн тяжелого дизельного топлива, в виде замещающего источника энергии;
- подтверждение заявления о ненападении на КНДР и открытие миссии связи в Пхеньяне в качестве шага на пути нормализации отношений с Северной Кореей.²³⁴

Рамочное соглашение 1994 г. сняло остроту кризиса и в целом исключило возможность для КНДР использования лазеек в ДНЯО. Однако скептики отмечают, что Рамочное соглашение не является юридически обязывающим документом, и его выполнение зависит от доброй воли сторон. К тому же, особые инспекции мест захоронения отходов откладываются на 4-6 лет, оставляя серьезные сомнения в эффективности этого нового инструмента МАГАТЭ.

В середине января 1995 г. делегация экспертов МАГАТЭ посетила КНДР для обсуждения технических аспектов предстоящих верификационных процедур, подтвердив выполнение Северной Кореей Рамочного соглашения. Тем не менее, по мнению США, КНДР не полностью выполняла Статью III ДНЯО о полномасштабных гарантиях и, возможно, нарушила Статью II ДНЯО, пытаясь скрыть прошлую ядерную деятельность.

В этой связи подчеркивалось, что США намереваются всеми силами добиваться выполнения обязательств, принятых Северной Кореей по рамочному соглашению. Совместно с МАГАТЭ Соединенные Штаты намерены тщательно следить за выполнением этого соглашения и ДНЯО со стороны КНДР.²³⁵

В 1996 г. международные эксперты отметили прогресс в выполнении сторонами Рамочного соглашения 1994 г., констатируя, что северокорейская ядерная программа действительно заморожена, - хотя никто по-прежнему не может дать гарантии того, что КНДР не обладает небольшим количеством ядерных боеприпасов.²³⁶

Дальнейший прогресс в деле контроля международного сообщества над северокорейской ядерной программой может потребовать выработки гарантий безопасности на региональном уровне, включая подтверждение безъядерного статуса Корейского полуострова региональными державами. Это дало бы возможность интенсифицировать дискуссии среди ядерных держав Северо-Восточной Азии по поводу сокращения их ядерных арсеналов.

Важным шагом на пути урегулирования мартовского кризиса 1993 г. и укрепления регионального режима ядерного нераспространения стало создание предусмотренной американско-северокорейским Рамочным соглашением *Организации развития энергетики Корейского полуострова (KEDO)*.

Как отмечалось в Заявлении о создании KEDO, США, Япония и Республика Корея созвали в американской миссии ООН в Нью-Йорке конференцию с целью создания этой организации, для финансирования проекта комплекса легководного реактора (ЛВР), предусмотренного Рамочным соглашением 1994 г. На конференции присутствовали делегации более 20 стран, включая Россию.

По окончании конференции представители трех стран - учредителей KEDO - США, РК и Японии - подписали Соглашение о создании этой международной организации, а

также провели первое заседание Исполнительного Совета, на котором были рассмотрены заявки Австралии, Новой Зеландии, Канады и Великобритании о вступлении в KEDO.²³⁷

В ходе дальнейших консультаций учредители консорциума пришли к выводу о том, что Республика Корея должна играть центральную роль в финансировании и строительстве в КНДР двух легководных реакторов. На состоявшихся в марте 1995 г. переговорах в Берлине США предложили северокорейской стороне поставки реакторов из Южной Кореи. В ответ КНДР выдвинула предложение об использовании российских реакторов ВВР1000, которые Россия поставила бы в счет своего долга РК.

Официальные южнокорейские представители неоднократно делали заявления о том, что Россия может играть конструктивную роль в урегулировании северокорейской ядерной проблемы, если присоединится к KEDO. Однако при этом добавлялось, что реакторы должны быть южнокорейскими, а топливо для них могла бы поставлять Россия.

Как отмечалось в российской печати, российские реакторы ВВР1000 по своим качественным характеристикам превосходят американские и японские, о чем хорошо известно на рынке ядерных технологий. Многие специалисты - ядерщики КНДР получили образование в России. Если бы учредители KEDO были бы действительно заинтересованы в цивилизованном разрешении северокорейской ядерной проблемы, то предметом обсуждения можно было бы сделать, например, поставку российских реакторов за счет японского взноса (1 млрд. долл.)²³⁸

Как отмечали обозреватели, Россия надеялась, что KEDO зачтет бывшие советские вложения в северокорейскую атомную энергетику и примет Россию в свои члены. Кроме того, в Москве полагали, что легководные реакторы ВВР-1000 окажутся наиболее дешевым и приемлемым вариантом для "умиротворения" Пхеньяна. Но поскольку России оказалось не под силу участвовать в финансировании проекта, ей фактически указали на дверь.²³⁹

На переговорах США и Северной Кореи по вопросам выполнения Рамочного соглашения в мае - июне 1995 г. в Куала-Лумпуре было уточнено, что США будут служить основным связующим звеном с КНДР по проекту поставки ЛВР. Комплекс ЛВР будет состоять из двух легководных реакторов под давлением с охлаждающими петлями установленной мощностью порядка 1000 Мвт (эл.) каждый. Модель реактора, отобранная KEDO, представляет собой усовершенствованный вариант реактора, производимого в США по американскому проекту и технологии.²⁴⁰

В конце июля 1995 г. был назначен генеральный секретарь KEDO, и работа организации активизировалась. В августе того же года группа экспертов посетила КНДР и провела исследования площадки под установку новых реакторов. В сентябре в Куала-Лумпуре прошли консультации между KEDO и Северной Кореей по вопросу о заключении договора о поставке легководных реакторов.

Практика показывает, что реализация проекта KEDO сталкивается со значительными финансовыми трудностями. Так, критики проекта на Капитолийском холме полагают, что он настолько дискредитирован среди азиатских союзников США, что KEDO не может самостоятельно обеспечить свое финансирование.²⁴¹ Американская администрация приняла усилия по привлечению дополнительных источников финансирования KEDO.

На третьем заседании АРФ в Джакарте в июле 1996 г. Госсекретарь США У. Кристофер акцентировал внимание участников форума на корейской проблеме, призвав АСЕАН оказать финансовую поддержку реализации американско-северокорейских ядерных договоренностей 1994 г. Выполнение проекта КЕДО объемом 4, 5 млрд. долл. оказалось под угрозой после того, как Конгресс США установил финансирование КЕДО на 1997 г. в объеме 13 вместо 25 млн. долл., которых добивалась администрация. Пхеньян в ответ пригрозил пересмотреть обязательство о замораживании своей ядерной программы.²⁴²

Следует констатировать, что несмотря на декларативные заявления о том, что все заинтересованные державы, включая Россию и Китай, могут войти в КЕДО,²⁴³ на практике предпринимались попытки достижения односторонних экономических преимуществ (устранения России с этого рынка). Очевидно, что без равноправного участия России решение северокорейской ядерной проблемы, да и укрепление регионального режима ядерного нераспространения в целом, попросту невозможно.

Нельзя не отметить и то, что способ разрешения “мартовского кризиса”, при всей его технической рациональности, создал прецедент, подрывающий универсальный характер режима нераспространения. Имея в виду упомянутое обстоятельство, а также то, что надежность инспекционных процедур - одно из наиболее уязвимых мест Договора о нераспространении, можно констатировать, что проблема поддержания режима нераспространения в СВА и АТР остается актуальной, - как остаются возможности для России более активно подключиться к этому процессу, обеспечивая свои интересы безопасности в регионе.

Исход кризиса поставил перед аналитиками и общественностью ряд серьезных проблем, связанных с режимом ядерного нераспространения в Азии в контексте региональной безопасности, а также ролью и значением самого Договора о нераспространении.

К их числу можно отнести границы возможностей МАГАТЭ и Договора о нераспространении в деле укрепления ядерной безопасности; способы реального обеспечения безъядерного статуса Корейского полуострова в связи с интересами безопасности России, США, Китая, Японии и других региональных держав; целесообразность многосторонних региональных военно-политических мер доверия в области ядерных и обычных вооружений; проблемы распространения в регионе других видов оружия массового уничтожения, ракетных технологий и потенциально дестабилизирующих технологий двойного назначения, и пр.

Одно из непосредственных последствий Мартовского кризиса - **усиление региональной тенденции в обеспечении режима ядерного нераспространения**. Она носит противоречивый характер: с одной стороны, универсальный характер Договора требует единых глобальных стандартов верификации и контроля. С другой, статья VII Договора предусматривает право любой группы государств-участников заключать региональные соглашения с целью запрещения или ликвидации ядерного оружия.

Северо-Восточная Азия - единственный в мире субрегион, в котором технологический потенциал разработки и производства ядерного оружия сочетается с исторически укорененным недоверием стран друг к другу и высоким конфликтным потенциалом. В этих условиях ядерный технологический потенциал становится фактором восприятия

угроз, независимо от того обстоятельства, что все региональные державы являются участниками ДНЯО:

Во-первых, ядерное оружие является сравнительно недорогим для малых и средних держав «стратегическим уравнилителем», политический и военный эффект обладания которым несоизмерим с затратами на его разработку и производство.

Во-вторых, все страны - участницы Договора могут на вполне законных основаниях накапливать обогащенный плутоний и высокообогащенный уран, поскольку соблюдают требования МАГАТЭ об инспекциях.

В-третьих, при обогащении большого количества отработанного ядерного топлива очень трудно уследить за тем, чтобы не утаивалось определенное количество урана, необходимое для производства ядерного оружия.²⁴⁴

Пример Японии показывает, что демонстрация соответствующего технологического потенциала может служить фактором ядерного сдерживания. В июне 1994 г. премьер-министр Японии Т. Хата, отвечая на вопросы депутатов японского парламента, заявил о том, что Япония обладает потенциалом производства ядерного оружия.

По мнению российских экспертов, при наличии у Токио политического решения, с учетом высокотехнологичного уровня японской промышленности, Япония без особых затрат в течение короткого времени сумела бы наладить производство ядерных боеголовок для уже выпускаемых здесь мощных многоступенчатых баллистических ракет, причем накопленного ядерного топлива было бы вполне достаточно для производства сотен боеголовок.²⁴⁵

Китай подписал ДНЯО в конце декабря 1991 г., однако, по мнению американских экспертов, в предшествующий период оказывал помощь Пакистану в разработке ядерных взрывчатых веществ. Предметом озабоченности американских властей остается возможное продолжение китайской помощи Пакистану в области разработки ядерного оружия и выполнение Пекином своих обязательств по ДНЯО.

По утверждению официальных китайских источников, КНР полностью поддерживает три основных принципа ДНЯО - предотвращение ядерного распространения, ускорение ядерного разоружения и развитие международного сотрудничества в области мирного использования ядерной энергии, а также три принципа ядерного экспортного контроля: использование ядерного экспорта исключительно в мирных целях, принятие в полном объеме гарантий МАГАТЭ и отказ от реэкспорта в третьи страны без согласия Китая. В июле 1993 г. КНР объявила о своем добровольном решении информировать МАГАТЭ обо всех своих экспортно-импортных сделках, касающихся ядерных материалов и оборудования.²⁴⁶

В случае непосредственной угрозы своей безопасности Республика Корея, Япония и Тайваньⁱ вполне могут в короткие сроки активизировать свои ядерные программы, если не последует каких-либо чрезвычайных мер со стороны стран-депозитариев Договора

ⁱ Тайвань подписал ДНЯО, но зачастую не рассматривается как участник Договора, поскольку не считается государством. Тайваньские ядерные объекты находятся под контролем МАГАТЭ, хотя Тайвань не является его членом.

о нераспространении, прежде всего США, непосредственно вовлеченных в обеспечение безопасности своих союзников в регионе.

В 70-е гг. Южная Корея значительно продвинулась в создании ядерного оружия, пока не свернула свою ядерную программу под давлением США. Однако она может легко и быстро изменить свой курс.

Ядерный арсенал Северной Кореи может привести к распространению ядерного оружия по всему региону. Трудно поверить, чтобы Южная Корея, Япония и Тайвань не сделали этого в короткие сроки,¹ если не последует каких-либо исключительных мер со стороны США. Восточная Азия с шестью ядерными державами может стать исключительно нестабильным местом.

Как бы ни была тверда позиция Соединенных Штатов, они не смогут полностью устранить амбиции и страхи, толкающие другие страны на приобретение оружия массового поражения. Как отмечал журнал «Тайм», Вашингтон не смог бы, даже если бы захотел, дать гарантии арабским странам против Израиля, Индии - против Китая, Пакистану - против Индии, Ирану - против Ирака.²⁴⁷

Угрозы ядерного распространения в Северо-Восточной Азии и АТР побуждают некоторых американских политиков и стратегов к разработке альтернативных концепций сдерживания ядерной угрозы. Как отмечает известный теоретик ядерного нераспространения Леонард Спектор, «в стратегическом сообществе вера в нераспространение улетучивается, и острее усиливается стремление от предотвращения нераспространения к тому, как совладать с его последствиями».²⁴⁸

В американском военно-политическом истеблишменте все более укореняется концепция нео-нераспространения, приверженцы которой отстаивают такие постулаты, как неподконтрольное развитие ядерного оружия; дезинтеграция сдерживающих структур безопасности эпохи «холодной войны»; неэффективность режима ядерного нераспространения; невозможность остановить новых претендентов на обладание ядерным оружием.

В официальных кругах США четко обозначились два соперничающих центра, связанных с проблемой ядерного нераспространения. Первый из них представлен Госдепартаментом США и Агентством по контролю над вооружениями и разоружением (АКВР), и ориентируется на традиционные превентивные меры борьбы с нераспространением в рамках ДНЯО и положений МАГАТЭ. Второй, ориентированный на нео-нераспространение, представлен Министерством обороны, консервативными элементами Республиканской партии и Конгресса, а также поддерживающими их академическими кругами.

Если до прихода в Белый Дом администрации Б. Клинтона Госдепартамент и АКВР доминировали в выработке американской политики по обеспечению ядерного нераспространения, а Министерство обороны играло в основном вспомогательную роль, то сейчас, по мнению Л. Спектора, можно говорить о тенденциях, которые все больше бросают вызов преимущественно превентивным мерам как основе политики США.²⁴⁹

Невзирая на декларативную приверженность превентивным мерам, интеллектуальные и бюджетные ресурсы Пентагона, рассчитанные на сценарии борьбы с ядерным рас-

---

¹ Некоторые эксперты предлагают именовать их «виртуальными ядерными державами». - *Adelphi Paper* 299, p. 192.

пространением, все более сосредотачиваются на концепции контр-распространения. Ее сторонники исходят из того, что расширяющийся доступ к ядерным технологиям затрудняет противодействие распространению и, следовательно, военное планирование должно предусматривать, наряду с потенциальными ядерными противниками, появление новых противников, овладевших ядерным оружием.

По разъяснениям американского Совета Национальной Безопасности (СНБ), под контр-распространением следует понимать участие Министерства обороны в противодействии распространению, включая дипломатические, межведомственные и чисто военные меры.

Само Министерство обороны определяет контр-распространение как целостную стратегию противодействия приобретению государствами оружия массового уничтожения и средств его доставки путем политического убеждения, внедрения режимов нераспространения и экспортного контроля, а также, в случае неудачного использования политических методов, ядерного сдерживания, превентивного уничтожения средств ОМУ или минимизации последствий его применения.²⁵⁰

Началом продвижения концепции контр-распространения следует считать опубликование в 1993 г. министром обороны США Лесом Эспином Основного доклада по вопросам обороны (Bottom-Up Review), а также обнародование им по указанию президента Клинтона т.н. Инициативы контр-распространения (Counterproliferation Initiative). В указанных документах среди возможных задач использования американского ядерного оружия упоминается применение его в региональных конфликтах, с целью противодействия применения ОМУ потенциальным противником.²⁵¹

Это положение вызвало серьезную полемику среди американских стратегов; его критики отмечали, что подобная доктрина может повысить потенциальную ценность ядерного оружия для стран, не обладающих им, и легитимизировать его разработку и производство.

Тем не менее, сторонники контр-распространения настаивают на том, что в ближайшее десятилетие у Соединенных Штатов появится несколько новых потенциальных ядерных противников, и подчеркивают необходимость укрепления союзнических связей с региональными партнерами США, а также настаивают на приоритетной разработке сценариев региональных ядерных конфликтов.

По их мнению, создание конвенционального потенциала контр-распространения должно предусматривать единую систему управления и контроля и разработку самостоятельной концепции военных операций, а также финансирование отдельной строкой в рамках военного бюджета (вплоть до сокращения при необходимости других статей). Потенциал контр-распространения должен включать в себя сбор и обработку разведывательных данных, а также высокоточное конвенциональное наступательное оружие для поражения мобильных ракет и укрытых ракетных шахт противника, в сочетании с надежными системами противоракетной обороны.²⁵²

В своем крайнем, наиболее жестком варианте концепция контр-распространения предусматривает использование ядерного оружия. Так, в недавно рассекреченных документах Стратегического командования США (STRATCOM) говорится о планах нанесения превентивных точечных ядерных ударов (т.н. «серебряных пуль») по местам сосредото-

ния ядерного, химического и биологического оружия, а также пунктов контроля, управления и связи в Иране, Ираке, Ливии и Северной Корее.²⁵³

Очевидно, что концепция контр-распространения подрывает основы сложившегося режима ядерного нераспространения, с его универсальностью, многосторонностью и опорой на методы превентивной дипломатии. Теоретическое осмысление проблем, связанных с региональными аспектами режима ядерного нераспространения, и их решение на путях активной международной политики, - неотложная задача дня. В противном случае не только в Азии, но и в других регионах может возобладать стремление к обеспечению национальной и региональной безопасности помимо и в обход режима ядерного нераспространения.

Объективные и субъективные возможности участия России в решении данных проблем остаются весьма значительными, как по-прежнему значителен потенциал влияния Москвы на динамику и перспективу развития отношений ядерной безопасности в Северо-Восточной Азии и АТР.

Как подчеркивается в Документе о бессрочном продлении ДНЯО, ядерное разоружение является целью и одним из основных элементов режима ядерного нераспространения. За последние годы ядерные державы, в том числе азиатские, предприняли определенные усилия в области ядерного разоружения и укрепления режима нераспространения.

В этой связи можно упомянуть, например, о предложениях КНР, представленных на рассмотрение 49-й сессии Генеральной ассамблеи ООН в 1994 г. и предусматривавших отказ ядерных держав от применения первыми ядерного оружия; создание безъядерных зон; запрет на проведение ядерных испытаний; выполнение ядерными державами существующих и заключение новых соглашений в области ядерного разоружения; запрещение производства расщепляющихся материалов, используемых в военных целях; всеобщее и полное запрещение ядерного оружия и уничтожение его запасов под строгим международным контролем; развитие международного сотрудничества в области мирного использования ядерной энергии и пр.²⁵⁴

Крупным достижением в области укрепления режима ядерного нераспространения явился *пересмотр и подтверждение ядерными государствами гарантий безопасности неядерным государствам в контексте ДНЯО*, увенчавший длительный и многосторонний переговорный процесс.

В принятой единогласно 11 апреля 1995 г. Резолюции № 984 Совета Безопасности ООН изложены т.н. позитивные ядерные гарантии, содержащие обязательства государств - постоянных членом СБ ООН немедленно привлекать внимание Совета к фактам ядерного нападения или ядерной угрозы в отношении любого неядерного государства - участника ДНЯО, с целью оказания жертве необходимой помощи в соответствии с Уставом ООН.

Т. н. негативные ядерные гарантии, или негативные гарантии безопасности (НГБ) содержатся в заявлениях ядерных государств - постоянных членом СБ ООН в связи с Резолюцией 984, в которых эти государства обязуются не применять ядерное оружие против неядерных стран, входящих в ДНЯО. Единственное исключение предусматривает случай нападения со стороны неядерного государства в объединении или союзе с ядерным государством. При этом предполагается, что обе категории гарантий безопасности распро-

страняются на государства, которые не просто входят в ДНЯО, но и неукоснительно выполняют обязательства по Договору.²⁵⁵

Гарантии безопасности неядерным государствам представляют собой неотъемлемый элемент режима ядерного нераспространения. Предпринимаемые в последнее время попытки оспорить их политическую (и военно-прикладную) целесообразность, предпринимаемые в основном представителями заинтересованных военных ведомств, представляются необоснованными. Так, представители Пентагона заявили на слушаниях в Конгрессе США о необходимости применения мер ядерного сдерживания ко всем государствам, представляющим собой угрозу с точки зрения применения оружия массового уничтожения.²⁵⁶

Логика ядерного преобладания и устрашения вряд ли способна обеспечить национальную безопасность на долгосрочной основе. Угроза отказа великих ядерных держав от гарантий безопасности способна вновь пробудить подозрения неядерных государств (особенно развивающихся) относительно истинных намерений "большой ядерной пятерки". Риск расшатывания основ режима ядерного нераспространения и подрыва его универсального характера перевешивает любые краткосрочные выгоды, связанные с декларативной готовностью использовать свой ядерный потенциал.

Следует также отметить, что превентивные удары, будь то ядерные или с применением обычных видов оружия, квалифицируются как незаконное посягательство на территориальную целостность и политический суверенитет государств по Статье 2 Устава ООН.

В ряду мер по ядерному разоружению и укреплению режима ядерного нераспространения выделяется подготовка в рамках Конференции ООН по разоружению и заключение **Договора о всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия (ДВЗИЯО)**, который имеет особую актуальность для стран АТР. Переговорный процесс завершился открытием Договора для подписания с осени 1996 г.

С 1945 по 1994 гг. пять официально заявленных держав произвели в атмосфере в северных и южных широтах более 600 испытаний ядерного оружия. Этими взрывами в окружающую среду было вынесено около 26 млн. Ки цезия-137 и 20 млн. Ки стронция-90.²⁵⁷ Помимо непомерной нагрузки на окружающую среду, испытания ядерного оружия способствуют совершенствованию ядерного оружия и увеличению его арсеналов.

По мнению экспертов, ДВЗИЯО должен отвечать трем основным критериям: предусматривать строгий учет и контроль имеющихся ядерных боеприпасов и расщепляющихся материалов и обеспечение их сохранности; регламентировать слежение с использованием технических средств за соблюдением моратория на испытания, а также иметь универсальное членство.²⁵⁸

В контексте переговоров о заключении ДВЗИЯО обозначилась особая позиция Индии, которая категорически отказалась присоединиться к Договору, заявив, что ядерные державы могут позволить себе отказаться от испытаний, поскольку могут совершенствовать ядерное оружие с помощью компьютерного моделирования, в то время как Индия, будучи развивающейся страной, этой возможности лишена.²⁵⁹

Вопрос о подготовке ДВЗИЯО специально обсуждался на третьем заседании АРФ в Джакарте в июле 1996 г. Переговоры У. Кристофера и Е. Примакова с министром иностранных дел Индии К. Гуджралом в рамках АРФ результатов не дали. В целом участники

форума высказались за подписание ДВЗИЯО, а также за присоединение региональных держав к Договору о превращении ЮВА в безъядерную зону, подписанному в декабре 1995 г. в Бангкоке. Позицию АСЕАН поддержали Россия, США и Япония.

Россия придерживается мнения о том, что в настоящее время испытание какой-либо страной ядерного взрывного устройства в период до вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний могло бы коренным образом изменить международную ситуацию, нанести ущерб самому Договору и вынудить многие государства пересмотреть свое отношение к нему.²⁶⁰

Именно Россия предложила включить в ДВЗИЯО положение о том, что Договор вступит в силу только после его подписания всеми 44 государствами, использующими ядерную энергию и, следовательно, обладающими потенциалом для развития военно-ядерных программ (в том числе Индией).

Как известно, Индия блокировала заключение ДВЗИЯО на Конференции по разоружению в Женеве и продолжает выступать противником Договора даже после его подписания, что отодвигает вступление его в силу на неопределенное время. В России серьезно озабочены военно-ядерной программой Индии, наличием у нее ядерного арсенала и развитием средств доставки.²⁶¹

В этой связи внимание азиатско-тихоокеанских стран было обращено к Китаю, который до последнего времени продолжал ядерные испытания в целях поддержания и совершенствования своего ядерного арсенала.¹ 29 июля 1996 г., в месяц 30-летнего юбилея создания своих стратегических ракетно-ядерных сил, Китай произвел 45-е по счету (с 1964 г.) испытание ядерного оружия на полигоне Лоб Нор, после чего объявил о моратории на дальнейшие ядерные взрывы, что сигнализировало о готовности КНР присоединиться к ДВЗИЯО.²⁶²

После одобрения ДВЗИЯО на Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 1996 г. Договор подписали более 140 государств – две трети членов ООН, включая все пять ядерных держав.

В документе о бессрочном продлении ДНЯО создание **зон, свободных от ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения**, отнесено к безусловным приоритетам дальнейшего развития режима нераспространения.

Генеральная Ассамблея ООН в своей Резолюции 3472 от 11 декабря 1975 г. следующим образом определила концепцию зоны, свободной от ядерного оружия:

«Как общее правило, «зоной, свободной от ядерного оружия», считается любая признаваемая таковой Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций зона, которую любая группа государств при свободном осуществлении ими своего суверенитета создала в силу договора или конвенции, в которых: (а) определяется статут о полном отсутствии ядерного оружия, действующий в отношении этой зоны, включая процедуру

ⁱ За последние 20 лет ядерный арсенал КНР рос быстрыми темпами, достигнув 450 ядерных боеприпасов, 300 из которых находятся в боевом составе стратегических ядерных сил. По некоторым оценкам, реальные размеры китайского ядерного арсенала могут быть в два - три раза больше. - Andrew Mack. A Nuclear Free Zone for Northeast Asia. *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. IX, # 2. 1995. p. 306.

делimitации зоны; и (б) учреждена международная система проверки и контроля для обеспечения гарантии соблюдения обязательств, вытекающих из этого статута».²⁶³

Основные функции безъядерных зон заключаются в установлении региональных барьеров на пути ядерной войны, предотвращении ядерного нападения или ядерного шантажа, а также гонки ядерных вооружений. В целом безъядерные зоны призваны способствовать поэтапному запрещению и уничтожению ядерного оружия и укреплению режима ядерного нераспространения.

Статуты безъядерных зон включают в себя два вида ограничений:

- ◆ запрет на испытания, производство и использование ядерного оружия для стран, входящих в зону;
- ◆ запрет на производство, размещение, использование или угрозу использования ядерного оружия в отношении стран - участниц зоны, для стран, не входящих в безъядерную зону.

Механизм безъядерных зон более эффективно, по сравнению с ДНЯО, способствует укреплению режима ядерного нераспространения, поскольку может включать в себя дополнительные ограничения (запрет на производство расщепляющихся материалов, захоронение ядерных отходов и пр.).²⁶⁴

До последнего времени азиатско-тихоокеанский опыт безъядерных зон включал в себя созданную в 1986 г. Южнотихоокеанским форумом Зону, свободную от ядерного оружия (NWFZ), а также подписанную в 1991 г. Совместную Декларацию о безъядерном статусе Корейского полуострова.

Если первая из них обладает тем преимуществом, что обязывает внешние державы воздерживаться от использования или угрозы использования ядерного оружия против стран, входящих в Зону, то в соответствии с Декларацией обе корейские стороны берут на себя беспрецедентное обязательство по взаимному отказу от средств переработки ядерного топлива и обогащения урана.

В конце 1995 г. страны АСЕАН подписали Договор о безъядерной зоне в ЮВА (ЗЮВАСЯО), в котором даны четкие определения ядерного оружия и средств его доставки, условий размещения и хранения, а также оговорено право стран-участниц на использование ядерной энергии в мирных целях.²⁶⁵

Особую актуальность имеет создание зоны, свободной от ядерного оружия в Северо-Восточной Азии, где сосредоточены интересы безопасности крупнейших ядерных держав, включая США, КНР и Россию. На протяжении последних лет различные варианты концепции подобной зоны обсуждались политиками, учеными и экспертами стран субрегиона.

Согласно концепции Зоны нераспространения в СВА, представленной на Первом Форуме по проблемам обороны и безопасности в СВА (NEADF) в ноябре 1993 г., КНДР, Республика Корея и Япония взяли бы на себя обязательства об увековечении своего безъядерного статуса, в то время как ядерные региональные державы (США, Россия и Китай) продекларировали бы отказ от нанесения первыми ядерного удара против указанных стран, а также готовность ограничить размещение в регионе ядерного оружия и всячески способствовать его сокращению с целью окончательной ликвидации.

Проект создания Ограниченной зоны, свободной от ядерного оружия в СВА, был разработан международной Группой старших экспертов при Центре международной стратегии, технологии и политики университета штата Джорджия в Атланте, с участием представителей Института Дальнего Востока РАН.

Подобная зона представляла бы собой окружность радиусом в 1200 миль с центром, расположенным посередине демаркационной линии (38-й параллели), разделяющей Корейский полуостров на Север и Юг, и включала бы в себя обе Кореи, Японию, северо-восточную часть Китая и юго-восточную часть российского Дальнего Востока.ⁱ Концепция зоны предусматривает вывод из нее всех ядерных вооружений и создание специального контрольного органа, составленного из представителей стран, вошедших в зону (предположительно, во Владивостоке).²⁶⁶

Предусматривается поэтапная реализация проекта: создание контрольного органа, вывод ядерного оружия, проведение переговоров о его уничтожении, доступ инспекционных групп к ядерным материалам, распространение в случае успеха опыта зоны на другие регионы.ⁱⁱ

Наиболее детальный и всеобъемлющий проект Зоны, свободной от ядерного оружия в СВА (NEANFZ), с участием двух Кореи, Японии и Тайваня, включает в себя следующие ограничения:

1. Запрещение приобретения, испытания и производства ядерного оружия странами, входящими в зону.
2. Запрещение на размещение ядерного оружия в пределах зоны.
3. Обязательства ядерных держав воздерживаться от применения ядерного оружия и угроз его применения в отношении стран, входящих в зону.
4. Запрет на захоронение ядерных отходов в пределах зоны.
5. Запрет на производство и импорт расщепляющихся материалов.²⁶⁷

Один из важных компонентов безъядерных зон в АТР - *международное сотрудничество в области демонтажа ядерных арсеналов и безопасного хранения и переработки ядерных материалов*. Особую озабоченность политиков и общественности вызывает проблема захоронения отработанных ядерных материалов Южной Кореей, Японией и Россией в прилегающих акваториях.ⁱⁱⁱ

Недавно правительство Японии приняло решение оказать помощь России в усовершенствовании технологии захоронения отработанных ядерных материалов в районе Японского моря и восточной части Тихого океана. Представитель МИД Японии объявил о выделении 100 млн. долл. для строительства в России хранилищ радиоактивных матери-

ⁱ По мнению российских участников проекта (В. Н. Бунин), исключение из состава зоны США снижает шансы проекта на реализацию.

ⁱⁱ Подробнее об этом см.: Бунин В. О концепции ограниченной зоны, свободной от ядерного оружия, в СВА. *Проблемы Дальнего Востока*. № 3, 1995. Бунин В. Н. Япония и проблемы нераспространения оружия массового уничтожения. *Проблемы Дальнего Востока*. № 5, 1997.

ⁱⁱⁱ Вопреки Лондонской Конвенции 1983 г. о запрещении захоронения радиоактивных отходов, подписанной Россией, Тихоокеанский флот продолжает захоронение жидких радиоактивных отходов. По оценкам, их общий объем (2,5 млн. кюри) вдвое превышает захоронения 12 других ядерных и пороговых держав. Для сравнения: общий выброс радиоактивных отходов в результате Чернобыльской катастрофы составил 1,8 млн. кюри. - *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. IX, # 2. 1995. p. 312.

алов и отработанного топлива, а также закупки соответствующего компьютерного и контрольно-измерительного оборудования и обучения технического персонала.²⁶⁸

Особенно остра для России проблема утилизации выведенных из боевого состава атомных подводных лодок Тихоокеанского флота. По зарубежным данным, только на половине из 35 таких подводных лодок удалены стержни из атомных реакторов; складированы 140 стержней, и их число ежегодно увеличивается на 20 единиц.²⁶⁹ Скоординированное международное сотрудничество помогло бы в решении этой проблемы, которой озабочены не только Россия, но и ее соседи по субрегиону СВА.

Учеными и политиками азиатско-тихоокеанских стран обсуждаются идея создания региональной системы ядерных гарантий, аналогичной ЕВРАТОМу, для налаживания обмена информацией по вопросу о контроле за ядерными материалами, включая обеспечение их физической защиты, а также проведения совместных инспекций.

В результате проведенной в 80-е гг. международной оценке ядерного топливного цикла (МОЯТЦ) возникла концепция регионального центра ядерно-топливного цикла. Как полагают эксперты, если какой-либо «чувствительный» ядерный объект (например, установка по переработке ядерного сырья и топлива) мог бы эксплуатироваться не одним государством, а на субрегиональном или региональном уровне, это существенно повысило бы уровень транспарентности и взаимного доверия не только в АТР, но и за его пределами.²⁷⁰

На повестке дня международного сообщества – разработка и заключение *конвенции о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств*, что также послужит укреплению режима ядерного нераспространения.

Как представляется, дальнейшее развитие режима ядерного нераспространения в СВА и Азиатско-тихоокеанском регионе будет связано с инициативами заинтересованных региональных держав по совершенствованию и укреплению существующих элементов режима, включая функционирование ДНЯО, механизма многосторонних инспекций МАГАТЭ, заключение ДВЗИЯО и других соглашений по ядерному разоружению, а также создание субрегиональных и региональных зон, свободных от ядерного и других видов оружия массового уничтожения.

Особое значение имеет укрепление режима ядерного контроля МАГАТЭ, прежде всего по следующим направлениям:

- ◆ контроль за использованием ядерных материалов, высвобождающихся при сокращении ядерных арсеналов;
- ◆ контроль за использованием "чувствительных" ядерных материалов и технологий в гражданских целях;
- ◆ адаптация системы контроля МАГАТЭ и сопутствующих мероприятий к требованиям ДВЗИЯО, Конвенции о прекращении производства оружейного ядерного топлива, Договоров о создании безъядерных зон и других договоров и соглашений, касающихся ограничения и сокращения ядерных вооружений.²⁷¹

Отдельно стоит вопрос о деятельности т.н. Лондонского клуба, своеобразного картеля ядерных поставщиков, осуществляющих неформальный, но весьма жесткий контроль

за распространением ядерных технологий. Все чаще раздаются требования повысить прозрачность в его работе и даже поставить под контроль ООН.

По мере ограничения и сокращения ядерного оружия военно-научная мысль будет все чаще обращаться к неядерным технологиям. Появление высокоточного оружия и развитие информационных технологий все более приближает момент, при котором ядерное оружие может стать устаревшим. Небольшие мобильные подразделения, трудно обнаруживаемые и способные к нанесению точечных ударов, вряд ли будут рассматриваться в качестве объектов ядерной атаки.

Это также будет становиться все более весомым фактором, побуждающим даже мощные державы к меньшей опоре на ядерное сдерживание и укреплению международно-го режима ядерного нераспространения.

4. 2. СИСТЕМА РЕЖИМОВ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ И ЭКСПОРТНОГО КОНТРОЛЯ В АТР

Проблема укрепления режимов нераспространения касается не только ядерного, но и химического и биологического оружия, а также средств их доставки на большие расстояния. Как отмечал в своей речи на Конференции по рассмотрению и продлению действия ДНЯО 17 мая 1995 г. Генеральный секретарь ООН, Договор о нераспространении ядерного оружия представляет собой инфраструктуру для создания системы ограничения вооружений и дальнейшего разоружения.²⁷²

ДНЯО и сопутствующие соглашения и образования; запрещение химического оружия; запрет на биологическое и токсическое оружие; ограничения на средства их доставки, а также мониторинг обычных вооружений, современных военных технологий и технологий двойного назначения - все эти элементы нераспространения и экспортного контроля в АТР взаимосвязаны, взаимозависимы и действуют как единая система ограничительных режимов безопасности.

Оружие массового уничтожения (ОМУ) включает ядерное, химическое и биологическое оружие, которое может быть применено традиционными военными средствами (артиллерия, самолеты, баллистические и аэродинамические ракеты), либо заброшено тайным образом. Эти виды оружия существенно различаются по эффекту поражения, но все они способны нанести колоссальный неприемлемый ущерб.

По мнению специалистов, проще и дешевле всего производить химическое оружие, которое все еще имеет военное значение, хотя и поддающееся контролю. Однако последние успехи биотехнологии делают биологическое оружие наиболее привлекательным для возможных нарушителей.²⁷³

Классификация рисков распространения ОМУ, разработанная группами экспертов НАТО и отраженная в документе «*Принципы политики НАТО в отношении распространения ОМУ*», подготовленном к Стамбульской сессии Совета НАТО на уровне министров в июне 1994 г., включает в себя следующие потенциальные возможности распространения, вполне применимые к специфике АТР:

- * крупные геополитические изменения вследствие распада СССР и крушения bipolarной системы;
- * игнорирование некоторыми странами международно-правовых обязательств по нераспространению (Ирак, Северная Корея и пр.);
- * попытки некоторых стран разработать или приобрести технологию производства ОМУ и средств их доставки;
- * аналогичные попытки со стороны террористов и иных государственных структур;
- * усиливающаяся диффузия технологии, включая трансферт материалов и технологий двойного использования;
- * риск продажи ОМУ, соответствующих средств доставки и технологий с целью наживы.²⁷⁴

Главное препятствие на пути контроля за распространением ОМУ в Азиатско-тихоокеанском регионе заключается в том, что даже среднеразвитые страны могут производить такое оружие на своей промышленной базе с использованием импортированных технологий двойного назначения.

В свое время президент Дж. Буш подписал документ, узаконивший тайные операции ЦРУ по пресечению передачи и производства оружия массового поражения и его компонентов. Но даже это, по словам американских официальных лиц, не смогло остановить, а лишь затруднило производство средств массового уничтожения.

Как отмечалось на майской 1995 г. встрече в верхах президентов Б. Н. Ельцина и Б. Клинтона, попытки международных террористов и организованных преступных сообществ получить доступ к ОМУ могут стать одной из основных угроз международной безопасности к началу будущего века. Стороны договорились о сотрудничестве в противодействии этой угрозе, включая совместную выработку технологии минимизации деструктивного потенциала таких групп, координацию деятельности правоохранительных органов и обмен разведывательной информацией.

В этой связи особую важность приобретает координация усилий по обеспечению режима надежной охраны объектов, связанных с ОМУ. По официальным российским данным, в одном только 1993 г. было пресечено около 900 попыток незаконного проникновения на российские ядерные объекты и более 700 попыток выноса персоналом ядерных материалов в целях контрабанды.²⁷⁵

Конвенция о запрещении разработки, производства, хранения и применения химического оружия, подписанная уже несколькими десятками стран, вступила в силу через шесть месяцев после получения страной - депозитарием (в данном случае ООН) верификационных грамот от 187 из 65 участниц соглашения (апрель 1997 г.). США и Россия, обладающие крупнейшими в мире арсеналами химического оружия, заключили двустороннее соглашение об уничтожении химического оружия, позволяющее начать этот сложный, дорогостоящий и длительный процесс до вступления в силу Конвенции.

Соединенные Штаты начали в одностороннем порядке процесс уничтожения своих химических арсеналов; 21 марта 1996 г. Президент РФ подписал Указ о введении в действие программы уничтожения химического оружия в России, рассчитанной на 1996-2005 гг. В ноябре 1997 г. Государственная Дума РФ ратифицировала Конвенцию. Таким образом, Россия (последней из стран – постоянных членов СБ ООН) официально стала ее полноправным участником.

Что касается остальных региональных держав, то Китай неоднократно на официальном уровне декларировал свою приверженность полному запрещению и уничтожению химического оружия, и в числе первой группы стран подписал Конвенцию. Правительство КНР привело свои положения об экспортном контроле химических веществ в соответствие с Приложением о верификации упомянутой Конвенции, и настаивает на том, чтобы правительства импортирующих стран обеспечили гарантии предотвращения использования экспортируемых китайских химических веществ или их реэкспорта в третьи страны для производства химического оружия.²⁷⁶

Потенциальным обладателем химического оружия является КНДР. Со ссылкой на опубликованный в 1993 г. доклад российской Службы внешней разведки, в котором гово-

рится, что Северная Корея на протяжении ряда лет производит ядерное, химическое и биологическое оружие, южнокорейские источники утверждают, что начало реализации северокорейской программы создания химического оружия можно отнести к первому пятилетнему плану развития народного хозяйства (1957-1961 гг.).

Производственные мощности химической промышленности были созданы по крайней мере в восьми районах страны. В 1961 г. Ким Ир Сен заявил о необходимости создания потенциала ведения химической войны для отражения возможного химического нападения со стороны США. В последние годы КНДР производила до 5 тыс. метрических тонн химических отравляющих веществ ежегодно, уже располагая запасами ОВ в 1 тысячу тонн.²⁷⁷

Премьер-министр КНДР в своей речи на заседании ГА ООН 2 октября 1991 г. заявил о необходимости уничтожения химического оружия, что дает основания надеяться на присоединение Северной Кореи к Конвенции о запрещении химического оружия. Республика Корея заявила, что подпишет Конвенцию после присоединения к ней КНДР.

Как заявил Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в связи со вступлением Конвенции в силу 29 апреля 1997 г., Конвенция о запрещении химического оружия способствует укреплению международного мира и безопасности тремя путями: (1) она создает международную норму, запрещающую разработку. Производство и приобретение химических вооружений; (2) ведет к уничтожению их запасов, устраняя угрозу химической войны; (3) устанавливает четкий механизм верификации и контроля.²⁷⁸

На состоявшейся в апреле 1997 г. учредительной Конференции Организации за запрещение химического оружия (ОПХВ), в которую вошли представители стран, подписавших Конвенцию о запрещении химического оружия, отмечалось, что вновь созданная международная организация является второй после МАГАТЭ, наделенной правом проведения инспекций на местах. Создание данной организации является новым свидетельством тенденции к укреплению международных режимов нераспространения ОМУ.

Конвенция 1972 г. о запрещении биологического и токсинного оружия (КЗБО) запрещает разработку, производство и накопление биологических агентов и токсинов в военных целях, ограничивая их производство и потребление профилактическим, защитным или другим мирным назначением. К настоящему времени Конвенцию подписали 135 стран.

Американское Агентство по контролю над вооружениями и разоружением (АКВР) полагает, что до 1984 г., когда Китай присоединился к КЗБО, у него существовала программа биологического оружия. Более того, Китай на протяжении большей части 80-х гг. продолжал осуществление агрессивной программы биологического оружия, включая разработку, производство и накопление запасов или приобретение другими путями биологических агентов военного назначения. США полагают, что в период после присоединения к КЗБО КНР не выполняла обязательств по Конвенции.²⁷⁹

По информации АКВР, Тайвань совершенствует свой биотехнологический потенциал путем закупок высокотехнологичного оборудования из США, Швейцарии и других стран, однако имеющихся данных недостаточно, чтобы определить, совершает ли Тайвань действия, запрещенные КЗБО.

Что касается Северной Кореи, то она развивала программу создания биологического оружия с конца 60-х гг., однако достигнутый ею уровень технологии не позволяет выйти на производство биологического оружия, применимого на тактическом театре военных действий.²⁸⁰

Проблема контроля за возможным распространением ОМУ остается актуальной не только для АТР, но и для других регионов. Как заявил директор ЦРУ Джеймс Вулси, более 25 стран имеют или могут производить оружие массового поражения, приблизительно столько же стран проводят исследования по созданию химического оружия или накапливают его запасы.²⁸¹ По предположениям китайских экспертов, к концу нынешнего столетия 9 стран будут располагать ядерным оружием, более 30 стран - химическим оружием, 10 стран - биологическим, а 20 стран - ракетами дальнего радиуса действия.²⁸²

Возможности распространения ОМУ непосредственно связаны с разработкой и производством средств его доставки. Более 20 стран имеют в настоящее время баллистические ракеты, которые могут быть оснащены ядерными и биохимическими боеголовками. **Режим контроля за ракетными технологиями (РКРТ)**, призванный контролировать этот процесс, не основан на договоре или конвенции; страны - участницы в одностороннем порядке придерживаются согласованных стандартов экспортного контроля.

По определению американских экспертов, РКРТ является «серией взаимопониманий относительно нераспространения ракет и их компонентов, а также ракетной технологии».²⁸³

РКРТ был основан в апреле 1987 г. Канадой, Францией, Германией, Италией, Японией, Великобританией и США, в целях контроля над трансфертом оборудования и технологий для создания ракетных систем, способных нести ядерные боеголовки. Первоначальные ограничительные параметры составляли вес доставляемого груза 500 кг и дальность доставки 300 км. В 1992 г. они были дополнены с учетом ракетных систем, способных нести химическое и биологическое оружие.

В 1990-1993 гг. к РКРТ присоединились 16 стран - членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР); в 1993 г. это сделали Аргентина и Венгрия, в 1995 г. - Россия, ЮАР и Бразилия. Китай,¹ Израиль и Румыния согласились с принципами РКРТ и изъявили готовность придерживаться их в экспортной практике.

Первоначальные правила РКРТ представляли собой список изделий и технологий, запрещенных или ограниченных для трансферта, разделенный на две категории. Первая категория включала в себя наиболее важные изделия и технологии, безусловно запрещенные для передачи; вторая - изделия и технологии двойного назначения, экспортные лицензии на которые следовало выдавать на ограничительной основе и прекращать при риске использования для производства ракетных систем.

После решения о включении в РКРТ ракетных систем, способных нести не только ядерное, но и другие виды оружия массового уничтожения, списки контрольных изделий и технологий были к декабрю 1993 г. дополнены и согласованы, и к июлю 1994 г. внесены в национальные правила экспортного контроля стран - участниц. Структура пересмотрен-

---

¹ По мнению экспертов, китайские ракеты М-9 дальностью 300 км и М-11 (600 км) превышают ограничения РКРТ. - Simon Duke. Northeast Asia and Regional Security. *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. IX, # 2. 1995. p. 341.

ных контрольных списков изменилась с тем, чтобы объединить две подкатегории в Категорию 1.²⁸⁴

Расширение списка участников РКРТ остается приоритетной задачей. Приверженность Китая режиму контроля за ракетными технологиями часто ставится под сомнение; Индия и КНДР продолжают развивать свои ракетные программы и отказываются присоединиться к РКРТ. Некоторые азиатско-тихоокеанские страны (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Южная Корея, Тайвань и др.) наращивают потенциал для развития собственных ракетных программ, хотя воздерживаются от их запуска.

К началу работы международной Конференции по рассмотрению и продлению действия ДНЯО группа экспертов Международного института стратегических исследований подготовила доклад о ракетно-ядерной программе Китая. Как отмечается в этом документе, создаваемые сейчас в Китае баллистические ракеты нового поколения с радиусом действия 12 тыс. км. способны поражать любые цели в Азии, европейской части России и на восточном побережье США.

По мнению авторов доклада, к 2010 г. в арсенале НОАК будут находиться до 70 межконтинентальных ракет в мобильном и стационарном варианте, в то время как сейчас их насчитывается 14. Каждая из ракет будет иметь разделяющуюся боеголовку, способную поражать сразу несколько целей. Китайские баллистические ракеты среднего радиуса действия также модернизируются и оснащаются обычными боеголовками для использования в региональных конфликтах в АТР.²⁸⁵

Следует отдельно отметить, что Китай является, по мнению многих экспертов, лидером в деле распространения средств доставки оружия массового поражения. Западные эксперты полагают, что китайская ракетная технология уже ушла в Пакистан, Саудовскую Аравию и Иран.

По данным американских разведывательных служб, Китай поставил Пакистану технологию для создания ракет М-11, нарушив тем самым РКРТ. В связи с этим США ввели против Китая ограниченные экономические санкции, предусматривающие двухлетний запрет на продажу высокотехнологичного оборудования китайским организациям, ответственным за передачу ракетных технологий, на сумму 1 млрд. долл.

Санкции охватывали ракетные системы и подсистемы, включая спускаемые спутники и аппаратуру выведения на орбиту головных частей ракет, а также системы контроля за полетом, навигационное оборудование, программное обеспечение и некоторые типы компьютеров.²⁸⁶

Ракетные программы КНДР также расцениваются как потенциальная угроза в регионе и за его пределами. В конце 1996 - начале 1997 гг. ожидалось поступление на вооружение северокорейской армии ракет Нодонг радиусом действия 1000 км, что дало бы возможность накрывать большую часть японской территории.

По некоторым данным, Северная Корея произвела 150-200 ракет класса СКАД-В и СКАД-С дальностью до 300 км и 500 км соответственно; системы, компоненты и технологии производства указанных ракет поставляются в Египет, Иран, Ливию и Сирию. Для защиты ядерных объектов в Енбене сооружены шесть площадок для пусковых установок ракет класса «земля - воздух» SA-2.²⁸⁷

В печати сообщалось, что Иран финансирует разработку и производство модификации ракеты Нодонг с увеличенным радиусом действия для последующего экспорта на Ближний Восток. По соглашению сторон КНДР получила бы 500 млн. долл. на разработку баллистических ракет, способных нести ядерные и биохимические боеголовки. В обмен Северная Корея поставила бы документацию завода по обогащению плутония, а также определенное число своих ядерных боеголовок.²⁸⁸

В стадии разработки находятся ракетные системы дальнего радиуса действия Тэпдонг (1,500 км) и Тэпо-донг-2 (2,400 км). Пытаясь добиться финансирования Конгрессом США выполнения Рамочного соглашения с КНДР, американская администрация провела в июле 1996 г. переговоры с северокорейской стороной, настаивая на прекращении экспорта компонентов ракетных систем и ракетных технологий, - но безрезультатно.²⁸⁹

В соответствии с наиболее экзотическими прогнозами, к 2000 г. Северная Корея получит межконтинентальные баллистические ракеты дальнего радиуса действия (до 10 тыс. км), способные достигать территории США.²⁹⁰

Хотя в фокусе РКРТ находятся технологии производства баллистических ракет, все активнее дебатруется вопрос о включении в него технологии производства крылатых ракет. Контрольные списки РКРТ включают в себя ключевые компоненты и технологии двойного назначения, необходимые для производства крылатых ракет, однако исключения, сделанные в списках Категории 2 для некоторых видов авиационного оборудования, создают лазейку для производства крылатых ракет.

Спорным вопросом является также применение положений РКРТ к ракетам - носителям для запуска гражданских спутников. Хотя в правилах режима специально оговорено невмешательство в развитие национальных космических программ, все настойчивее раздаются требования распространить ограничения списков Категории 1 и Категории 2 на подобные ракеты - носители.

Наиболее дестабилизирующими являются баллистические ракеты с небольшим полетным временем, способные преодолевать существующие системы ПВО. В течение ближайших лет среднеразвитые страны региона смогут производить такое оружие на своей промышленной базе с использованием импортированных технологий двойного назначения, - если не будут приняты своевременные и надлежащие меры международного контроля.

На фоне сообщений о наличии у Северной Кореи модернизированной баллистической ракеты средней дальности, способной достигать территории Японии, континентального Китая и российского Дальнего Востока, активно дебатуются предложения о создании *региональной системы противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД)*.

Как отмечают некоторые американские аналитики, в условиях неизбежного сокращения присутствия американских войск на Корейском полуострове возрастет значение противоракетной обороны для «сдерживания» Северной Кореи.¹ Уже после подписания американо-северокорейского Рамочного соглашения 1994 г. планирующие органы Пента-

---

ⁱ В настоящее время Сеул полагается на 192 американские ракеты «Пэтриот», которые обеспечивают противоздушную оборону для дислоцированных в Корею американских войск (См. *Restoring American Leadership: A U.S. Foreign and Defense Policy Blueprint*. p. 58).

гона продолжали продвигать проект системы ПРО для Японии стоимостью 8 млрд. долл., основываясь на угрозе со стороны северокорейских ракет.²⁹¹

Сеул и Токио уже выразили свой интерес к сотрудничеству с Вашингтоном в разработке программы глобальной защиты от ограниченных ракетных ударов (GPALS), которая использует элементы нашедшей и нереализованной Стратегической оборонной инициативы (СОИ).

Поскольку ядерные технологии считаются достаточно устаревшими, региональные союзники США стремятся использовать новейшие достижения лазерной, стекловолоконной, керамической и биоинженерной технологий для создания системы ПРО с элементами наземного, воздушного и космического базирования.

В дополнение к существующей в Японии системе противоракетной обороны театра военных действий (ТМД), позволяющей уничтожать ракеты противника на подлетном расстоянии 40-80 км., разрабатываемая система высотной ПРО ТВД (ТНААД) позволяла бы сбивать ракеты на удалении до 500 км., т.е. в районе Корейского полуострова.²⁹²

В настоящее время Соединенными Штатами и их региональными союзниками вынашивается идея создания в АТР системы ТНААД, которая должна покрыть территорию не только Японии и Южной Кореи, но и о-ва Тайвань, Австралии и Новой Зеландии²⁹³ (антиядерная политика Веллингтона служит явным препятствием на пути реализации этих планов).

Нетрудно понять, что реализация подобных идей означала бы новый и практически неконтролируемый виток гонки вооружений в регионе. Кроме того, под угрозой оказалось бы соблюдение Договора о противоракетной обороне 1972 г., Статья IX которого запрещает размещение систем и компонентов ПРО за пределами национальной территории или передачу их другим странам. Вопрос о системах ПРО ТВД должен стать предметом серьезного обсуждения в рамках создающегося регионального переговорно-консультационного механизма.

Составным элементом системы режимов нераспространения в АТР является **режим контроля за распространением военных технологий и технологий двойного назначения**. Как следствие общего экономического роста азиатско-тихоокеанских стран, масштабы трансферта военных технологий и технологий двойного назначения в регионе постоянно возрастают, стимулируя гонку вооружений, а также развитие оборонной промышленности, особенно в таких странах, как Китай, Япония, РК, Индонезия и Тайвань.

Проблема передачи технологий существует даже между близкими союзниками в регионе. Так, несмотря на подписанный между США и РК в 1988 г. меморандум о военнотехническом сотрудничестве и решение о совместной сборке в Южной Корее истребителя F-16, американская сторона, опасаясь утечки военных технологий, все более неохотно идет на их трансферт, вынуждая своего партнера искать соответствующие возможности в России и Европе.²⁹⁴

Как отмечается в официальных китайских публикациях, КНР строго контролирует трансферт своих военных технологий, установив соответствующий административный механизм. Под эгидой Госсовета КНР и Центрального Военного Совета функционирует *Комитет по государственному административному контролю за торговлей военными*

изделиями, который осуществляет централизованный контроль за передачей военного оборудования и военных технологий.

В состав Комитета, занятого подготовкой законопроектов и выработкой политики в области трансфера военных технологий, входят ответственные работники МИД КНР, Генерального Штаба НОАК, Комиссии по военной промышленности, технологии и науке, а также ряда других ведомств.²⁹⁵

До 1994 г. эмбарго на экспорт военной технологии и оборудования и технологий двойного назначения в СССР, страны Варшавского Договора и Китай осуществлял Координационный комитет по многостороннему контролю за экспортом (КОКОМ), являвшийся инструментом «холодной войны» с устойчивой репутацией «экономической руки НАТО».

После роспуска этого органа 31 марта 1994 г. 17 стран - участниц КОКОМ (страны НАТО кроме Исландии, Австралия и Япония) начали работу над созданием новой, расширенной организации для осуществления контроля за экспортом современных систем вооружений и военных технологий, получившей тогда название Новый Форум. Позднее к переговорам подключились 6 стран, сотрудничавших с КОКОМ, а также Россия, страны Вышеградской группы, Аргентина и Южная Корея.

В рамках трех межправительственных рабочих групп обсуждались основы создания международного режима экспортного контроля, включая выработку правил и процедур воспрещения или ограничения экспорта вооружений и военных технологий в т.н. запрещенные страны (*proscribed countries*). В ходе переговоров возникли трудности как с составлением согласованного перечня подобных стран, так и с выработкой механизма предотвращения дестабилизирующего трансфера вооружений и технологий в зоны конфликтов и вооруженного противостояния.

В отличие от КОКОМ, новый международный режим не предусматривал права вето для стран - участниц; упор делался на добровольную координацию политики и своевременный обмен информацией до принятия решения о разрешении экспорта соответствующей категории вооружений или технологии.

После пяти раундов трудных и продолжительных переговоров, затянувшихся на два года, 28 стран - 17 бывших членов КОКОМ, 6 стран, сотрудничавших с КОКОМ, Россия и страны Вышеградской группы - 19 декабря 1995 г. подписали *Вассернаарское Соглашение о контроле над экспортом обычных вооружений, а также изделий и технологий двойного назначения*. Новый режим предусматривал две категории принципов и правил, относящихся как к обычным вооружениям, так и к изделиям и технологиям двойного назначения.

В рамках первой категории правил страны - участницы согласились о регулярных (раз в полгода) обменах информацией, консультациях и совместных обсуждениях, относящихся к трансферу вооружений, включенных в Регистр ООН по обычным вооружениям. Предоставляемые данные включают детальную информацию о типе и модели экспортируемых изделий, их количестве и стране - получателе.

Правила экспорта изделий и технологий двойного назначения основаны на согласованном контрольном списке изделий и технологий, включающем в себя т.н. Основной список (Список 1) и его приложения - «Чувствительный список» (Список 2) и «Очень чув-

ствительный список» (приложение к Списку 2). Хотя страны - участницы самостоятельно принимают решения об экспорте изделий и технологий двойного назначения, они согласились о нижеследующем:

- обмен раз в полгода сводной информацией по всем случаям отказа в экспортных лицензиях в соответствии со Списком 1;
- взаимное уведомление в течение 30-60 дней об отказах в выдаче экспортных лицензий по Списку 2;
- предоставление раз в полгода сводной информации о выдаче лицензий по Списку 2 на экспорт в страны, не являющиеся членами Вассернаарского Соглашения.

Страны - участницы согласились также о взаимном извещении в течение 60 дней о выдаче экспортных лицензий, запрещенных в течение последних трех лет другой страной - участницей. На первом пленарном заседании стран - участниц Вассернаарского Соглашения, проходившем 2-3 апреля 1996 г. в Вене, присутствовали представители 31 страны - 28 стран, подписавших соглашение, а также Аргентины, Румынии и Южной Кореи.

В ходе данного заседания российская делегация отказалась от предоставления детализированной информации о поставках вооружений и трансферте технологий, однако на следующем пленарном заседании, в июле 1996 г., вопрос был урегулирован и Россия, наряду с 32 другими государствами (на заключительном этапе примкнули Украина и Болгария) присоединилась к Соглашению в полном объеме. Страны - участницы Вассернаарского Соглашения договорились о реализации начиная с 1 ноября 1996 г. договоренностей по Списку 1 и Списку 2.²⁹⁶

Вассернаарское соглашение заложило основы уникального международного режима экспортного контроля, имеющего большие перспективы развития в странах АТР. Со временем этот консультативный форум может превратиться в эффективный механизм контроля за экспортом военных изделий и технологий, а также изделий и технологий двойного назначения.

Помимо Вассернаарского соглашения, в АТР обсуждаются и чисто региональные подходы к созданию режимов экспортного контроля. Так, некоторые американские эксперты утверждают, что региональная стабильность может быть обеспечена при условии, что азиатско-тихоокеанские страны не будут обладать военными технологиями, которые угрожают (1) территориальной целостности других стран АТР, (2) способности Соединенных Штатов обеспечить безопасность своих региональных союзников и (3) способности США действовать по защите своих интересов безопасности в регионе.²⁹⁷

В этой связи вводится понятие стратегических технологий - технологий создания ОМУ и средств его доставки, включая баллистические и крылатые ракеты, а также конвенциональных технологий создания оружия дальнего действия и поддерживающих систем. Примером последних могут служить мобильные баллистические и крылатые ракеты, оснащенные усовершенствованными обычными боеголовками и системами глобального наведения типа GLONASS.

Авторы концепции стратегических технологий (А. Tellis и др.) выделяют в их числе технологии, позволяющие армиям региональных держав эффективно вести глубокие войсковые операции путем обеспечения информационного доминирования на поле боя. К ним относят системы управления и связи (спутники связи, центры обработки информа-

ции, системы управления огнем типа TACFIRE), а также усовершенствованные огневые системы артиллерии, танковых войск и тактической авиации, способные доставлять на дальние расстояния высокоточные боезаряды, включая «умные» бомбы, снаряды и ракеты с сенсорным наведением.

Прорывные «технологии проекции мощи» подразделяются, в свою очередь, на *авиационные* (дальняя транспортная авиация, дозаправка в воздухе, истребители и перехватчики дальнего действия, самолеты для ведения радиоэлектронной борьбы и подавления ПВО противника, воздушные платформы типа АВАКС и самолеты - «невидимки» типа «Стелс»), и военно-морские - авианесущие корабли и специальные системы противолодочной борьбы, амфибийные силы и пр.).²⁹⁸

Авторы концепции «стратегических технологий» предлагают создание усовершенствованных региональных режимов экспортного контроля, которые включали бы в себя список стратегических технологий, ограниченных для трансферта, механизм наблюдения и контроля, а также систему компенсаций для производителей оружия, могущих понести убытки в результате ограничительных мер.

* * *

Дальнейшее продвижение режимов нераспространения и экспортного контроля в Азиатско-тихоокеанском регионе наталкивается на сопротивление тех региональных держав (прежде всего КНР), которые полагают, что система контроля и ограничения передачи высоких технологий, имеющих военное применение, не должна носить предвзятый и дискриминационный характер, ущемляя право развивающихся стран использовать высокие технологии для экономического развития и поддержания обороноспособности.

В частности, китайские эксперты констатируют, что "международное противостояние в области контроля за вооружениями и разоружения из противостояния Восток-Запад трансформировалось в противостояние Юг-Север". Подчеркивается, что США и другие страны Запада, опираясь на свое благоприятное положение, прибегают к двойным стандартам в отношении неудобных им режимов стран третьего мира, подвергая их давлению и дискриминационным ограничениям.²⁹⁹

При всей бесспорности этого утверждения, имеет место стремление идеологизировать эту, чрезвычайно сложную в техническом плане проблему, что может только затруднить ее решение. Странам АТР следует искать оптимальный баланс справедливости и безопасности на путях укрепления вышеописанных международных режимов, основываясь прежде всего на приоритетной задаче ограничения распространения оружия массового уничтожения и, в перспективе, его полного уничтожения, - любыми приемлемыми для цивилизованного международного сообщества способами и средствами.

ГЛАВА 5

РОССИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЕЖИМЫ БЕЗОПАСНОСТИ (90-Е ГОДЫ)

После распада СССР новая Россия переживает трудный и противоречивый период поиска своей “азиатской идентичности”, связанный с поиском адекватных партнеров и нового типа отношений с ними в Северо-Восточной Азии и АТР. Внешняя политика Российской Федерации нуждается в более точном определении путей и способов защиты и продвижения национальных интересов на азиатско-тихоокеанском направлении, включая интересы безопасности.

Потенциальная роль России как участницы многосторонних усилий по обеспечению региональной безопасности в СВА и АТР требует тщательного и непредвзятого анализа. В русле этих усилий лежит разработка и теоретическое обоснование *концепции российского участия в строительстве региональных режимов безопасности*.

В этой связи первоочередного внимания заслуживает концепция *безопасности на основе сотрудничества (Cooperative Security)*, нацеленная на формирование новой модели международной безопасности. Осмысление основных постулатов этой концепции и их реализация в форме участия в региональных режимах безопасности будут способствовать выработке эффективных политических методов обеспечения интересов безопасности РФ в Азии.

5. 1. ИНТЕРЕСЫ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Участие России в азиатско-тихоокеанских режимах безопасности определяется ее *национальными интересами в сфере безопасности*. Как правило, национальные интересы включают обеспечение безопасности государства, защиту его территориальной целостности и суверенитета и обеспечение силовыми методами условий для функционирования его базисных отношений.³⁰⁰

Поскольку процесс самоидентификации России еще далеко не завершен, национальное самосознание, государственность, понимание целей и перспектив развития страны, - эти непеременимые условия для формирования представлений о национальной безопасности, - еще только складываются.

Концепция обеспечения национальной безопасности должна отражать если не консенсус, то достаточно широкое общенациональное согласие, синтезируя политические предпочтения народа и элиты в области формирования отношений с внешним миром. Одновременно это должна быть и своего рода технология необходимого и достаточного компромисса, в условиях которого только и возможно такое согласие.³⁰¹

По принятому в 1992 г. в России Закону «О безопасности», безопасность определяется как состояние защищенности существования личности, общества и государства и

возможности их прогрессивного развития. Обеспечение безопасности предполагает тесную взаимосвязь экономического, политического и стратегического компонентов.

Обеспечение национальной безопасности, защиты и продвижения национальных интересов в сфере безопасности на международной арене - исключительная прерогатива государства. Как подчеркивал классик политической науки Ханс Моргентау, «*Государственные интересы, определяемые как сила государственной мощи, являются ключом к пониманию сущности всей международной политики и объяснению характера политики отдельных государств*».³⁰²

Интересы национальной безопасности выступают, таким образом, преимущественно как государственные интересы. В данном случае государство выступает автономным актором, решая задачу, которая не может быть сведена к сумме частных интересов и устремлений.³⁰³

Что касается самого предмета безопасности, некоторые авторы выделяют четыре основных подхода к нему. Первый подход - *национальная безопасность* - предполагает защиту основных интересов конкретного государства. Второй подход - *международная безопасность* - обращает большее внимание на взаимосвязь безопасности одного государства с безопасностью других (коллективное использование вооруженной силы, международные институты и режимы).

Третий подход, *региональная безопасность*, в принципе не отличаясь от второго, подразумевает наличие наиболее эффективных систем безопасности в рамках конкретных регионов. Четвертое направление - *глобальная безопасность* - включает в себя, помимо военной безопасности, защиту гражданских прав, окружающей среды, экономического развития и пр.³⁰⁴

Однако, признавая наличие данных подходов, не следует противопоставлять их,ⁱ поскольку безопасность в современном мире неделима. Ни одна страна мира не может позволить себе защиту интересов национальной безопасности, опираясь исключительно на собственные ресурсы. Это - один из наиболее весомых аргументов в пользу модели безопасности на основе сотрудничества.

Некоторые исследователи (О. Арин и др.) предлагают разграничивать категорию национальных интересов и политику безопасности, которые, по их мнению, отражают разные сущности внешнеполитического процесса. Последний делится на две фазы – фазу формирования и формулирования внешней политики и фазу ее реализации в системе международных отношений. Категория интереса относится к первой фазе, безопасности – ко второй. Подобная трактовка подразумевает, что национальная безопасность – это политика, а международная безопасность – скорее состояние.³⁰⁵

Обеспечение национальной безопасности России неотделимо от конструктивного участия страны в обеспечении глобальной и международной безопасности, включая участие в международных режимах безопасности в АТР.

ⁱ Д. Г. Балувев, например, полагает, что российская внешняя политика стоит перед «конфликтом выбора» между национальной и глобальной безопасностью. - См. *Вестник Фонда «Российский общественно-политический центр»* № 2, декабрь 1996 г. с. 12.

Как отмечается в *Послании по национальной безопасности Президента РФ Федеральному Собранию*, в мировой политике усиливается тенденция к демилитаризации международных отношений; на глобальном и региональном уровнях набирают силу интеграционные процессы, которые не совпадают в политической, военной и экономической плоскостях.

Основными задачами политики национальной безопасности России на 1996-2000 гг. признаны укрепление нынешних геополитических рубежей и территорий и обеспечение достойной роли и места России в мировой политике. Приоритетными внешнеполитическими интересами для России на региональном уровне являются обеспечение стабильного и безопасного международного окружения, а также продвижение и закрепление военно-политических и экономических позиций на мировой арене на основе использования механизмов регионального сотрудничества.

В частности, основные направления политики национальной безопасности во внешней сфере предусматривают более полную интеграцию в международные политические, экономические и военные организации в Азиатско-тихоокеанском регионе; расширение партнерских связей с государствами АТР; поддержание добрососедских отношений и динамичное развитие устремленного в XXI век стратегического партнерства с Китаем.

306

Это особенно важно для обеспечения устойчивого развития России, поскольку обширный регион Восточной Сибири и Дальнего Востока стал самым слабым звеном в национальной безопасности страны. Превращение этого слабого звена в мощное, в том числе путем его вовлечения в интеграционные процессы в АТР, должно определять суть экономической, социальной и культурной стратегии развития России как минимум до середины XXI века.³⁰⁷

В декабре 1997 г. Президент РФ утвердил своим Указом Концепцию национальной безопасности Российской Федерации. Содержащийся в этом основополагающем документе анализ угроз национальной безопасности России показывает, что главные из них в настоящее время и в обозримой перспективе не имеют военной направленности и сосредоточены во внутривнутриполитической, экономической, социальной, экологической, информационной и духовной сферах.

Вместе с тем в Концепции отмечена необходимость вооруженной защиты национальных интересов страны, поскольку фактор военной силы в современном нестабильном мире не утратил своего значения, особенно при решении проблем локального и регионального масштаба. Наиболее реальную угрозу для России в оборонной сфере представляют существующие и потенциальные очаги локальных войн и вооруженных конфликтов вблизи ее границ.

Угрозой для национальной безопасности России в оборонной сфере остается распространение ядерного и других видов ОМУ, ракетных и других технологий средств их доставки, а также сохранение или создание крупными державами и их союзниками мощных группировок вооруженных сил в прилегающих к ее территории регионах. Даже при отсутствии агрессивных намерений против России такие группировки представляют собой потенциальную военную опасность.

В Концепции отмечается, что угрозы национальной безопасности России кроются также в незавершенности реформирования военной организации государства, сохраняющемся разрыве между политическими установками и их реализацией в военной и военно-технической политике, недостаточном финансировании национальной обороны, неразработанности современных подходов к военному строительству и в несовершенстве его нормативной и правовой базы.³⁰⁸

Концепция внешней политики и военная доктрина России разрабатываются на основе политики национальной безопасности и во взаимосвязи с ней. Эти вопросы являются предметом напряженных дискуссий в среде общественности и политиков, прежде всего российской внешнеполитической элиты, непосредственно влияющей на выработку курса страны на международной арене.

В 1996 г. Московское бюро Фонда Фридриха Эберта представило российской и международной общественности результаты социологического опроса руководящих работников правительственных учреждений, депутатов Федерального Собрания, политических лидеров и ученых (103 эксперта, костяк российской внешнеполитической элиты) по проблемам внешней политики России. Исследование было проведено по поручению Московского бюро Фонда Ф. Эберта Обществом социальных и рыночных исследований «Синус - Москва» в сотрудничестве с Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ).

Каждый четвертый из опрошенных отметил, что внешняя политика России должна принципиально ориентироваться на возвращение статуса сверхдержавы; этого требуют в особенности 40 % сторонников большей ориентации российской политики на Азию). При этом 57 % респондентов отметили, что России следует стремиться к сохранению положения одной из пяти великих держав.

По данным опроса, 66 % сторонников большей ориентации внешней политики России на Азию полагают, что в настоящее время у России нет основательной внешнеполитической доктрины; внешняя политика страны формируется от случая к случаю, применительно к ситуации.

52 % респондентов (по сравнению с 44 % по результатам аналогичного опроса в 1993 г.) полагают, что у России как евразийской страны должен быть особый путь и в сфере внешней политики. Доля «западников» (тех, кто считает, что Россия должна идти тем же путем, что и другие развитые страны) уменьшилась по сравнению с 1993 г. с 51 % до 41 %.

Что касается определения российских внешнеполитических приоритетов (по четырехбалльной шкале),ⁱ то они, по результатам указанного опроса, распределились, среди прочего, следующим образом:

ⁱ Индекс внешнеполитических приоритетов исчислялся следующим образом: очень важно = 4; важно = 3; маловажно = 2; неважно = 1.

На вопрос о том, с какой страной/регионом России следует развивать особые отношения, 41 % респондентов указали КНР (по сравнению с 10 % по результатам опроса 1993 г.), в то время как соответствующие показатели для стран Запада изменились незначительно. 60 % опрошенных высказались за то, чтобы политика России в отношении Китая преследовала в равной мере экономические и военно-политические цели.

Важно отметить также, что четверо из пяти экспертов выступили за то, чтобы военная безопасность России обеспечивалась бы преимущественно на основе участия в многосторонних механизмах безопасности, а не самостоятельно.³⁰⁹

Разброс мнений в среде элиты относительно приоритетов российской внешней политики показателен. Во многом он объясняется тем, что в ходе политических и научных дебатов вокруг российских национальных интересов происходит смешение двух близких, но не тождественных понятий - политико-ценностных ориентиров Российской Федерации (1) и баланса составляющих российского национального интереса (2).

На какое-то время идеи заслонили геополитические интересы, оказавшись своего рода самоцелью, тогда как следовало вести речь о поиске разумного баланса между либерально-плюралистическим выбором и той частью неизменных геополитических интересов страны, которые обеспечивают ее выживание и национально-государственную устойчивость.³¹⁰

Следует, однако, заметить, что сторонники концепции «сочетания умеренного национализма и изоляционизма» зачастую переоценивают способность России опираться исключительно на собственные ресурсы в обеспечении национальной безопасности (по крайней мере, в обозримом будущем) и недооценивают положительный эффект для последней участия страны в международных режимах.

При этом большинство российских политиков и экспертов согласны в том, что утверждение вместо силовой иной системы международных отношений, основанной на нормах поведения и праве, в наибольшей степени отвечало бы внешнеполитическим интересам реформирующейся России:

Во-первых, сама она ставит целью продвижение к гражданскому обществу и правовому государству, и ей легче было бы вписаться в мир, основанный на тех же принципах.

Во-вторых, силовые источники влияния России на международной арене сегодня весьма ограничены; сила сегодня - не столько военные возможности, сколько экономические, технологические, научные, финансовые, уровень жизни населения, способность ответить на новые вызовы.

Геополитическое положение России, опирающейся на нормативную базу международных отношений, позволит ей пользоваться значительным влиянием в окружающем мире и сохранить себя в качестве важного фактора современного мироуправления.³¹¹

Как отмечалось в *Послании Президента РФ Федеральному Собранию на 1996 г.*, медленно формулировались новые внешнеполитические интересы России. Не всегда удавалось точно сбалансировать все факторы, были запаздывания, отклонения от утвержденных основ внешней политики, разница между провозглашенным курсом и реальным исполнением.

Однако внешняя политика России постепенно обретает свое лицо в более безопасном в военном отношении, хотя и менее предсказуемом постблоковом мире. Впервые в XX веке для России нет реальной военной угрозы. Во многом, благодаря активной позиции России, удалось обеспечить бессрочное и безусловное продление Договора о нераспространении ядерного оружия.

Расширилось международное взаимодействие в области нераспространения оружия массового уничтожения, обеспечения безопасности и сохранности ядерного оружия и материалов. Предстоит работа над достижением договоренности о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, производства расщепляющихся материалов для изготовления оружия, о гарантиях безопасности неядерных государств. На повестке дня - полноправное и масштабное участие России в режиме контроля за ракетными технологиями (РКРТ), новом, приходящем на смену КОКОМ, механизме экспортного контроля и другие вопросы.

Главный итог политики на Востоке состоит в том, что впервые за многие годы Россия сумела обеспечить нормальные, добрососедские, а где возможно, и партнерские отношения с основными державами региона. В результате на долгосрочной основе гарантирована безопасность восточных границ, улучшены внешнеполитические условия для развития Дальнего Востока, усилены общие международные позиции России. Вместе с тем потенциал отношений с Востоком неизмеримо больше; следует активизировать российскую политику и дипломатию в АТР.³¹²

В настоящее время Россия, сосредоточенная на решении серьезных внутренних проблем, воспринимается в АТР как относительно слабый партнер. Однако она была и останется великой азиатской державой, и ее временное ослабление в регионе, связанное с последствиями распада СССР и бременем структурных реформ, отнюдь не следует расценивать как уход из региона.

Это тем более справедливо, что Россия продолжает нести ответственность за поддержание мира и безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе, и не раз демонстрировала готовность к участию в поиске решения спорных международных вопросов политическими средствами. Россия обеспечивает интересы своей безопасности в регионе, опираясь на национальную территорию, соблюдая принципы нерушимости послевоенных границ и отказа от территориальных притязаний.³¹³

По мнению представителей российского МИДа, стратегические приоритеты российской политики в Азиатско-тихоокеанском регионе сводятся к обеспечению стабильности и безопасности на восточных рубежах России; созданию благоприятных внешних условий для российских реформ; а также созданию предпосылок для активного подключения России к региональным интеграционным процессам.³¹⁴

При продвижении к этим приоритетным целям следует учитывать как уроки чрезвычайно идеологизированной и затратной азиатской политики СССР,ⁱ так и уроки политики «нового мышления», творцы которой зачастую воспринимали баланс интересов как игру с позитивной суммой (в которой все могут быть победителями), полагая, что улучшение двусторонних отношений со странами АТР не влияет на отношения с третьими странами. Практика международных отношений в Азии показывает, что это не всегда было так.

Сущность этих уроков можно свести к еще одной классической сентенции Пола Кеннеди:

*«Государство, переоценивая свои стратегические возможности, рискует тем, что потенциальные выгоды внешней экспансии могут быть сведены на нет затратами на ее поддержание. Эта дилемма особенно актуальна для стран, вступающих в период относительного экономического упадка».*³¹⁵

Не следует, однако, впадать и в другую крайность, полагая, что единственный реальный способ сохранить ощутимое влияние России в делах АТР состоит в том, чтобы стать частью ориентированной на США системы региональной безопасности с принятием на себя тех стратегических функций, которые будут определены «старшим партнером».

По мнению В. П. Лукина, было бы преступно не учитывать нами интересы других стран в процессе поиска ими своего места в современном мире. Но и было бы крайне легкомысленно считать, что они при этом отводят России оптимальное место, а не хотят, оттолкнув ее локтями, улучшить собственные позиции. *Политика России должна стать более рациональной и более приближенной к своим границам и своим интересам. Российское влияние на отношения безопасности в АТР должно быть ограниченным, но ответственным и весомым.*³¹⁶

Среди долгосрочных внешнеполитических интересов России в области безопасности можно, вслед за аналитиками РАУ-Корпорации,ⁱⁱ выделить следующие:

ⁱ Последняя, приведшая к конфронтации с Китаем и тупику в отношениях с Японией, оценивается некоторыми экспертами как серия «дорогостоящих провалов». - См.: *Russia and Japan: An Unresolved Dilemma Between Distant Neighbors*. Tsuyoshi Hasegawa, Jonathan Haslam, and Andrew Kuchins, Ed. Univ. of California at Berkeley. 1993. p. 191.

ⁱⁱ См.: Концепция национальной безопасности России в 1995 году. АО РАУ-Корпорация. М., *Обозреватель* № 3-4, 1995. с. 36.

- поддержание глобальной стабильности и способности противостоять локальным вооруженным конфликтам;
- ликвидация очагов напряженности вблизи территории Российской Федерации;
- сохранение нормальных отношений со всеми государствами и перевод этих отношений на уровень партнерства;
- укрепление миротворческих возможностей международных организаций, включая ООН и ОБСЕ, в целях превентивного регулирования конфликтных ситуаций;
- дальнейшее углубление процессов разоружения одновременно с поддержкой российских Вооруженных Сил на уровне, необходимом для обеспечения безопасности и выполнения международных обязательств РФ.

В опубликованной в 1993 г. Внешнеполитической Концепции РФ подчеркивается, что «Наша политика в АТР должна исходить из необходимости обеспечения самостоятельной роли России в полицентрической системе региональных международных отношений. Принципиально важны сбалансированные, стабильные и по возможности не зависящие друг от друга отношения со всеми государствами АТР, особенно с такими ключевыми, как США, Китай и Япония».³¹⁷

Теория международных режимов предполагает, что на международной арене государства вступают в конкуренцию за ограниченные ресурсы, движимые стремлением не к максимизации мощи как таковой, а к достижению т.н. «чистой выгоды», т.е. обеспечению своей безопасности и продвижению национальных интересов через сотрудничество с другими государствами.

В этом контексте интересы России и США в поддержании региональной безопасности и стабильности в АТР объективно совпадают или близки, что делает их заинтересованными в совместном строительстве региональных режимов безопасности.

Автор разделяет мнение исследователей, полагающих, что Россия глубоко заинтересована в эффективных формах институционализации системы региональной безопасности и должна проявлять настойчивость и постоянную активность в этом направлении, прежде всего в выработке действенных коллективных механизмов предотвращения и урегулирования конфликтов.³¹⁸

Национальные интересы России в области военной безопасности сложились под влиянием реально существующих или предполагаемых (потенциальных) угроз. Если под первыми подразумевается реальная вероятность применения военной силы или угрозы ее применения в данный момент или в течение какого-то периода, то безопасность в широком смысле выражает способность государства к нейтрализации невоенных (экономических, политических, идеологических, демографических, экологических и др.) факторов, стимулирующих применение насилия в межгосударственных отношениях и подрывающих суверенитет, территориальную целостность и политическую стабильность государства.³¹⁹

По общему мнению, в ближайшие 10-15 лет реальной крупномасштабной военной угрозы для России в АТР не существует. Вероятность втягивания страны в пограничный военный конфликт или локальную войну невелика, хотя интересы России в АТР будут подвергаться опасностям и вызовам экономического, научно-технического и политико-дипломатического характера.

Исходя из этого, принципы военно-стратегического паритета в его традиционном понимании должна заменить концепция оптимизации оборонных усилий, основанная на реальной оценке характера и масштабов угроз и способов противодействия им. В этом контексте, применительно к условиям Российской Федерации, задачами ее Вооруженных Сил могут являться:

- ⇒ ядерное сдерживание;
- ⇒ пресечение возможной агрессии в краткосрочном конфликте;
- ⇒ готовность к длительным военным действиям с агрессором, требующим развертывания мобилизационных ресурсов;
- ⇒ способность участвовать в урегулировании вооруженных конфликтов, ущемляющих интересы международного права.

Для решения этих задач нужны достаточно многочисленные, хорошо оснащенные вооруженные силы, включающие ядерный компонент, мобильные силы, центральный резерв и мобилизационные ресурсы.³²⁰

В целом можно заключить, что *стратегия российской внешней политики должна быть направлена на восстановление объема и качества российского присутствия в АТР*. Нынешняя геополитическая ситуация кое у кого порождает соблазн строить азиатско-тихоокеанскую политику в сфере безопасности без учета интересов и потенциальной роли Российской Федерации, а иногда и прямо игнорируя Россию как азиатскую державу.

Вряд ли такой подход можно считать дальновидным, поскольку Россия, пройдя через нынешний болезненный этап накопления комплексной мощи, неизбежно вступит в этап проекции этой мощи, в том числе и на азиатско-тихоокеанском направлении. Если отношения безопасности в АТР, прежде всего в Северо-Восточной Азии, не будут отлажены с учетом такой перспективы, это нарушит новый региональный эквilibрум и объективно увеличит нестабильность.

Создание каких-либо многосторонних механизмов региональной безопасности попросту невозможно без участия России. Более того, ни одна из вовлеченных держав не заинтересована в существенном снижении российского участия в делах АТР, ибо это привело бы к нарушению баланса сил и росту нестабильности.

Реальному увеличению российской вовлеченности в обеспечение региональной безопасности помогут не сетования на то, что Россию не призывают к участию в азиатских делах или даже не берут в расчет, а последовательное и пропорциональное наращивание комплексной национальной мощи и ее проекция в Северо-Восточную Азию и АТР посредством активной и творческой дипломатии.

5. 2. РОССИЯ КАК ГАРАНТ И УЧАСТНИК РЕГИОНАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ БЕЗОПАСНОСТИ

Результатом и конечной целью исследования автор считает *уточнение позиций России относительно участия в региональных режимах безопасности в АТР*. На протяжении 90-х гг. подходы российской дипломатии к развитию многосторонних механизмов безопасности эволюционировали от широкоохватных инициатив относительно создания системы коллективной безопасности в Азии к более прагматичным инициативам, касающимся укрепления существующих международных режимов.

Новая азиатская доктрина России, провозглашенная министром иностранных дел РФ А.В. Козыревым в ходе его визита в Китай в 1994 г., предусматривала *формирование системы совместной безопасности ("сообщества безопасности") на основе поэтапного и многовариантного подхода, движения от локальных договоренностей к разветвленной сети субрегиональных и общерегиональных структур, а также восхождения от простых форм сотрудничества (обмен военной информацией, меры доверия) к более сложным (меры совместного управления кризисными и конфликтными ситуациями)*.³²¹

В фокусе политико-дипломатических усилий по реализации указанной доктрины, подразумевающей активное участие в строительстве региональных режимов безопасности, были следующие проблемные направления:

- ◆ Основные тенденции развития межгосударственных отношений в АТР в постконфронтационный период, географические пределы проекции российских интересов в АТР, место России в системе региональных взаимоотношений.
- ◆ Пути и способы формирования многосторонних механизмов безопасности в СВА и АТР, параметры российского участия в этом процессе.
- ◆ Общие концептуальные подходы к формированию многосторонних механизмов безопасности: этапность, географический охват участников, степень их вовлеченности в процесс, возможности использования опыта ОБСЕ и т.д.
- ◆ Налаживание многостороннего консультативно-переговорного процесса на всех уровнях: двустороннем, субрегиональном, региональном - с использованием существующих в регионе переговорных структур и сложившейся военно-политической инфраструктуры.
- ◆ Россия и движение к созданию региональных политических структур безопасности: Региональный Форум АСЕАН (АРФ), АТЭС и др. Параметры российского участия в деятельности этих структур.
- ◆ Интересы России на Корейском полуострове: активное налаживание отношений с Севером и Югом; северокорейская ядерная проблема и возможная роль России в ее разрешении.
- ◆ Военно-политические меры доверия в СВА и АТР; российские инициативы о кодификации норм и правил торговли оружием в регионе, о создании центров превентивной дипломатии и предотвращения конфликтов.
- ◆ Роль России в разблокировании региональных конфликтов и территориальных споров в СВА и АТР.

- ◆ Развитие двусторонних отношений со странами АТР в области укрепления региональной безопасности и стабильности, включая военно-техническое сотрудничество со странами региона.

В силу статуса России как ведущей ядерной державы и постоянного члена Совета Безопасности ООН участие РФ в укреплении регионального режима ядерного нераспространения было и остается принципиально важным. Россия несет глобальную и региональную ответственность за укрепление ядерной безопасности и ядерного нераспространения.

17 августа 1993 г. Россия представила на Конференцию ООН по разоружению Декларацию, в которой говорится:

*«Российская Федерация не применит ядерное оружие против любого государства, не обладающего ядерным оружием и являющегося участником Договора о нераспространении ядерного оружия, за исключением случая нападения на Российскую Федерацию, ее территорию, вооруженные силы или союзников, совершенного со стороны такого государства, связанного соглашением или союзом с государством, обладающим ядерным оружием, или которое действует совместно с государством, обладающим ядерным оружием, в совершении такого нападения или при его поддержке».*³²²

На встрече в верхах президентов Б. Ельцина и Б. Клинтона в мае 1995 г. в Москве лидеры двух держав подтвердили в своей Совместной Декларации готовность США и России развивать тесное глобальное и региональное сотрудничество по укреплению режима ядерного нераспространения, включая режим многосторонних ядерных гарантий МАГАТЭ.

Россия поддерживает создание в Азиатско-тихоокеанском регионе зон, свободных от ядерного и других видов оружия массового уничтожения. Президент Б. Ельцин предложил во время визита в Сеул в ноябре 1992 г. создание на Корейском полуострове зоны, свободной от всех видов оружия массового уничтожения, при обеспечении соответствующих гарантий со стороны России.³²³

Тенденция, направленная на устранение России от решения ключевых проблем в регионе, обусловила необходимость дистанцироваться от политики других держав и выработать собственный подход по ядерной проблеме КНДР и корейской проблеме в целом, на основе должного учета национальных интересов России. Практическим выражением такого курса стало выдвижение идеи о проведении международной конференции по обсуждению широкого круга вопросов корейского урегулирования.

Автор поддерживает мнение экспертов, полагающих, что в ходе ядерного кризиса внешнеполитические органы России действовали непродуманно, безоговорочно встав на сторону США и МАГАТЭ и угрожая КНДР санкциями, а также не приняв во внимание позицию Пекина. Реальное влияние России в результате ослабло, так как Москва, с точки зрения КНДР и РК, действовала не лучшим образом, играя не свою игру. С учетом же военных интересов России ее позиция выглядела тем более непродуманной.³²⁴

Ядерный кризис в Корее показал также, что проблемы ядерного нераспространения стали использоваться некоторыми вовлеченными сторонами для получения односторонних экономических выгод. Намерение поставить КНДР реакторы на легкой воде, предварительно устранив с этого рынка Россию, и в то же время заблокировать поставку Россией

реакторов такого же типа Ирану было воспринято в политических и деловых кругах России как явное и абсолютно неприемлемое проявление двойного стандарта поведения на международной арене.³²⁵

Участие РФ в укреплении многостороннего переговорно-консультационного механизма по проблемам безопасности в АТР также относится к приоритетным. Как известно, Президент Ельцин в ходе своего визита в Сеул в ноябре 1992 г. изложил новое российское понимание концепции международной безопасности в соответствии со следующими принципами:

- I. Безусловный отказ от распространения ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, приоритет политических методов обеспечения безопасности, прекращение ядерных испытаний.
- II. Ликвидация тактического и стратегического ядерного и химического оружия, недопущение гонки вооружений.
- III. Снижение военных потенциалов до уровня разумной достаточности и сокращение военных расходов.

Исходя из того, что сегодня ни одно азиатско-тихоокеанское государство не рассматривается новой демократической Россией в качестве потенциального противника, Борис Ельцин предложил следующие первоочередные меры по улучшению военно-политического климата и укреплению безопасности в Северо-Восточной Азии.

Первое. Формирование механизма многосторонних консультаций экспертов по вопросам укрепления безопасности в СВА и АТР, в первую очередь по вопросам ядерного нераспространения.

Второе. Разработка системы кризисного регулирования для недопущения роста военной напряженности в регионе и создание с этой целью, совместно с заинтересованными государствами, центра по разрешению конфликтных ситуаций в АТР.

Третье. Формирование регионального центра стратегических исследований, который анализировал бы данные о военных бюджетах, доктринах, дислокации вооруженных сил азиатско-тихоокеанских стран и т.д.

Оптимальным способом урегулирования субрегиональных проблем являются именно многосторонние усилия, налаживание которых и блокируется самим наличием проблем. На первый план выходит задача создания такого переговорного механизма, который позволил бы начать всеобъемлющий диалог по вопросам укрепления региональной стабильности и безопасности на основе продвижения в решении конкретных вопросов.

Ключевое звено в создании многосторонних механизмов безопасности - формирование системы кризисного регулирования в СВА и АТР, которая предотвращала бы неконтролируемый рост военной напряженности на основе поддержания постоянного и устойчивого диалога.

Предполагаемый Центр по разрешению конфликтных ситуаций в АТР явился бы не только оперативным штабом для принятия решений в сфере кризисного реагирования, но и своего рода мозговым центром, который анализировал бы в региональном и глобальном контексте динамику конфликтных ситуаций, предлагая способы их долгосрочного разрешения.

С этим тесно связана идея регионального Центра стратегических исследований. Всем азиатско-тихоокеанским странам необходима полная и достоверная информация о военных бюджетах и доктринах своих соседей, дислокации вооруженных сил, планах военного строительства. Свободный обмен такой информацией сам по себе мог бы стать фактором укрепления региональной безопасности. Центр стратегических исследований мог бы стать не только коллективным банком данных, но и постоянным форумом для осмысления этих данных и выработки альтернатив политики в области безопасности для всех заинтересованных стран.

Активное подключение России к диалогу по проблемам безопасности в АТР на основе вышеизложенной повестки дня помогло бы не только надежно обеспечить интересы РФ в Азии, избегая затратных механизмов, но и вернуть России роль “ключевого игрока” в регионе и подобающий ей статус великой державы.

26 сентября 1994 г. с трибуны сессии Генеральной Ассамблеи ООН Президентом РФ Б. Н. Ельциным была предложена программа создания прочной системы международной безопасности под эгидой ООН и в условиях реформирования международных институтов. Она предусматривала ускорение переговоров по бессрочному продлению ДНЯО и заключению ДВЗИЯО; начало многостороннего обсуждения вопросов регулирования международного рынка вооружений и военной техники; обсуждение региональных программ укрепления мира и безопасности; проведение под эгидой ООН конференции по международному сотрудничеству в деле конверсии оборонной индустрии.

Было особо подчеркнуто, что «на данном этапе ООН могла бы приложить усилия к координации процесса становления региональных систем безопасности».³²⁶

30 декабря 1994 г. Россия внесла проект Декларации Регионального форума АСЕАН о принципах безопасности и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и попросила рассмотреть его на следующей встрече старших должностных лиц. В указанном проекте подчеркивалась необходимость создания регионального сообщества по обеспечению безопасности, в которое бы вошли все без исключения страны региона.

Отмечалось также равное право всех государств региона на участие в процессе создания механизма региональной безопасности, а также необходимость воздерживаться от оказания экономического давления на отдельные государства или группы государств в качестве средства решения политических вопросов. О российском предложении было доложено на 2-й встрече старших должностных лиц Регионального форума АСЕАН (Бруней, 22-24 мая 1995 г.), однако страны-участницы сочли его преждевременным.

В мае 1995 г. министр обороны РФ в ходе своих визитов в КНР и РК выдвинул предложение о шестистороннем форуме по вопросам безопасности, с участием России, Китая, США, Японии, Северной и Южной Кореи, в качестве промежуточного этапа на пути создания многостороннего механизма региональной безопасности.

В августе 1995 г. Россия представила на очередном заседании АРФ в Брунее, на котором присутствовали делегации 19 стран, проект декларации “*О принципах безопасности и стабильности в Азиатско-тихоокеанском регионе*”. В документе предлагалось создание системы международных консультаций и взаимных гарантий безопасности, выработка мер доверия и транспарентности военных доктрин.³²⁷

Российский представитель на региональном форуме АСЕАН призвал также к проведению международной конференции по безъядерному статусу Корейского полуострова. Такая конференция могла бы выработать и принять международные гарантии мирного урегулирования корейской проблемы.

Российская делегация конструктивно участвовала, уже в новом полномочном качестве, в заседании АРФ в Джакарте в июле 1996 г.ⁱ

Этапным достижением российской дипломатии на пути все более полного подключения нашей страны к азиатско-тихоокеанской интеграции стало принятие России в Организацию Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). На совещании руководителей входящих в эту группировку 18 государств и территорий в ноябре 1997 г. в Ванкувере было принято единодушное решение о принятии России, Вьетнама и Перу в АТЭС (с последующим замораживанием расширения АТЭС на 10 лет).

Показательно, что в поддержку России активно выступили страны СВА (прежде всего Япония, а также Китай, США, РК и Канада), в то время как Австралия, Сингапур, Филиппины и Мексика заняли более осторожную позицию. В ходе дебатов представители этих стран указывали на слабую вовлеченность России в торгово-экономические связи в АТР, наличие претендентов, раньше подавших заявки на вступление, а также на угрозу изменения характера организации после присоединения к ней столь крупной евразийской державы.

Принятие России в АТЭС активизирует не только торгово-экономическое сотрудничество, но и диалог по вопросам региональной безопасности, свидетелем чему является подписанное недавно Соглашение Межведомственной комиссии РФ с АТЭС по вопросам безопасности.

Участие России в строительстве региональных режимов безопасности, во многом основывающихся на традиционном балансе сил, невозможно без **обеспечения адекватного военного присутствия РФ в Азиатско-тихоокеанском регионе.**

США и некоторые другие региональные державы, отнюдь не считая Россию враждебным государством, склонны прочесть ее на роль «младшего партнера» в обеспечении региональной безопасности, приветствуя продолжающееся уменьшение российского военного присутствия в АТР. По некоторым зарубежным данным, США и Япония уже обладают здесь над Россией тройным превосходством в истребительной авиации и двойным - в военно-морских силах.³²⁸

Поддержание российского военного присутствия в регионе осуществляется на фоне беспрецедентного сокращения вооруженных сил и вооружений и свертывания оборонных программ, вызванных трудностями экономических реформ в России, а также международными обязательствами страны в области сокращения обычных и ядерных вооружений.

Производство вооружений в России сократилось за последние годы как минимум на 50 % по всем системам оружия. По условиям одного только Договора СНВ-1 ядерные боезаряды развернутых баллистических ракет бывшего Советского Союза сокращаются на 48 % от уровня 1990 г. На 50 % сокращаются тяжелые МБР и на 42 % - общее количество

ⁱ Подробнее об этом - в Главах третьей и четвертой настоящего исследования.

заявленных боезарядов. Ратификация Договора СНВ-2 откроет путь к еще более значительным сокращениям ядерных вооружений.³²⁹

Боевые действия российских войск в Чечне в 1994-1996 гг. показали катастрофическое снижение боеготовности ВС РФ и поставили на повестку дня вопрос о комплексной военной реформе российских Вооруженных Сил путем значительных количественных сокращений войск и боевой техники при их качественном совершенствовании.

По мнению аналитиков Центра военно-стратегических исследований Генерального Штаба ВС РФ, приведение дислоцированных в дальневосточном субрегионе войск к уровню оборонной достаточности послужит эффективной мерой военного доверия и общего оздоровления обстановки.

При этом в качестве критерия оборонной достаточности группировок обычных вооруженных сил на Дальнем Востоке в мирное время следует рассматривать такие их боевые и численные составы, которые обеспечили бы сдерживание сопредельных государств от развязывания вооруженных конфликтов за счет поддержания минимально необходимого соотношения сил и средств.³³⁰

В этой связи особое внимание следует уделять российскому Тихоокеанскому флоту (ТОФ). Принятые осенью 1992 г. решения о сокращении боевого состава ТОФ, включая вывод с кораблей тактического ядерного оружия и сокращение на 50 % количества размещаемых новых подводных лодок (с перспективой полного прекращения строительства новых подводных лодок), ослабили его потенциал, в то время как реализация российско-американского соглашения 1993 г. по новому этапу ограничения и сокращения стратегических наступательных вооружений (СНВ-2) должна была бы привести к повышению роли ВМФ в стратегических ядерных силах России.³³¹

Сочетание вышеуказанных причин может привести к тому, что из 62 стратегических ядерных подводных лодок в боевом составе ВМФ (1992 г.) к 2003 г. их останется не более 20.³³² В начале 1992 г., по данным Главного штаба ВМФ, ТОФ располагал 24 стратегическими ядерными подводными лодками и 204 подлодками с баллистическими ракетами на борту.³³³

Тем не менее, ситуацию с ТОФ вряд ли можно считать катастрофической. По мнению первого заместителя Главкома ВМФ РФ адмирала И. Касатонова, сравнительный анализ показывает, что российский флот как был вторым в мире, так и остался, и продолжает решать свои задачи. Это касается ядерных сил Тихоокеанского флота, однако с обычными надводными кораблями ТОФ возникают серьезные проблемы.

Основными направлениями совершенствования и развития российского флота нынешнее руководство ВМФ считает качественное совершенствование морских стратегических ядерных сил (МСЯС) и системы управления ими с одновременным количественным сокращением в пределах, предусмотренных договорными обязательствами России.³³⁴

Все большее распространение получает точка зрения о том, что Россия, чтобы надежно гарантировать благоприятный для себя баланс интересов в СВА и АТР, Россия вынуждена будет провести дорогостоящий ремонт своего военного потенциала на Дальнем Востоке, который она несообразно резко и фактически в одностороннем порядке сократила в последние годы. Очевидно, она не сможет долго мириться и с чрезмерным ограничением своей оборонной активности на Тихом океане.³³⁵

Несмотря на возможную неодобрительную реакцию на это со стороны Соединенных Штатов и некоторых других региональных держав, в целом это послужит укреплению стабильности и созданию более здоровой основы для региональных режимов безопасности.

Развитие двусторонних отношений России со странами АТР в сфере укрепления региональной безопасности также относится к числу приоритетных. Это прежде всего касается российско-китайских отношений. Выработанная двумя странами формула *стратегического конструктивного партнерства, обращенного в XXI век*, означает, что каждая из сторон, не вступая в союзы и проводя самостоятельную и независимую политику, действуя на параллельных курсах, имеет значительное поле совпадающих или близких интересов на мировой арене, отвечающих целям укрепления мира, безопасности и сотрудничества в глобальном и региональном масштабе.³³⁶

Формула стратегического конструктивного партнерства была уточнена в *российско-китайской совместной Декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка*, принятой в ходе встречи на высшем уровне в апреле 1997 г. В ней в развернутом виде фиксируются общие подходы сторон к международной обстановке на пороге XXI века.

В этом документе подчеркивается, что Россия и Китай, являющиеся постоянными членами Совета Безопасности ООН, придерживаясь принципов партнерства, добрососедства и дружбы, равноправия и доверия, взаимовыгодного сотрудничества и совместного развития, строго соблюдая принципы международного права, утверждают долговременные межгосударственные отношения нового типа, не направленные против третьих стран. Эти отношения играют стабилизирующую роль в современной международной обстановке, выступая в качестве модели межгосударственных отношений в постконфронтационную эпоху.

В рамках стратегического конструктивного партнерства Российская Федерация и КНР выступают за утверждение новой, имеющей всеобъемлющее значение концепции безопасности. Они считают, что необходимо покончить с менталитетом холодной войны, выступают против блоковой политики. Необходимо мирными способами регулировать разногласия и споры между странами, не применять силу и не угрожать ее применением, путем диалога и консультаций содействовать установлению взаимопонимания и доверия, через двусторонние и многосторонние координацию и сотрудничество стремиться к миру и безопасности.³³⁷

Следует отметить, что формула конструктивного партнерства не тождественна союзничеству. Ни одна из сторон не желает связывать себя слишком тесными формальными отношениями, характер которых может повлиять на их отношения с третьими странами.³³⁸ Это касается, в том числе, возможного «азиатско-тихоокеанского» ответа России на перспективу расширения НАТО:¹ не новые блоки и альянсы, а строительство режимов

---

¹ Подробнее об этом см.: Михеев В. В. Гамбит «анти-НАТО» и политика России на Дальнем Востоке. *Проблемы Дальнего Востока*. № 3, 1997. *Проблема расширения НАТО на Восток: взгляд из Пекина*. Экспресс-информация № 4 ИДВ РАН. М., 1997.

безопасности как на Востоке, так и на Западе поможет сбалансировать геополитическую ситуацию и интересы безопасности всех вовлеченных сторон.ⁱ

Это подтвердилось, в частности, в ходе визита в США в октябре 1997 г. Председателя КНР Цзян Цзэминя. В совместном заявлении, принятом по итогам переговоров между Цзян Цзэмином и Биллом Клинтонем, выражена готовность работать во имя «конструктивного стратегического партнерства между США и Китаем посредством расширения сотрудничества в решении международных проблем». Текстуальное совпадение двух вышеупомянутых формул было специально подчеркнуто в заявлении представителя МИД КНР по итогам китайско-американской встречи.

Как следует из итогов визита, применительно к американо-китайским отношениям в сфере безопасности формула стратегического конструктивного партнерства подразумевает совместное поддержание глобального и регионального мира; предотвращение распространения ОМУ; укрепление регионального сотрудничества в АТР; борьбу с наркобизнесом, международной организованной преступностью и терроризмом; укрепление двусторонних обменов и сотрудничества в военной области, а также использование механизма четырехсторонних переговоров для установления прочного мира на Корейском полуострове.

Две великие державы - Россия и Китай - подготовили уникальное соглашение «Об укреплении доверия в военной области в районе границы», которая не так давно была рубежом отчуждения и военного противостояния. Подписанное в 1996 г. пятистороннее Соглашение предусматривает общерегиональные по своему значению и беспрецедентные по масштабу меры по взаимному предуведомлению и ограничению масштабов приграничных военных учений; взаимное направление наблюдателей на приграничные учения, а также ограничения на размещение вооруженных сил и вооружений вдоль линии границы.

В апреле 1997 г. в Москве Президентом России Б. Н. Ельциным, Председателем КНР Цзян Цзэмином, Президентом Казахстана Н. Назарбаевым, Президентом Киргизии А. Акаевым и Президентом Таджикистана Э. Рахмоновым было подписано подготовленное в том же формате Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы.

Особенность этого уникального военно-политического документа состоит в том, что впервые пяти странам АТР удалось, путем равноправных переговоров, продвинуться к созданию на совместной границе режима транспарентности и доверия, на основе укрепления спокойной и добрососедской обстановки.

Соглашение подтверждает взаимное неприменение силы или угрозы силой и отказ от достижения одностороннего военного превосходства. Оно содержит положение о том, что вооруженные силы сторон, дислоцированные в районе границы, не будут использоваться для нападения на другую сторону. Соглашение предусматривает обмен информацией, ограничительные меры относительно масштабов войсковых учений, уведомление об определенной военной деятельности сторон, приглашение наблюдателей на военные учения и пр., а также основные направления сотрудничества между вооруженными силами и пограничными войсками сторон в районе границы.³³⁹

ⁱ По справедливому замечанию В. П. Лукина, подобный подход означал бы, помимо прочего, преувеличение значения НАТО и преуменьшение значения Китая для интересов национальной безопасности России. – См. *Проблемы Дальнего Востока*, № 3, 1997, с. 41.

Следует подчеркнуть, что предусмотренные Соглашением взаимные сокращения вооруженных сил в 100-км зоне по обе стороны от линии границы не затрагивают необходимый с точки зрения обеспечения обороноспособности России потенциал, не наносят ущерба национальной безопасности. МИД РФ подчеркивает, что Соглашение отражает тщательно выверенный баланс интересов в области национальной безопасности, просчитанный с военно-стратегической, природно-географической, исторической, политической, экономической и иных точек зрения.

По свидетельству Министерства обороны РФ, в указанной 200-км зоне не может возникнуть "вакуума силы", поскольку Соглашением установлены лишь предельные параметры по численности и вооружениям, строго соответствующие оборонным потребностям каждого из государств - участников Соглашения. Боеспособность российской дальневосточной группировки также не снизится, поскольку подобные параметры уже предусмотрены планами военной реформы ВС РФ.³⁴⁰ К тому же, Соглашение не предусматривает каких-либо изменений в дислокации войск и инфраструктуре войсковых группировок.

Так, Соглашение предусматривает сокращение сил сухопутных войск, фронтовой авиации и авиации ПВО, и не затрагивает стратегических компонентов российских Вооруженных Сил – Ракетных войск стратегического назначения, ВМФ, дальней авиации и ракетных частей ПВО. Не подлежат сокращению и силы Федеральной Пограничной службы – для них установлены предельные уровни по численности личного состава, количеству вооружений и боевой техники.

Указанные соглашения тем более значимы для национальной безопасности России, что к западу от ее границ обозначилась тенденция к усилению международной напряженности как следствие возможного расширения НАТО, хотя подписание 27 мая 1997 г. основополагающего акта о взаимоотношениях между Россией и НАТО создает предпосылки для продолжения конструктивного диалога. Рецидивы блоковой политики в Евроатлантическом регионе компенсируются ростом взаимного доверия и транспарентности в военной области в Восточной Азии.

Новым шагом на пути развития стратегического конструктивного партнерства России и КНР стал визит Президента РФ Б. Н. Ельцина в Китай в ноябре 1997 г. В подписанном по итогам визита совместном китайско-российском заявлении говорится, что отношения между двумя странами не направлены против какой-либо третьей стороны, и отмечается, что Китай и Россия не преследуют каких-либо гегемонистских или экспансионистских целей. Это существенно уточняет содержание концепции стратегического конструктивного партнерства, а также подтверждает приверженность сторон идеям и принципам, сформулированным в совместной Декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка.

Подтверждением нового качества российско-китайских отношений в сфере безопасности стало подписание в ходе визита соглашения о разграничении восточной части российско-китайской границы, предусматривающее завершение демаркации участка границы протяженностью 4300 км, и последующее совместное хозяйственное освоение некоторых территорий, при выводе за рамки договоренностей некоторых спорных участков, которые российская сторона считает стратегически важными территориями.

Достижение этой поистине исторической договоренности служит укреплению безопасности и стабильности в АТР и возможной моделью для урегулирования других территориальных споров в регионе.

Пятистороннее соглашение о мерах доверия в военной области, Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, а также Соглашение о разграничении восточной части российско-китайской границы явились принципиально важными шагами на пути к созданию всеобъемлющих режимов транспарентности и мер доверия в Северо-Восточной Азии и АТР.ⁱ Фактически создается беспрецедентная зона мира и стабильности в Азии протяженностью 7,5 тысяч километров. Указанные Соглашения могут служить моделью строительства иных режимов транспарентности в АТР, достижения регионального мира, безопасности и стабильности после окончания холодной войны.ⁱⁱ

Важное направление усилий российской дипломатии по строительству режимов безопасности в СВА и АТР - **участие в решении корейской проблемы и развитие отношений с двумя корейскими государствами**. Новые приоритеты России на Корейском полуострове могут состоять в следующем:

- ◆ Упрочение политической и военной стабильности, недопущение кризисных ситуаций и вооруженного конфликта в Корее.
- ◆ Поддержание сбалансированных отношений, налаживание взаимовыгодного сотрудничества России с КНДР и РК.
- ◆ Содействие конструктивному диалогу Севера и Юга, с перспективой создания единого миролюбивого корейского государства.
- ◆ Поиск взаимопонимания с США, Китаем и Японией для нахождения взаимоприемлемого решения международных аспектов корейской проблемы.³⁴¹

В этом контексте возрастает роль российско-южнокорейских отношений. Республика Корея постепенно становится все более весомым экономическим и политическим партнером России. Отношения с ней регулируются Договором 1992 г. об основах отношений между Россией и РК, который стал важным политическим и международно-правовым документом нового типа.

В России воспринимают Республику Корея как восходящий центр силы в Северо-Восточной Азии, роль которого в строительстве региональной безопасности на основе сотрудничества будет возрастать. Представители военно-политического и академического сообществ РК серьезно восприняли российские предложения по укреплению безопасности и сотрудничества в СВА и АТР, выразив готовность конструктивно обсуждать их.

Во время официального визита в Россию президента РК Ким Ен Сама в июне 1994 г. было принята Совместная Декларация глав двух государств, в которой Республика Корея обещала поддержать вступление России в АТЭС, а Россия подчеркнула важность совместных

ⁱ К этим документам следует добавить Соглашение о режиме границы между Россией и Китаем от 27 мая 1994 г., Соглашение о сотрудничестве между пограничными войсками России и Китая, а также ряд других документов, подписанных Китаем, Россией и 4 странами СНГ и касающихся сотрудничества в приграничных районах. - См. *Проблемы дальнего Востока*, № 4, 1997, с. 8.

ⁱⁱ Не случайно за Шанхайским соглашением последовало аналогичное Соглашение о мерах доверия в военной области вдоль линии фактического контроля в районах китайско-индийской границы, подписанное в ноябре 1996 г. Китаем и Индией.

усилий двух стран по формированию структур безопасности, взаимного доверия и взаимовыгодного сотрудничества в АТР в связи с Региональным форумом АСЕАН (встреча в Бангкоке в июле 1994 г.).

Президент РК дал высокую оценку предложению России о созыве международной конференции по безопасности и безъядерному статусу Корейского полуострова, с участием Китая, Японии, США, России, КНДР, РК, а также представителей ООН и МАГАТЭ.³⁴²

30 сентября 1995 года исполнилась 5-я годовщина установления дипломатических отношений между РК и Российской Федерацией. За этот сравнительно короткий срок сотрудничество двух стран достигло заметного развития во всех сферах. К этой годовщине был приурочен официальный визит в РК председателя правительства России В. С. Черномырдина.

В ходе визита, который проходил с 27 по 29 сентября 1995 года, российский премьер провел переговоры с президентом РК Ким Ен Самом и другими руководителями южнокорейского правительства, направленные на дальнейшее укрепление отношений между двумя странами. Была подписана Декларация о содействии развитию торгово-экономических и научно-технических отношений между правительством Республики Корея и правительством Российской Федерации.

Что касается российско-северокорейских отношений, то российская дипломатия осознала необходимость выправления отношений с Северной Кореей по всем направлениям, включая отношения безопасности. Пришло понимание того, что Россия, не способная сохранить свои отношения с КНДР, важным фактором структуры безопасности в СВА, не будет представлять интереса для международного сообщества как полезный партнер в этом регионе.³⁴³

Важным шагом на пути вовлечения КНДР в многосторонний диалог по проблемам региональной безопасности могло бы стать решение вопроса о модификации российско-северокорейского союзнического договора 1961 г. Статья договора о безусловном военном вмешательстве российской стороны в случае агрессии против КНДР могла бы быть дополнена специальным меморандумом с интерпретацией этого положения применительно к новым реалиям на Корейском полуострове, в Северо-Восточной Азии и АТР.

Россия по-прежнему способна использовать широкий спектр воздействия на военно-политическую ситуацию вокруг Корейского полуострова: быть активным миротворцем в конфликтной ситуации посредством созыва СБ ООН; оказывать посреднические услуги и проводить консультации с заинтересованными сторонами; участвовать в международных конференциях и международных инспекционных группах по урегулированию в Корее.

Другие, более непосредственные формы вовлеченности, могут предусматривать участие в миротворческих операциях путем направления в Корею военных наблюдателей, инструкторов, специалистов по обслуживанию российской техники, средств связи, медицинского персонала, контингентов вооруженных сил для предотвращения разрушения ядерных объектов и ядерного заражения приграничных российских территорий.³⁴⁴

Российско-японские отношения в контексте отношений безопасности в АТР продолжают оставаться проблемой российской дипломатии. Многолетний спор о принадлежности островов Курильской гряды не должен заводить в тупик двусторонние отноше-

ния и развитие диалога по вопросам субрегиональной и региональной безопасности. Важность подобного диалога была отмечена в Токийской Декларации о российско-японских отношениях, подписанной во время визита Президента Б. Ельцина в Японию в октябре 1993 г.

Как полагают российские эксперты, неправомерной и непродуктивной была бы любая интерпретация территориального вопроса, которая только затруднила бы его решение. Вопрос о южнокурильских территориях - это вопрос двусторонних отношений России и Японии, и только они вправе решать его между собой.

Пределы допустимого компромисса в решении указанного вопроса определяются тем, что гипотетически вынужденный отказ России от стратегически важного для нее свободного доступа к акватории Курильских островов означал бы нейтрализацию России как «центра силы» на Дальнем Востоке. Как следствие, расширилось бы геостратегическое пространство для военного присутствия третьих стран в непосредственной близости от восточных границ России. Это могло бы означать установление жесткого военно-морского контроля США и Японии над позиционными районами российских ПЛАРБ и маршрутами развертывания кораблей российского ТОФ в районы боевого предназначения.³⁴⁵

Вопрос о Курильских островах не должен мешать развитию двустороннего диалога и сотрудничеству в военной области. Обнадеживающими признаками активизации этого диалога явилось то, что в сентябре и ноябре 1994 г. Россия и Япония дважды провели совместные военно-морские учения.

В ноябре 1994 г. глава Бюро оборонной политики министерства обороны Японии Н. Мурата посетил Москву, для участия в Трехстороннем Форуме по проблемам безопасности в северной части Тихого океана. В январе 1995 г. японский министр обороны Т. Тамадзава посетил Москву с поистине историческим визитом - министры обороны двух стран впервые встретились за последние сто лет.

Подлинный прорыв в отношениях двух стран был достигнут в ходе «встречи без галстуков», состоявшейся в ноябре 1997 г. в Красноярске. Б. Ельцин и Р. Хасимото достигли договоренности о заключении до 2000 г. всеобъемлющего мирного договора между Россией и Японией. Был принят долгосрочный план развития японо-российских отношений в торгово-экономической и военно-политической областях (включая продолжение совместных военно-морских учений).

Одна из наиболее доступных и эффективных форм российского участия в строительстве международных режимов безопасности в АТР - **развитие военно-технического сотрудничества со странами региона**. Поставки российского оружия рассматриваются многими экспертами как фактический способ военного присутствия России в СВА и АТР и способ проекции российского влияния в регионе. Завоевание обширного азиатско-тихоокеанского рынка вооружений может иметь для РФ важное экономическое и геополитическое значение.

По оценкам российских экспертов, от 60 % до 70 % российского военного экспорта приходится на Китай и Индию. Другими крупными экспортёрами российского оружия являются Малайзия и Вьетнам. В ближайшей перспективе доля ЮВА в российском экспорте оружия увеличится, главным образом за счет перспективного индонезийского рынка.³⁴⁶

Наладив добрые политические отношения с динамично развивающимися странами АСЕАН, Россия впервые по крупному вышла и на их перспективный рынок вооружений.³⁴⁷

По своим масштабам и стратегическому значению для региона выделяется российско-китайское военно-техническое сотрудничество. По мнению экспертов, Россия продолжает оставаться для Китая основным источником приобретения современных систем вооружений и военных технологий.

По данным иностранной печати, Китай подписал ряд соглашений с Россией о продаже 24 истребителей СУ-27, а также перехватчиков МИГ-31, с учетом возможности сборки самолетов в Китае. Российская сторона предложила КНР сверхзвуковой бомбардировщик ТУ-22М с дальностью действия более 4 тыс. км и возможностями дозаправки в воздухе. Китай приобрел также российские комплексы ПВО С-300 и, возможно, приобретет несколько подводных лодок класса «Кило». Общий объем закупок в 1993 г. достиг 1 млрд. долл., сделав КНР крупнейшим импортером российского оружия.³⁴⁸

Вопрос о продажах российского оружия Китаю продолжает оставаться весьма чувствительным для стран региона, особенно в связи с тем, что заключаются сделки на поставку в КНР систем вооружения, которых у НОАК до того не было: дизельных подводных лодок класса «Кило» и зенитных ракетных комплексов С-300 ПМУ-1 дальнего радиуса действия, а также систем залпового огня «Смерч».

По официальным данным, выполнен контракт на поставку в Китай 26 истребителей СУ-27 и СУ-27 УБ. Стоимость сделки составила 1,4 млрд. долл., включая вооружение самолетов (управляемые ракеты класса «воздух-воздух» и пр.) и обучение персонала.³⁴⁹

Сообщается также, что КНР намерена произвести по российской лицензии до 150 перехватчиков СУ-27. Более 400 российских ученых - оборонщиков работают по контракту в военных организациях в Пекине и более 2000 - в КНР в целом.³⁵⁰

При этом международные обозреватели и эксперты все же отмечают, что Россия весьма осторожно относится к расширению масштабов военно-технического сотрудничества с Китаем, который имеет совместные проекты в военно-технической области с Пакистаном, Израилем, Ираном и ЮАР.

Развивая военно-техническое сотрудничество с КНР, Россия придерживается определенных принципов, заключающихся в ненадании ущерба собственной безопасности, соблюдении международных обязательств, ненадании сложившегося в регионе баланса сил, транспарентности военно-технических связей. Такое общее понимание отражено в межправительственном меморандуме КНР и РФ по военно-техническому сотрудничеству, подписанном в декабре 1992 г.³⁵¹

Быстрыми темпами развивается военно-техническое сотрудничество России с РК. Российское оружие которое Республика Корея закупит согласно договоренности с Россией, достигнутой в 1995 г., в стоимостном выражении немного превышает 200 млн. долл.³⁵²

С Южной Кореей заключены контракты на поставку многих образцов боевой техники, в том числе танков Т-80У и БМП-3. Вплоть до 1998 г. поставки будут осуществ-

ляться в счет погашения части задолженности бывшего СССР по ранее предоставленным кредитам.

Обсуждаются совместные российско-южнокорейские разработки новой энергетической системы подводных лодок и антенного оборудования радаров. Изучаются предложения корейской стороны по созданию нового поколения БМП, нового боевого самолета на базе СУ-27 и СУ-35, учебно-тренировочного истребителя на базе МИГ-АТ, перспективной боевой авиатехники на базе отечественных гидросамолетов и экранопланов.

Развивается и двусторонняя кооперация в сфере военных НИОКР. Осуществляются совместные проекты по созданию системы защиты от нестратегических баллистических ракет, разработке ЗРК средней дальности, усовершенствованию основных механизмов 155-мм самоходных установок корейского производства.³⁵³

Наибольшие перспективы открываются перед кооперацией российских военно-промышленных компаний с южнокорейскими и малайзийскими и, в более отдаленной перспективе, с индонезийскими и вьетнамскими.³⁵⁴ Вероятность установления такого партнерства зависит от двух факторов - финансовых ресурсов азиатско-тихоокеанского партнера и потенциальной угрозы безопасности России, которая может возникнуть по мере роста его военно-промышленного потенциала.ⁱ

Важность расширения военно-технического оружия со странами АТР обусловлена для России еще и тем, что экспортные заказы способствуют серийному производству того или иного вида вооружений для российской армии, поскольку авансовые платежи импортера позволяют произвести необходимые капиталовложения, а увеличение серийности производства снижает цену единицы вооружений, что увеличивает возможности Министерства обороны РФ по закупке техники для собственных нужд.

Типичным примером может служить заказ Индии на 40 единиц многофункциональных истребителей СУ-30 на сумму 1,8 млрд. долл. Контракт не только повысит шансы на заказ этого самолета российскими ВВС, но и позволит завершить научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по самолету. Таким образом, Индия финансирует не только производство, но и разработку новой боевой машины.³⁵⁵

* * *

Таким образом, в целом можно согласиться мнением о том, что российская политика в АТР за последние годы приобрела известный динамизм. Москва постепенно выравнивает свой внешнеполитический курс, делает его более сбалансированным и ориентированным на защиту национальных интересов, расширение сотрудничества в области безопасности на многостороннем и двустороннем уровне.³⁵⁶

Участие в строительстве региональных режимов безопасности требует от российской дипломатии определенной перестройки мышления и овладения современными поли-

---

ⁱ С этой точки зрения, российско-китайское военно-техническое сотрудничество вряд ли когда-либо выльется в создание совместных военно-промышленных компаний, в то время как Тайвань, например, в большей степени отвечает указанным критериям. - См. Пухов Руслан. ВПК осмысливает свои интересы. *Pro et Contra*, т. 2, № 3, лето 1997.с. 30.

тико-дипломатическими (прикладными) технологиями. Отход от всеохватных, но нереализуемых на практике инициатив в сторону более прагматичных и узко сфокусированных комплексных мероприятий является позитивной тенденцией в работе российского МИДа, которому, на взгляд автора, еще предстоит в полной мере овладеть механизмом “точной подстройки” при конструировании региональных механизмов безопасности и сотрудничества.

Статус России как ведущей ядерной державы, постоянного члена Совета Безопасности ООН, а также защита и продвижение национальных интересов РФ в сфере безопасности на азиатско-тихоокеанском направлении требуют безусловного участия страны в региональных режимах безопасности, - как в форме непосредственного присутствия, так и в роли балансира, арбитра и медиатора.

Наиболее перспективными способами российской вовлеченности в строительство региональных режимов безопасности следует признать *участие в укреплении регионально-го режима ядерного нераспространения и многосторонних переговорно-консультационных механизмов; обеспечение на должном уровне военного присутствия в АТР, прежде всего военно-морского; развитие двусторонних отношений со странами СВА и АТР по вопросам укрепления региональной безопасности и стабильности; дальнейшее участие в решении Корейской проблемы, а также развитие взаимовыгодного военно-технического сотрудничества со странами региона.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Окончание холодной войны привнесло качественно иное измерение в современную картину мироустройства, сделав ее более сложной и изменчивой. На смену эпохе биполярного противостояния пришли новые возможности строительства многополярного мира - и новые вызовы безопасности и стабильности.

Одно из условий продвижения к стабильному миру - скоординированность, «кооперативность» действий международного сообщества в урегулировании конфликтов, решении задач в области сокращения вооружения и мер военного доверия, укрепления гуманитарного и правового компонентов безопасности. Для того, чтобы стабилизировать позитивные результаты окончания холодной войны и сделать их необратимыми, нужна новая программа разоружения, безопасности и стабильности, обращенная в XXI век.ⁱ

На протяжении ряда лет ученые, эксперты и политики азиатско-тихоокеанских стран разрабатывают концепцию региональной безопасности на основе сотрудничества (Cooperative Security), нацеленную на формирование нового типа отношений безопасности в АТР. Осмысление основных постулатов этой концепции и их реализация в форме участия в региональных режимах безопасности будут способствовать выработке эффективных политических методов обеспечения интересов безопасности РФ в Азии.

Ни одно из государств АТР не считает многосторонние подходы к безопасности немедленной мерой для замены существующей здесь системы двусторонних военно-политических союзов. Почти все азиатские политики сходятся во мнении, что многосторонние механизмы региональной безопасности должны базироваться на весомом американской военной присутствии, подкрепленном крепкими и долгосрочными двусторонними отношениями безопасности.ⁱⁱ

Американское военное присутствие на обозримую перспективу останется определяющим элементом архитектуры региональной безопасности. Военные расходы США поддерживаются на уровне 1980г., апогея холодной войны, и с 1997 г. начинают увеличиваться.ⁱⁱⁱ Это мотивируется, в частности, необходимостью поддержания баланса сил и стабильного равновесия в Азиатско-тихоокеанском регионе.

У США и других азиатско-тихоокеанских стран существует сильная озабоченность ростом военного потенциала Китая и Японии. Это воспринимается как потенциальная угроза безопасности и стабильности. По некоторым данным, суммарные военные расходы Китая и Японии сравняются к 2010 г. с американскими. Даже при наличии гарантий безопасности со стороны США, Япония уже вышла на второе место в мире по размерам военного бюджета (после Соединенных Штатов).^{iv}

ⁱ Примаков Е. М. На горизонте - многополюсный мир. Международные отношения накануне XXI века: проблемы и перспективы. *Независимая газета*. 22 октября 1996 г.

ⁱⁱ *Япония и проблемы безопасности в АТР*. с. 140.

ⁱⁱⁱ *The Defense Monitor*. Vol. XXV, # 1, January 1996, p. 2.

^{iv} Ralph A. Cossa. Avoiding New Myths: US - Japan Security Relations. *Security Dialogue*, Vol. 28, # 2, June 1997. p. 222.

Р. Соломон, президент Института США по проблемам мира, бывший заместитель Госсекретаря США по делам Восточной Азии и Тихого океана, полагает, что территориальные и стратегические проблемы в американо-китайских отношениях могут привести к военной конфронтации двух стран в течение нынешнего десятилетия. По его мнению, основы взаимоотношений КНР и США, заложенные в Шанхайском коммюнике 1972 года, подверглись эрозии и нуждаются в обновлении.ⁱ

Тем не менее, Соединенные Штаты продолжают продвигать идею многосторонних механизмов региональной безопасности. Министр обороны Уильям Перри, выступая в феврале 1996 г. в Университете национальной обороны в Форт-Макнейре, выдвинул идею проведения встречи глав оборонных ведомств азиатско-тихоокеанских стран. Такие контакты, по его словам, способствовали бы созданию атмосферы доверия, взаимопонимания и сотрудничества в регионе.

У. Перри не уточнил, когда именно и где может состояться такая встреча, но выразил мнение, что за образец можно было бы принять программу НАТО «Партнерство во имя мира».ⁱⁱ

Практика последнего времени подтверждает, что традиционные двусторонние отношения в области военной безопасности продолжают укрепляться, и без опоры на них строительство международных режимов невозможно. Вместе с тем, только региональные режимы безопасности являются гарантией обеспечения стабильности в АТР и поддержания существующего баланса сил.

18 декабря 1995 г. было подписано соглашение об обороне между Австралией и Индонезией, обозначившее существенные сдвиги в политике обеих стран, особенно Индонезии - одного из традиционного лидеров движения неприсоединения.ⁱⁱⁱ Соглашение предусматривает более тесное сотрудничество в области военных обменов и совместного обучения, а также консультации «по поводу совместных ответов на внешние вызовы».

В рамках усилий по возрождению заключенного в 1951 г. пакта АНЗЮС Австралия разрешила пребывание американских войск и проведение совместных учений на своей территории. В мае 1996 г. министр обороны Австралии Ян Маклахлан объявил о том, что США смогут размещать в случае необходимости военную технику и снаряжение на территории Австралии.

В июле 1996 г. министр обороны США У. Перри провел в Австралии переговоры на высоком уровне, и впервые за многие годы около 2,5 тысяч американских морских пехотинцев приняли участие в совместных австрало-американских военных учениях на Северной Территории. Более масштабные учения (возможно, трехсторонние учения с участием Индонезии) запланированы на 1997 г.^{iv}

ⁱ *The United States and China into the 21st Century. An Asian Studies Center Symposium.* By Chas Freeman, Harvey Feldman, Harry Harding, and Richard Solomon. The Heritage Lectures, # 551. The Heritage Foundation. 1995. p. 14-16).

ⁱⁱ *Красная звезда*, 15 февраля 1996 г.

ⁱⁱⁱ Впервые после провозглашения независимости в 1945 г. Индонезия заключила соглашение об обороне с иностранным государством.

^{iv} *The Military Balance 1996/97*. p. 173.

В Декларации по итогам японо-американского саммита в апреле 1996 г. стороны отметили свое намерение координировать политику «в отношении ситуаций, которые могут возникнуть в прилегающих к Японии районах». Это интерпретируется как возможное сотрудничество в решении проблем Корейского полуострова, Тайваня и положения в Южно-Китайском море.

Декларация Клинтона - Хасимото в целом вызвала большой резонанс как в Азиатско-тихоокеанском регионе, так и за его пределами. Многие усмотрели в ней стремление расширить рамки двустороннего военного альянса как минимум до пределов субрегиона СВА, что могло бы представить угрозу интересам безопасности региональных держав.

Следует отметить, однако, что Совместная Декларация не предусматривает каких-либо конкретных совместных действий, а лишь отражает принципиальное согласие сторон координировать свои усилия в сфере региональной безопасности. Американские эксперты подчеркивают, что подобная модель взаимодополняемых отношений представляет собой кооперативное разделение труда в области обеспечения безопасности; она отнюдь не является наследием холодной войны, а, скорее, прообразом союзнических отношений будущего.ⁱ

В Обращении к народам Японии и США, подписанном в ходе визита, лидеры двух держав сообщили о своем намерении содействовать развитию многостороннего диалога по проблемам безопасности в рамках АРФ, а также реформированию ООН и в частности Совета Безопасности; в этом контексте США поддержали предложение о включении Японии в качестве дополнительного члена СБ ООН.ⁱⁱ

Еще одна заметная тенденция последнего времени - **развитие трансрегиональных отношений безопасности**, в частности, военно-политических контактов НАТО и Японии. Общим знаменателем является здесь активная вовлеченность США в обеспечение безопасности Евро-атлантического и Азиатско-тихоокеанского регионов. Речь идет не о создании некой иерархической «суперструктуры», а о поддержании постоянных рабочих контактов и обсуждении общих проблем международной безопасности.

Как отмечалось на Третьей конференции «НАТО - Япония» по вопросам безопасности, прошедшей в октябре 1994 г. в Брюсселе (это единственный открытый и авторитетный форум для обсуждения проблем трансрегиональной безопасности), трехстороннее сотрудничество в области безопасности Японии, США и Европы, в совокупности производящих более 70 % мирового ВВП, является важным элементом мировой стабильности.

Многие влиятельные политики и эксперты полагают, вслед за Я. Накасонэ, что следует стремиться к «перекрестной» увязке азиатско-тихоокеанских отношений безопасности и европейско-североамериканской системы безопасности.ⁱⁱⁱ Япония и Республика Корея участвуют в заседаниях ОБСЕ на правах наблюдателя. В декабре 1994 г. на Конферен-

---

ⁱ Ralph A. Cossa. *Avoiding New Myths: US - Japan Security Relations*. p. 224.

ⁱⁱ *Проблемы и потенциал устойчивого развития Китая и России в XXI веке*. Тезисы докладов VII Международной научной конференции «Китай. Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 25-27 сентября 1996 г.). М., 1996. Ч. 1. с. 182.

ⁱⁱⁱ Я. Накасонэ и др. *После «холодной войны» (Совместное исследование)*. М., Изд. гр. «Прогресс» - «Универс». 1993. с. 197.

ции ОБСЕ в Будапеште прозвучало предложение азиатским странам об оказании им помощи в создании партнерской организации по обеспечению безопасности в СВА и АТР.

Россия продолжает выступать на международной арене последовательным приверженцем многосторонних механизмов обеспечения международной безопасности. Как отмечается в представленном на обсуждение в рамках ОБСЕ *Меморандуме Российской Федерации о выработке всеобъемлющей модели европейской безопасности для XXI века* от 21 марта 1996 г., необходимо создание юридически закреплённой системы безопасности в зоне действия ОБСЕ.

Элементы такой системы могли бы включать координирующую роль этой организации в вопросах безопасности; создание Совета Безопасности ОБСЕ; утверждение неблокового подхода к вопросам контроля над вооружениями; выработку кодекса поведения в вопросах экономики, экологии и борьбы с терроризмом,ⁱ а также классификацию и оценку рисков и угроз безопасности и коллективного ответа на них, которые могли бы содержаться в Европейской Хартии безопасности (сравнимой по важности с Заключительным Актом Хельсинкского совещания 1975 г.).ⁱⁱ

Модель безопасности на основе сотрудничества получила дальнейшее развитие в *Основополагающем Акте о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между НАТО и РФ*, подписанном в Париже 27 мая 1997 г. В этом важном документе подчеркивается, что Североатлантический блок и Россия будут строить свои отношения на общей приверженности следующим принципам:

- ◆ развитие на основе транспарентности прочного, стабильного, долговременного и равноправного партнерства и сотрудничества с целью укрепления безопасности и стабильности в евроатлантическом регионе;
- ◆ признание жизненно важной роли, которую демократия, политический плюрализм, верховенство закона и уважение прав человека и гражданских свобод, а также развитие рыночной экономики играют в развитии общего процветания и всеобъемлющей безопасности;
- ◆ отказ от применения силы или угрозы силой друг против друга или против любого другого государства, его суверенитета, территориальной целостности или политической независимости любым образом, противоречащим Уставу ООН и содержащейся в хельсинкском Заключительном акте Декларации принципов, которыми государства - участники руководствуются во взаимных отношениях;
- ◆ уважение суверенитета, независимости и территориальной целостности всех государств и их права выбора путей обеспечения собственной безопасности, нерушимости границ и права народов на самоопределение, как это закреплено в хельсинкском Заключительном акте и других документах ОБСЕ;
- ◆ взаимная транспарентность в разработке и осуществлении оборонной политики и военных доктрин;

ⁱ Аналогичная концепция касательно военно-политических аспектов безопасности была принята на саммите ОБСЕ в Будапеште в 1994 г.

ⁱⁱ См.: Borawski, John. The OSCE: In Search of Cooperative Security. *Security Dialogue*. Vol. 27, # 4, December 1996. p. 402.

- ◆ предотвращение конфликтов и урегулирование споров мирными средствами в соответствии с принципами ООН и ОБСЕ;
- ◆ поддержка, в каждом конкретном случае, миротворческих операций, осуществляемых под руководством Совета Безопасности ООН или под ответственностью ОБСЕ.¹

Распространение полезного европейского опыта на Азию явилось бы значительным шагом вперед в создании многосторонних структур безопасности в АТР. Вместе с тем, сопоставление принципиальных основ системы безопасности в Евроатлантическом и Азиатско-тихоокеанском регионах позволяет заключить, что возникновение в АТР системы коллективной безопасности с жесткой иерархической структурой по-прежнему маловероятно. Оптимальным представляется создание более свободной системы региональных режимов безопасности.

* * *

Анализ функционирующих и складывающихся в АТР международных режимов безопасности приводит к следующим выводам:

Первое. Эволюция концепций региональной безопасности в АТР в 60-90-е гг. определялась рядом объективных и субъективных предпосылок, обусловивших ускоренный рост многополярности в СВА и Азиатско-тихоокеанском регионе. Это, в свою очередь, привело как США и их региональных союзников, так и КНР и Россию, правопреемницу СССР, к осознанию необходимости совместного обеспечения региональной безопасности - безопасности на основе сотрудничества.

На протяжении первой половины 90-х гг. совокупность двусторонних оборонительных альянсов постепенно дополнялась элементами многостороннего диалога по вопросам безопасности. Этот процесс заложил основы формирования в АТР и субрегионе Северо-Восточной Азии системы международных режимов безопасности.

Второе. Концепция региональной безопасности на основе сотрудничества, явившаяся адаптированным компромиссом теорий коллективной безопасности и реализма (баланса сил) в международных отношениях, реализуется в виде поэтапного многостороннего диалога, дополняющего двусторонние оборонительные союзы, гибкого по форме и составу участников, для обсуждения широкого спектра проблем безопасности и стабильности в СВА и АТР. Негласные, но устоявшиеся правила здесь - выработка повестки дня на основе консенсуса, многоуровневый подход, восхождение от простых форм диалога к более сложным.

Третье. В регионе складываются многосторонние режимы безопасности двух типов:

I. *Режимы транспарентности и мер доверия*, связанные преимущественно с информационно-коммуникационным обменом и обеспечением открытости и предсказуемости военной деятельности стран СВА и АТР.

¹ *Основополагающий Акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Организацией Североатлантического договора и Российской Федерацией.* НАТО - Россия. Заседание на высшем уровне. с. 4-5.

II. *Ограничительные режимы (режимы нераспространения)*, предусматривающие запрет или ограничения на определенные виды военной деятельности, производство или применение некоторых видов вооружений и средств вооруженной борьбы.

Четвертое. Существенная особенность и неотъемлемое условие функционирования региональных режимов безопасности - их взаимосвязанный и взаимодополняемый характер. Ни двусторонние отношения в области безопасности, ни многосторонние образования на субрегиональном и региональном уровне, ни соответствующие усилия ООН не могут и не должны противоречить друг другу или служить альтернативным способом укрепления безопасности. Лишь в своей совокупности они обеспечивают благоприятную среду для обеспечения безопасности в АТР.

Пятое. Статус России как ведущей ядерной державы, постоянного члена Совета Безопасности ООН, а также защита и продвижение национальных интересов РФ в сфере безопасности на азиатско-тихоокеанском направлении требуют безусловного участия страны в региональных режимах безопасности по всему их существующему спектру, - как в форме непосредственного присутствия, так и в роли балансира, арбитра и медиатора.

Вклад России в строительство международных режимов безопасности в АТР послужит не только защите и продвижению ее национальных интересов в сфере безопасности, но также укреплению стабильности и безопасности, мира и сотрудничества в Азиатско-тихоокеанском регионе и мире в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА 1

- ¹ Stephen J. Anderson. Japan and Regional Organizations. *Journal of East Asian Affairs*. Vol. 7, # 2, 1993. p. 511.
- ² Актуальные проблемы эволюции внешней политики КНР. *Информационный бюллетень ИДВ АН СССР*. М., 1989. с. 227.
- ³ *Япония и проблемы безопасности в АТР*. М., 1996. с. 229.
- ⁴ Стефашин В.В. Варианты развития военно-политической ситуации на Дальнем Востоке. *Проблемы Дальнего Востока*. # 1-2-3, 1992. с. 61.
- ⁵ *Проблемы Дальнего Востока*. # 3, 1995. с. 6.
- ⁶ *Проблемы Дальнего Востока*. # 6, 1992. с. 3.
- ⁷ *Система, структура и процесс развития современных международных отношений*. М., 1984. с. 363.
- ⁸ Kenneth Waltz. International Structure, National Force, and the Balance of Power. *Journal of International Affairs*. Vol. 21, # 2, 1967. p. 220.
- ⁹ Park Seon Seop. Is a Joint Security System Possible? *East Asian Review*. Vol. 5, # 3, 1993. p. 4.
- ¹⁰ Tow William T. Reshaping Asian-Pacific Security. *Journal of East Asian Affairs*. Vol. VIII, # 1. Winter-Spring 1994. p.130.
- ¹¹ См. напр. Lee Seo Hang. Peace and Stability in Northeast Asia. *East Asian Review*. Vol. VII, # 2. 1995. p. 7.
- ¹² См. напр. Lee Seo Hang. Peace and Stability in Northeast Asia. *East Asian Review*. Vol. VII, # 2. 1995. p. 7.
- ¹³ Skak, Mette. Post-Soviet Foreign Policy: The Emerging Relationship between Russia and Northeast Asia. *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. VII, # 1. Summer/Fall 1993. p. 141.
- ¹⁴ North, Robert C. *War, Peace, Survival: Global Politics and Conceptual Synthesis*. p. 143.
- ¹⁵ Я. Накасонэ и др. *После "холодной войны" (Совместное исследование)*. М., Изд. гр. "Прогресс" - "Универс". 1993. p. 199.
- ¹⁶ S. J. Anderson. Japan as an Activist State in the Pacific Basin: Japan and Regional Organizations. *Journal of East Asian Affairs*. Vol. 7, # 2, 1993. p. 519-520.
- ¹⁷ Myung Hyun Cho. *Korea and the Major Powers*. p. 236.
- ¹⁸ Азиатско-тихоокеанский регион: Тенденции перемен и новые вызовы. *Информационные материалы Института Дальнего Востока РАН*. М., 1992. с. 20.
- ¹⁹ Amos A. Jordan, William J. Taylor, and Lawrence J. Korb. *American National Security: Policy and Process* (Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, Third Edition, 1989). p. 75.
- ²⁰ Бунин В.Н. *Япония в военно-политической стратегии США в АТР (80-90-е годы)*. ИДВ АН СССР. М., 1991. Часть I. с. 89.
- ²¹ Chang David W. China's Foreign Policy in Multi-Polar Asia Today. *Asian Forum*. Vol. 5, # 2, April/June 1973. p. 1.
- ²² Бунин В. Н. Япония в процессе формирования новой модели безопасности в СВА. *Информационный бюллетень № 10. ИДВ РАН*. М., 1994. с. 109-110.
- ²³ См. напр. *Известия*, 29 мая 1969 г.
- ²⁴ Титаренко М. Л. *Россия и Восточная Азия. Вопросы международных и межкультурных отношений*: Сборник. М., "Кучково поле". 1994. с. 101.
- ²⁵ *Проблемы мира, безопасности и сотрудничества в АТР и на Дальнем Востоке*. Материалы второго советско-американского симпозиума. Алма-Ата, 23-25 июня 1988 г. ИБ ИДВ АН СССР. М.1989. с. 22.
- ²⁶ *Правда*, 24 марта 1986 г.

-
- ²⁷ Нодон Синмун, 9 сентября 1986 г.
- ²⁸ *Проблемы мира, безопасности и сотрудничества в АТР и на Дальнем Востоке.* с. 14-15.
- ²⁹ Титаренко М. Л. *Россия и Восточная Азия.* с. 176-181.
- ³⁰ Ук. соч., с. 116.
- ³¹ Ук. соч. с. 99.
- ³² *Визит Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачева в Китайскую Народную Республику. 15-18 мая 1989 г. Документы и материалы.* М., 1989. с. 26.
- ³³ *Проблемы мира, безопасности и сотрудничества в АТР и на Дальнем Востоке.* с. 57.
- ³⁴ Титаренко М. Л. Ук. соч., с. 97-98.
- ³⁵ Ким Сок Кю. *Мир и стабильность в Северо-Восточной Азии (Многосторонний диалог в СВА).* - Канд. дисс. М., 1996.с. 42, 51.
- ³⁶ *China: Friend or Enemy ?* By Hon. Barbara Hackman Franklin. The Heritage Lectures, # 566. The Heritage Foundation. 1996. с. 8
- ³⁷ См. James A. Baker, III. America in Asia: Emerging Architecture for a Pacific Community. *Foreign Affairs* (Winter 1991/1992), p. 1-18.
- ³⁸ *Newsweek*, May 24, 1993, p. 41.
- ³⁹ Tow William T. Reshaping Asian-Pacific Security. p. 91.
- ⁴⁰ Бунин В. Н. Япония в процессе формирования новой модели безопасности в СВА. с. 139.
- ⁴¹ Tow William T. Reshaping Asian-Pacific Security. p. 95.
- ⁴² *A US Strategy for the Asia-Pacific.* Douglas T. Stuart, William T. Tow. Adelphi Paper 299. December 1995. p. 8.
- ⁴³ Mark T. Clark. The Trouble with Collective Security. *Orbis.* Spring 1995. p. 245-246.
- ⁴⁴ Carl W. Ford, Jr. *Cooperative Security and East Asia.* The 1st Northeast Asia Defense Forum. KIDA, Seoul, Korea. November 3-5, 1993. p. 5-6.
- ⁴⁵ *A US Strategy for the Asia-Pacific.* Adelphi Paper 299. p. 11.
- ⁴⁶ Makoto Kawanago. *Regional Security and Japan.* The 1st Northeast Asia Defense Forum. KIDA, Seoul, Korea. November 3-5, 1993. p. 5.
- ⁴⁷ Young-Koo Cha and Bon-Hak Koo. *Multilateral Confidence-Building Measures in Northeast Asia.* The 1st Northeast Asia Defense Forum. KIDA, Seoul, Korea. November 3-5, 1993. p. 3.
- ⁴⁸ *A US Strategy for the Asia-Pacific.* Adelphi Paper 299. p. 16.
- ⁴⁹ *Restoring American Leadership: A U.S. Foreign and Defense Policy Blueprint.* Ed. By Kim R. Holmes and Thomas G. Moore. Heritage Foundation. 1996. p. 52.
- ⁵⁰ *Entering the Pacific Century.* By Senator Jesse Helms. The Heritage Lectures, # 562. The Heritage Foundation. 1996. p. 19.
- ⁵¹ Eugene Brown. Japanese Security Policy in the Post-Cold War World: Threat Perceptions and Strategic Options. *The Journal of East Asian Affairs.* Vol. 7, # 2. 1994. p. 350-351.
- ⁵² Makoto Kawanago. *Regional Security and Japan.* The 1st Northeast Asia Defense Forum. KIDA, Seoul, Korea. November 3-5, 1993. p. 6.
- ⁵³ *Economist*, December 02-08, 1995. p. 63.
- ⁵⁴ Санкэй симбун, 17 октября 1997 г.
- ⁵⁵ Жэньминь жибао, 10 апреля 1985 г.
- ⁵⁶ Бунин В. Н. Япония в процессе формирования новой модели безопасности в СВА. с. 212.
- ⁵⁷ Титаренко М. Л. *Россия и Восточная Азия.* с. 188.
- ⁵⁸ Жэньминь жибао, 31 января 1995 г.
- ⁵⁹ *The Economist*, December 2-8, 1995, p. 64.

-
- ⁶⁰ Parris H. Chang. Forging Security Cooperation in Asian-Pacific Region: A Taiwan Perspective. *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. IX, # 2, 1995. p. 396-398.
- ⁶¹ *Global Cooperation for Freedom and Human Rights*. 25th WLFDD Conference Proceedings. Berlin, Germany. October 22-25, 1993. Published by Office of the WLFDD President, Taipei, Taiwan, Republic of China. 1994. p. 229.
- ⁶² *The United States and China into the 21st Century*. An Asian Studies Center Symposium. By Chas Freeman, Harvey Feldman, Harry Harding, and Richard Solomon. The Heritage Lectures, # 551. The Heritage Foundation. 1995. p. 4-6
- ⁶³ *Regional Security and Economic Cooperation*. International Academic Symposium. Published by World League for Freedom and Democracy Republic of China Chapter. Taipei, Taiwan, ROC. January 14, 1993. c. 22
- ⁶⁴ Япония и проблемы безопасности в АТР. с. 154.
- ⁶⁵ John R. Faust. East Asia's Emerging Security System. *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. VIII, # 1, Winter/Spring 1994. p. 80.
- ⁶⁶ Seung-Keun Rhee. The Role of Northeast Asian Security Cooperation and Future Global Peace. *The First Northeast Asia Defense Forum*. KIDA, Seoul, Korea. Nov. 3-5, 1993. p. 9.
- ⁶⁷ Young-Koo Cha and Bon-Hak Koo. *Multilateral Confidence-Building Measures in Northeast Asia*. The 1st Northeast Asia Defense Forum. KIDA, Seoul, Korea. November 3-5, 1993. p. 8.
- ⁶⁸ Jeong Woo Kil. Building Peace on the Korean Peninsula: In Search of a Multi-Dimensional Approach. *The Korean Journal of National Unification*. Vol. 1, 1992. p. 47.
- ⁶⁹ Park Seon Seop. Is A Joint Security System in North East Asia Possible? *East Asian Review*. Vol. V, # 3. Autumn 1993. p. 26.
- ⁷⁰ Young-Sun Song. *The Architecture of Multilateral Security Cooperation in Northeast Asia: ROK's Perspectives*. The 1st Northeast Asia Defense Forum. KIDA, Seoul, Korea. November 3-5, 1993. p. 13.
- ⁷¹ *The Korea Herald*, May 11, 1994.
- ⁷² *Backgrounder*. Korean Overseas Information Service. Vol. 118. July 10, 1993. p. 10-11.
- ⁷³ Ким Сок Кю. Мир и стабильность в Северо-Восточной Азии (Многосторонний диалог в СВА). с. 73.
- ⁷⁴ Simon Duke. Northeast Asia and Regional Security. *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. IX, # 2. 1995. p. 349.
- ⁷⁵ Нодон Синмун, 13 марта 1993 г.
- ⁷⁶ Цит. по: Ким Сок Кю. Мир и стабильность в Северо-Восточной Азии (Многосторонний диалог в СВА). с. 73-75.
- ⁷⁷ См. *Korean Perspective on Confidence and Security-Building*. The DPRK Institute for Disarmament and Peace. The UN Regional Meeting on Confidence-Building Measures in the Asia-Pacific Region, Kathmandu, Nepal, January 29-31, 1990.
- ⁷⁸ Simon Duke. Northeast Asia and Regional Security. p. 373-375.
- ⁷⁹ Lacy, James L. *Within and Beyond Naval Confidence Building: The Legacy and the Options*. The RAND Corp., Santa Monica CA, 1991. p. 4.
- ⁸⁰ *Superpower Military Presence and the Security of Southeast Asia*. Workshop Report. ASEAN-ISIS Monitor. Bangkok, May 10-13, 1990.
- ⁸¹ *Разоружение*, Том XVIII, № 2, 1995, с. 186.
- ⁸² *Проблемы Дальнего Востока*, № 3, 1995. с. 40.

ГЛАВА 2

- ⁸³ *Политологический словарь*. Под ред. Мигولاتьева А.А. М., "Луч", 1994. Ч. I. с. 38-41.
- ⁸⁴ Karl W. Deutsch, et. al., *Political Community and the North Atlantic Area* (Princeton: Princeton University Press, 1957).

-
- ⁸⁵ Goodby, James. *Disarmament and Security Issues in the Asia-Pacific Region*. United Nations Department for Disarmament Affairs. United Nations. New York, 1992. p. 77.
- ⁸⁶ *Reflections on U. S. - Asia Relations*. By Henry Kissinger. The Heritage Lectures, # 520. The Heritage Foundation. 1995. c. 1-2.
- ⁸⁷ Hans J. Morgenthau, *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*, 6th ed. New York, 1985, p. 315.
- ⁸⁸ Mark T. Clark. *The Trouble with Collective Security*. p. 240-241.
- ⁸⁹ *Ibid*, p. 244.
- ⁹⁰ Madeleine K. Albright. The New Opportunity to Build a Collective Security System. *Foreign Policy Bulletin*, July/Aug. 1993, p. 65-66.
- ⁹¹ Цит. По: Mark T. Clark. *The Trouble with Collective Security*. p. 246-247.
- ⁹² Цит. по: Park Seon Seop. Is A Joint Security System in North East Asia Possible? *East Asian Review*. Vol. V, # 3. Autumn 1993. p. 18-19.
- ⁹³ Ingvar Carlsson. Roles for the UN in International Security after the Cold War. *Security Dialogue*. Vol. 26, # 1. March 1995. p 14.
- ⁹⁴ *The United States and China into the 21st Century*. An Asian Studies Center Symposium. By Chas Freeman, Harvey Feldman, Harry Harding, and Richard Solomon. The Heritage Lectures, # 551. The Heritage Foundation. 1995. p. 10.
- ⁹⁵ *Этап за глобальным. Либеральный национализм во внешней политике России*. Доклад независимой группы экспертов. Изд. 2-е. Российский Научный Фонд. М., 1994., с. 17-21.
- ⁹⁶ Там же, с. 21.
- ⁹⁷ Lee Min-Yong. Building Security Regimes in Northeast Asia. *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. IX, # 1. 1995. p. 72.
- ⁹⁸ Carl W. Ford, Jr. *Cooperative Security and East Asia*. The 1st Northeast Asia Defense Forum. KIDA, Seoul, Korea. November 3-5, 1993. p. 2.
- ⁹⁹ Keohane, Robert O. *After Hegemony. Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton University Press. 1984. p. 57.
- ¹⁰⁰ North, Robert C. *War, Peace, Survival: Global Politics and Conceptual Synthesis*. Boulder: Westview Press. 1990. p. 147.
- ¹⁰¹ *Ibid.*, p. 59.
- ¹⁰² Charles Lipson. International Cooperation in Economic and Security Affairs. *Neorealism and Neoliberalism: The Contemporary Debate*. David A. Baldwin, Ed. Columbia University Press. New York. 1993. p. 76.
- ¹⁰³ *Политологический словарь*. Под ред. Мигولاتьева А.А. с. 36.
- ¹⁰⁴ E. H. Carr. *The Twenty Year's Crisis. 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations*. London, 1939. - Цит. по: *Neorealism and Neoliberalism: The Contemporary Debate*. p. 270.
- ¹⁰⁵ North, Robert C. *War, Peace, Survival: Global Politics and Conceptual Synthesis* p. 144.
- ¹⁰⁶ *Ibid*. p. 146.
- ¹⁰⁷ Я. Накасонэ и др. *После "холодной войны" (Совместное исследование)*. М., Изд. гр. "Прогресс" - "Универс". 1993., с. 196.
- ¹⁰⁸ Keohane, Robert O. *After Hegemony. Cooperation and Discord in the World Political Economy*. p. 54.
- ¹⁰⁹ *Ibid*. p. 51-52.
- ¹¹⁰ *Ibid*. p. 12-13.
- ¹¹¹ Arthur Stein. Coordination and Collaboration: Regimes in an Anarchic World. *Neorealism and Neoliberalism: The Contemporary Debate*. p. 46.
- ¹¹² *Этап за глобальным. Либеральный национализм во внешней политике России*. Доклад независимой группы экспертов. Изд. 2-е. Российский Научный Фонд. М., 1994. с. 7.
- ¹¹³ Charles A. Kupchan and Clifford A. Kupchan. *The Promise of Collective Security*. p. 57.

-
- ¹¹⁴ Lee Seo Hang. Peace and Stability in Northeast Asia. *East Asian Review*. Vol. VII, # 2. 1995. p. 11.
- ¹¹⁵ Wutang Zhang. Security Situation in Northeast Asia and the Prospects of Security Cooperation. *The 1st Northeast Asia Defense Forum*. KIDA, Seoul, Korea. November 3-5, 1993. p. 10-11.
- ¹¹⁶ *Sino-Soviet Affairs*. Vol. XVIII, # 2, Summer 1994. p. 28.
- ¹¹⁷ *A US Strategy for the Asia-Pacific*. Douglas T. Stuart, William T. Tow. Adelphi Paper 299. December 1995. p. 23-27.
- ¹¹⁸ *The United States and China into the 21st Century*. An Asian Studies Center Symposium. By Chas Freeman, Harvey Feldman, Harry Harding, and Richard Solomon. The Heritage Lectures, # 551. The Heritage Foundation. 1995. p. 4.
- ¹¹⁹ *Китайская Народная Республика в 1993-1994 г. Политика, экономика, культура*. М., 1995. с. 293.
- ¹²⁰ *The United States and China into the 21st Century*. An Asian Studies Center Symposium. p. 9-10.
- ¹²¹ Simon Duke. Northeast Asia and Regional Security. *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. IX, # 2. 1995., p. 384.
- ¹²² Desmond Ball. *Building Blocks for Regional Security*. Canberra Papers on Strategy and Defense, # 83, 1991. p. 4.
- ¹²³ Бунин В. Н. Япония в процессе формирования новой модели безопасности в СВА. *Информационный бюллетень № 10. ИДВ РАН*. М., 1994. с. 175-176.
- ¹²⁴ Kim Kook Chin. An Approach to Multilateral Security Regime in Northeast Asia - With a Focus on the South Korean Perspective. *East Asian Review*. Vol. 6, # 4. 1994. p. 11-13.
- ¹²⁵ Lee Min-Yong. Building Security Regimes in Northeast Asia. p. 81-83.
- ¹²⁶ Ibid. p. 84.

ГЛАВА 3

- ¹²⁷ *Program of Strengthening Security and Reducing the Risk of War in the Asian-Pacific Region*. A Special Report of the Center for International Security and Arms Control. Stanford University. March 1988. p. 13-14.
- ¹²⁸ Aabha Dixit. India-Pakistan. Are Commonly Accepted Confidence-building Structures Relevant? *Security Dialogue*. # 2, 1995. p. 193.
- ¹²⁹ Johan Jorgen Holst. Confidence-Building Measures: A Conceptual Framework. *Survival*. January/February 1983. Vol. XXV, # 1, p. 2.
- ¹³⁰ *Красная Звезда*, 27 сентября 1995 г.
- ¹³¹ Roger Barnett. *Naval Arms Control: Hope, Faith, and Parity*. National Security Research (Corp.) October 14, 1990. p. 14.
- ¹³² Young-Koo Cha and Bon-Hak Koo. *Multilateral Confidence-Building Measures in Northeast Asia*. The 1st Northeast Asia Defense Forum. KIDA, Seoul, Korea. November 3-5, 1993. p. 15-16.
- ¹³³ Luo Renshi. On the Ways of and China's Efforts in Increasing Transparency in the Asia-Pacific Region. *International Strategic Studies*, # 4, December 1995. p. 11-13.
- ¹³⁴ Rex Li. China and Asia-Pacific Security in the Post-Cold War Era. *Security Dialogue*. # 3, 1995. p.339.
- ¹³⁵ Young-Koo Cha and Bon-Hak Koo. *Multilateral Confidence-Building Measures in Northeast Asia*. p. 14.
- ¹³⁶ *Япония и проблемы безопасности в АТР*. М., 1996. с. 236.
- ¹³⁷ Choe Young. Arms Reduction Problem in South and North Korea and Confidence Building Measures. *East Asian Review*. Vol. 1, # 2, Summer 1989. p. 56-57.
- ¹³⁸ Jozeph Goldblat. *Arms Control: A Guide to Negotiations and Agreements*. Oslo, 1994, p. 3.
- ¹³⁹ *Красная Звезда*, 27 сентября 1995.
- ¹⁴⁰ Джозеф ди Кьяро III. Концепция регионального подхода в связи с Регистром: Региональные дополнения к глобальной инициативе. *Разоружение*, т. XVII, № 1, 1994. с. 130.

-
- ¹⁴¹ *Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного Суда*. Департамент Общественной Информации ООН. 1994. с. 35-36.
- ¹⁴² Edward C. Luck. Layers of Security. Regional Arrangements, the United Nations, and the Japanese-American Security Treaty. *Asian Survey*. Vol. 35, # 3, March 1995. p. 239, 243-252.
- ¹⁴³ *Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного Суда*. с. 36-37.
- ¹⁴⁴ Кортунов А. В. *Россия и реформы ООН*. Российский Научный Фонд. М., 1995. с. 99.
- ¹⁴⁵ Simon Duke. Northeast Asia and Regional Security. *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. IX, # 2. 1995. p. 351.
- ¹⁴⁶ Mark T. Clark. The Trouble with Collective Security. *Orbis*. Spring 1995. p. 254.
- ¹⁴⁷ Кортунов А. В. *Россия и реформы ООН*. с. 107-108.
- ¹⁴⁸ Ким Сок Кю. *Мир и стабильность в Северо-Восточной Азии (Многосторонний диалог в СВА)*. - Канд. дисс. М., 1996. с. 32-33.
- ¹⁴⁹ Young-Sun Song. *The Architecture of Multilateral Security Cooperation in Northeast Asia: ROK's Perspectives*. The 1st Northeast Asia Defense Forum. KIDA, Seoul, Korea. November 3-5, 1993. p. 14.
- ¹⁵⁰ A. Walter Dorn. Keeping Tabs on a Troubled World. UN Information-Gathering to Preserve Peace. *Security Dialogue*. Vol. 27, # 3, September 1996. p. 272-276.
- ¹⁵¹ *The Military Balance 1996/97*. The International Institute for Strategic Studies. Oxford University Press. London, October 1996. p. 171.
- ¹⁵² *Increasing the Availability and Effectiveness of Non-U.S. Forces for Peace Operations*. By Preston Niblack, Thomas S. Szayna, John Bordeaux. National Defense Research Institute. RAND, 1996. p. 3.
- ¹⁵³ *The Defense Monitor*, Vol. 25, # 1, January 1996, p. 3.
- ¹⁵⁴ Кортунов А. В. *Россия и реформы ООН*. с. 23-24, 49-50.
- ¹⁵⁵ Там же, с. 51.
- ¹⁵⁶ Карасин Г. Россия и Китай на пороге тысячелетия. *Международная жизнь*, № 6, 1997. с. 15.
- ¹⁵⁷ Подробнее см. *Проблемы Дальнего Востока*, № 2, 1994, с. 18.
- ¹⁵⁸ Болятко А. В. *На пути регламентации военной деятельности*. Информационный бюллетень № 3. ИДВ РАН. М., 1996. с. 14, 24-25.
- ¹⁵⁹ См. напр.: U.S.-Soviet Cooperation and the New Structure of International Relations in Northeast Asia: A Special Report of the Center for International Security and Arms Control. August 1991. p. 12.
- ¹⁶⁰ *NATO Review*, May 1995, p. 29.
- ¹⁶¹ *The Military Balance 1996/97*, p. 170.
- ¹⁶² *Regional Security and Economic Cooperation*. International Academic Symposium. Published by World League for Freedom and Democracy Republic of China Chapter. Taipei, Taiwan, ROC. January 14, 1993. p. 64.
- ¹⁶³ Jang Seop Oh. South Korea's Northern Policy and Peace in Northeast Asia. *The Role of the Soviet Union and South Korea for the Peace Settlement of the Northern Asia in the 21st Century*. Prepared for the Korean-USSR Friendship Association Conference of Institute of Far Eastern Studies Academy of Sciences of the USSR, Moscow, Feb. 25-27, 1991. p. 20-21.
- ¹⁶⁴ Ким Сок Кю, ук. соч., с. 55.
- ¹⁶⁵ *Adelphi Papers 299*, p. 50.
- ¹⁶⁶ *Restoring American Leadership: A U.S. Foreign and Defense Policy Blueprint*. Ed. By Kim R. Holmes and Thomas G. Moore. Heritage Foundation. 1996. p. 54.
- ¹⁶⁷ *Adelphi Papers 299*, p. 55.
- ¹⁶⁸ *An Era of Reconciliation and Cooperation Begins*. National Unification Board. Republic of Korea. 1992. p. 38.
- ¹⁶⁹ *Adelphi Papers 299*, p. 53.
- ¹⁷⁰ Титаренко М. Л. *Россия и Восточная Азия. Вопросы международных и межцивилизационных отношений*. с. 169, 178.

-
- ¹⁷¹ Fitzpatrick, Mark T. Why Japan and the United States Will Welcome Korean Unification. *Korea and World Affairs*. Vol. XV, # 3. Fall 1991. p. 426-427.
- ¹⁷² *Korea Herald*, April 17, 1996.
- ¹⁷³ *East Asian Review*, Vol. 8, # 2, Summer 1996, p. 38.
- ¹⁷⁴ Подробнее об этом см.: Степанов Е. Д. *Правовые аспекты территориальных споров в Южно-Китайском море*. ИДВ РАН. М., 1997.
- ¹⁷⁵ *Entering the Pacific Century*. By Senator Jesse Helms. The Heritage Lectures, # 562. The Heritage Foundation. 1996. p. 9
- ¹⁷⁶ Regional Security and Economic Cooperation. International Academic Symposium. p. 60.
- ¹⁷⁷ *The Military Balance 1996/97*. p. 171-172.
- ¹⁷⁸ Ross, Robert S. The 1996 Taiwan Strait Crisis. Lessons for the United States, China, and Taiwan. *Security Dialogue*. Vol. 27, # 4, December 1996. p. 467.
- ¹⁷⁹ *Restoring American Leadership: A U.S. Foreign and Defense Policy Blueprint*. p. 285.
- ¹⁸⁰ *Internationale Politik*, № 6, 1997, с. 17.
- ¹⁸¹ *The Military Balance 1996/97*. p. 173.
- ¹⁸² Young-Koo Cha and Bon-Hak Koo. *Multilateral Confidence-Building Measures in Northeast Asia*. p. 5.
- ¹⁸³ Lee Choon Kun. Causes of Tension in Northeast Asia and the Arms Race There. *East Asian Review*. Vol. VII, # 2. 1995. p. 32.
- ¹⁸⁴ *Aerospace*, August 1991, p. 22.
- ¹⁸⁵ *Adelphi Papers* 299, p. 13.
- ¹⁸⁶ *Adelphi Papers* 299, p. 58.
- ¹⁸⁷ Nikolai N. Amelko. Naval Arms Reduction: Prospects and Difficulties. In: Kim Yu Nam Ed.; *Soviet Russia, North Korea, and the South Korea in the 1990s*. Nuclear Issues and Arms Control in and around the Korean Peninsula. Dankook Univ. Press, 1992. p. 96.
- ¹⁸⁸ James A. Winnefeld. An American View of Prospects for Naval Arms Control in the Pacific. *Soviet Russia, North Korea, and South Korea in the 1990s*. p. 114-115.
- ¹⁸⁹ Скаридов А.С. *Военно-морское сотрудничество России со странами Северо-Восточной Азии и северной части Тихоокеанской зоны - реальность и перспективы* (по опыту работы офицеров ВМС Китая, США, Японии и ВМФ России в Стэнфордском университете (США)). с. 1.
- ¹⁹⁰ Паньков В. Д. Фумио Ота. У. Морлэнд. Сотрудничество флотов в Азиатско-тихоокеанском регионе: взгляд в будущее. *Морской сборник*, № 5, 1993. с. 12.
- ¹⁹¹ Там же.
- ¹⁹² Там же, с. 14.
- ¹⁹³ *Разоружение*, Том XVIII, № 2, 1995, с. 95.
- ¹⁹⁴ *Красная Звезда*, 29 сентября 1995 г.
- ¹⁹⁵ *Сегодня*, 7 мая 1993 г.
- ¹⁹⁶ *Strategic Survey 1993-1994*, p. 44.
- ¹⁹⁷ Ким Сок Кю, ук. соч., с. 21.
- ¹⁹⁸ Rex Li. China and Asia-Pacific Security in the Post-Cold War Era. p.337.
- ¹⁹⁹ Ким Сок Кю, ук. соч., с. 58.
- ²⁰⁰ Xu Yimin. The Strategic Situation in East Asia and China's Place and Role. *International Strategic Studies*, # 1, March 1996, p. 23.
- ²⁰¹ *China: Arms Control and Disarmament*. Information Office of the State Council of the People's Republic of China. November 1995, Beijing. p. 13.

-
- ²⁰² *The United States and China into the 21st Century*. An Asian Studies Center Symposium. By Chas Freeman, Harvey Feldman, Harry Harding, and Richard Solomon. The Heritage Lectures, # 551. The Heritage Foundation. 1995. p. 7
- ²⁰³ *The Military Balance 1996/97*. p. 174.
- ²⁰⁴ *Разоружение*, т. XVII, № 1, 1994. с. 172.
- ²⁰⁵ William E. Odom. *Trial After Triumph. East Asia After the Cold War*. Hudson Institute. Indianapolis, Indiana. 1992. p. 133.
- ²⁰⁶ *Restoring American Leadership: A U.S. Foreign and Defense Policy Blueprint*. p. 54.
- ²⁰⁷ Parris H. Chang. Forging Security Cooperation in Asian-Pacific Region: A Taiwan Perspective. *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. IX, # 2, 1995. p. 392.
- ²⁰⁸ *Regional Security and Economic Cooperation*. p. 29.
- ²⁰⁹ Luo Renshi. On the Ways of and China's Efforts in Increasing Transparency in the Asia-Pacific Region. p. 13.
- ²¹⁰ *Разоружение*, т. XVII, № 1, 1994. с. 166-167.
- ²¹¹ Parris H. Chang. Forging Security Cooperation in Asian-Pacific Region: A Taiwan Perspective. p. 391.
- ²¹² Simon Duke. Northeast Asia and Regional Security. p. 328.
- ²¹³ *Разоружение*, т. XVII, № 1, 1994. с. 162.
- ²¹⁴ Там же, с. 178.
- ²¹⁵ *The Military Balance 1996/97*. p. 289.
- ²¹⁶ *Разоружение*, т. XVII, № 1, 1994. с. 16.
- ²¹⁷ Там же, с. 138, 162.
- ²¹⁸ Там же, с. 128-129.
- ²¹⁹ *The Military Balance 1996/97*. p. 289.
- ²²⁰ *Япония и проблемы безопасности в АТР*. с. 149.

Глава 4

- ²²¹ Леонард К. Спектор. *Нео-нераспространение*. Московский Центр Карнеги, 1995. с. 8.
- ²²² Бутрос Бутрос-Гали. *Организация Объединенных Наций и нераспространение ядерного оружия*. Информационный Центр ООН. М., 1995. с. 25.
- ²²³ *Российская газета*, 29 марта 1995 г.
- ²²⁴ *Известия*, 12 апреля 1995 г.
- ²²⁵ 1995 Review and Extension Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. New York, 17 April - 12 May 1995. *Security Dialogue* 1995. Vol. 26(2), p. 235-238.
- ²²⁶ Ronald Walker. Nuclear Disarmament: Zero and How To Get There. *Security Dialogue*, Vol. 28, # 2, June 1997. P. 145.
- ²²⁷ Титаренко М. Л. *Россия и Восточная Азия*. с. 188.
- ²²⁸ Joint Declaration of the Denuclearization of the Korean Peninsula. *An Era of Reconciliation and Cooperation Begins*. Published by National Unification Board, Republic of Korea. February 1992. p. 42-43.
- ²²⁹ *Коммерсант-Daily*, 13 марта ¹⁹⁹³ г.
- ²³⁰ Бунин В. Н. Япония в процессе формирования новой модели безопасности в СВА. *Информационный бюллетень № 10*. ИДВ РАН. М., 1994. с. 103.
- ²³¹ Титаренко М. Л. *Россия и Восточная Азия*. с. 198.
- ²³² *Япония и проблемы безопасности в АТР*. с. 241.
- ²³³ Ким Сок Кю. *Мир и стабильность в Северо-Восточной Азии (Многосторонний диалог в СВА)*, с. 97.

-
- ²³⁴ Yoo Young Ock. Fundamentals of and Prospects for Change in North Korea's Military Policy. *East Asian Review*. Vol. V, # 2. Summer 1993. p. 60.
- ²³⁵ *Ядерное распространение. Периодический сборник материалов и документов*. Московский Центр Карнеги, Российско-Американский Информационный пресс-центр. Москва. Вып. 9 - сентябрь 1995. с. 49.
- ²³⁶ *The Military Balance 1996/97*. The International Institute for Strategic Studies. Oxford University Press. London, October 1996. p. 172.
- ²³⁷ Agreement on The Establishment of The Korean Peninsula Energy Development Organization (KEDO). New York City - March 9, 1995. *Korea Observer*, Vol. XXVI # 2, Summer 1995. p. 144.
- ²³⁸ *Сегодня*, 21 апреля 1995 г.
- ²³⁹ Орлов Владимир. Что выгодно Минатому ... *Pro et Contra*, т. 2, № 3, лето 1997. с. 42.
- ²⁴⁰ *Ядерное распространение. Периодический сборник материалов и документов*. Вып. 9. с. 54.
- ²⁴¹ *Entering the Pacific Century*. By Senator Jesse Helms. The Heritage Lectures, # 562. The Heritage Foundation. 1996. p. 13.
- ²⁴² *Сегодня*, 24 июля 1996 г.
- ²⁴³ Интервью министра иностранных дел РК Кон Ро Мена. *Сегодня*. 15 сентября 1995 г.
- ²⁴⁴ Andrew Mack. A Nuclear Free Zone for Northeast Asia. *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. IX, # 2. 1995. p. 288-301.
- ²⁴⁵ Бунин В. Н. Япония в процессе формирования новой модели безопасности в СВА. с. 54.
- ²⁴⁶ *China: Arms Control and Disarmament*. Information Office of the State Council of the People's Republic of China. November 1995, Beijing. p. 18-19.
- ²⁴⁷ *Time*, June 21, 1993, p. 36-37.
- ²⁴⁸ *Ядерное распространение. Периодический сборник материалов и документов*. Вып. 9. с.1.
- ²⁴⁹ Там же, с. 3-16.
- ²⁵⁰ Lawrence E. Grinter. Asian Nuclear Weapons Proliferation and US Policy. *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. IX, # 1. 1995. p. 104.
- ²⁵¹ *Arms Control Today*. July/August 1994, p. 9.
- ²⁵² *Adelphi Paper* 299, p. 198-199.
- ²⁵³ Kristensen, Hans M. & Joshua Handler. The USA and Counter-Proliferation: A New and Dubious Role for US Nuclear Weapons. *Security Dialogue*. Vol. 27, # 4, December 1996. p. 391.
- ²⁵⁴ *China: Arms Control and Disarmament*.. p. 28-29.
- ²⁵⁵ *Ядерное распространение. Периодический сборник материалов и документов*. Вып. 9. с. 24.
- ²⁵⁶ C. Paul Robinson & Kathleen C. Bailey. To Zero or Not to Zero: A US Perspective on Nuclear Disarmament. *Security Dialogue*, Vol. 28, # 2, June 1997. p. 153.
- ²⁵⁷ *Независимая газета*, 12 октября 1995 г.
- ²⁵⁸ Ingvar Carlsson. Roles for the UN in International Security after the Cold War. *Security Dialogue*. Vol. 26, # 1. March 1995. p. 15.
- ²⁵⁹ *Известия*, 25 июля 1996 г.
- ²⁶⁰ Примаков Е. М. На горизонте - многополюсный мир. Международные отношения накануне XXI века: проблемы и перспективы. *Независимая газета*. 22 октября 1996 г.
- ²⁶¹ Орлов Владимир. Что выгодно Минатому ... *Pro et Contra*, т. 2, № 3, лето 1997. с. 44.
- ²⁶² *Military Balance 1996/97*, p. 171.
- ²⁶³ Бутрос Бутрос-Гали. *Организация Объединенных Наций и нераспространение ядерного оружия*. с. 42.
- ²⁶⁴ Andrew Mack. A Nuclear Free Zone for Northeast Asia. p. 308.
- ²⁶⁵ *Япония и проблемы безопасности в АТР*. с. 270-271.

-
- ²⁶⁶ Easing Arms Control Proliferation. A Proposal Easing Arms Proliferation. A proposal for a Nuclear Free Zone in Northeast Asia. *International Affairs*. Fall 1993. p. 16-21.
- ²⁶⁷ Andrew Mack. A Nuclear Free Zone for Northeast Asia. p. 311-313.
- ²⁶⁸ *NATO and Japan: Common Concerns for World Order. Dialogue on Security Issues Between the Atlantic Alliance and Japan*. NATO/Japan Security Conference. Brussels, December 1994.
- ²⁶⁹ Andrew Mack. A Nuclear Free Zone for Northeast Asia. p. 312-313.
- ²⁷⁰ *Разоружение*, Том XVIII, № 2, 1995, с. 48.
- ²⁷¹ Ronald Walker. Nuclear Disarmament: Zero and How To Get There. p. 145.
- ²⁷² Бутрос Бутрос-Гали. *Организация Объединенных Наций и нераспространение ядерного оружия*. с. 65.
- ²⁷³ *Ядерное распространение. Периодический сборник материалов и документов*. Вып. 9. с. 20.
- ²⁷⁴ Там же, с. 22.
- ²⁷⁵ Цит. по: Andrew Mack. A Nuclear Free Zone for Northeast Asia. p. 316.
- ²⁷⁶ *China: Arms Control and Disarmament*. p. 20-21.
- ²⁷⁷ *Korea Focus*, Vol. 1, # 2, 1993, p. 68.
- ²⁷⁸ *United Nations Chronicle*, Vol. XXXIV # 2, 1997, p. 76.
- ²⁷⁹ *Ядерное распространение. Периодический сборник материалов и документов*. Вып. 9. с. 45.
- ²⁸⁰ Jeung Young Tai. North Korea's Armament Industry, and the Buildup of the Biochemical Warfare Capability. *East Asian Review*. Vol. VII, # 2. 1995. p. 49.
- ²⁸¹ *Time*, June 21, 1993, p. 36-37.
- ²⁸² Проблема расширения НАТО на Восток: взгляд из Пекина. *Экспресс-информация № 4 ИДВ РАН*. М., 1997. с. 15.
- ²⁸³ *Restoring American Leadership: A U.S. Foreign and Defense Policy Blueprint*. Ed. By Kim R. Holmes and Thomas G. Moore. Heritage Foundation. 1996. p. 61-62.
- ²⁸⁴ *Military Balance 1996/97*, p. 287.
- ²⁸⁵ *Сегодня*, 21 апреля 1995 г.
- ²⁸⁶ *Китайская Народная Республика в 1993-1994 г. Политика, экономика, культура*. М., 1995. с. 292.
- ²⁸⁷ *Korea Newsreview*, September 25, 1993, p. 34.
- ²⁸⁸ *North Korea News* # 678, April 12, 1993. p. 5-6.
- ²⁸⁹ *Military Balance 1996/97*, p. 172.
- ²⁹⁰ C. Paul Robinson & Kathleen C. Bailey. To Zero or Not to Zero: A US Perspective on Nuclear Disarmament. p. 153.
- ²⁹¹ Леонард К. Спектор. *Нео-нераспространение*. с. 15.
- ²⁹² Han Yong Sup. Changes in the Northeast Asian Strategic Environment, and South Korean Security in the 21st Century. *East Asian Review*. Vol. VII, # 3, 1995. p. 14.
- ²⁹³ *Restoring American Leadership: A U.S. Foreign and Defense Policy Blueprint*. p. 58-66.
- ²⁹⁴ Regional Security and Economic Cooperation. International Academic Symposium. Taipei, Taiwan, ROC. January 14, 1993. p. 30-31.
- ²⁹⁵ *China: Arms Control and Disarmament*. Information Office of the State Council of the People's Republic of China. p. 22.
- ²⁹⁶ *Military Balance 1996/97*, p. 288.
- ²⁹⁷ *East Asia's Potential for Instability and Crisis*. Implications for the United States and Korea. Ed. by Jonathan D. Pollack, Hyun-Dong Kim. RAND. 1995. p. 47.
- ²⁹⁸ *East Asia's Potential for Instability and Crisis*. p. 52-67.
- ²⁹⁹ Проблема расширения НАТО на Восток: взгляд из Пекина. с. 16.

ГЛАВА 5

- ³⁰⁰ *Проблемы мира, безопасности и сотрудничества в азиатско-тихоокеанском регионе*. Материалы Второй рабочей встречи представителей ИДВ АН СССР и Центра по изучению проблем международной безопасности и контроля над вооружениями при Стэнфордском университете (США). Москва. 22-24 января 1990 г. ИБ ИДВ АН СССР. М., 1990. с. 171-172.
- ³⁰¹ *Независимая газета*, 7 октября 1995 г.
- ³⁰² Morgenthau, Hans J. *Politics Among Nations: The Struggles for Power and Peace*. New York: Alfred A. Knopf, 1985. p. 5.
- ³⁰³ Stephen D. Krasner. *Defending the National Interest*. Princeton, Princeton University Press. 1978. p. 5-6.
- ³⁰⁴ Балугев Д. Г. О национальных интересах России и ее месте в международных отношениях. *Вестник Фонда «Российский общественно-политический центр»* № 2, декабрь 1996 г. с. 9.
- ³⁰⁵ Арин О. *Азиатско-тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность*. М., 1997. с. 376.
- ³⁰⁶ *Послание по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию*. М., 1996. с. 9-23.
- ³⁰⁷ Гельбрас В. Г. *Азиатско-тихоокеанский регион: проблемы экономической безопасности России*. М., 1995. с. 18.
- ³⁰⁸ Рыбкин И. П. Откуда исходят угрозы. Интервью с секретарем Совета Безопасности РФ. *Граница России*, № 34, сентябрь 1997 г.
- ³⁰⁹ *Внешняя политика России - 1996. Анализ политиков и экспертов*. СИНУС-Москва, ВЦИОМ. Москва, Мюнхен. 1996. с. 6-32.
- ³¹⁰ *Этап за глобальным. Либеральный национализм во внешней политике России*. Доклад независимой группы экспертов. Изд. 2-е. Российский Научный Фонд. М., 1994. с. 34.
- ³¹¹ *Этап за глобальным. Либеральный национализм во внешней политике России*. с. 22.
- ³¹² *О действенности государственной власти в России*. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 1995. с.48- 57.
- ³¹³ *Сегодня*, 18 апреля 1996 г.
- ³¹⁴ Денисов В. И. Россия в АТР. Безопасность и сотрудничество. *Международная жизнь*, № 4-5, 1995. с. 80.
- ³¹⁵ Paul Kennedy. *The Rise and Fall of Great Powers*. New York: Random House. 1987. p. xvi.
- ³¹⁶ Лукин В.П. О внешней политике России. *Sapere Aude. Вестник Московской школы политических исследований*. № 1, 1995. с. 90-91.
- ³¹⁷ *Внешнеполитическая концепция Российской Федерации*. Дипломатический Вестник. Специальный Выпуск. М., МИД РФ. Январь 1993. с. 15-16.
- ³¹⁸ *Проблемы Дальнего Востока* № 2, 1995. с. 9.
- ³¹⁹ Там же. с. 12.
- ³²⁰ Болятко А. В. *На пути регламентации военной деятельности*. Информационный бюллетень № 3. ИДВ РАН. М., 1996. с. 131.
- ³²¹ Цит по *Сегодня*, 4 февраля 1994 г.
- ³²² Бутрос Бутрос-Гали. *Организация Объединенных Наций и нераспространение ядерного оружия*. Информационный Центр ООН. М., 1995. с. 40.
- ³²³ *Российская газета*, 20 ноября 1992 г.
- ³²⁴ Япония и проблемы безопасности в АТР. с. 241.
- ³²⁵ М. Л. Титаренко. Корейский полуостров и безопасность в Северо-Восточной Азии: взгляд из России. *Актуальные проблемы Корейского полуострова*. М., 1996. с. 195-196.
- ³²⁶ Труд, 28 сентября 1994 г.

-
- ³²⁷ Красная Звезда, 3 августа 1995 г.
- ³²⁸ Xue Gang & Xu Jun. Russia's Asia-Pacific Strategy. *International Strategic Studies*, # 4, December 1995, p. 19.
- ³²⁹ Ядерное распространение. Периодический сборник материалов и документов. Вып. 9. с. 31.
- ³³⁰ Япония и проблемы безопасности в АТР. с. 158.
- ³³¹ Проблемы Дальнего Востока, № 3, 1995, с. 9.
- ³³² Andrew Mack. A Nuclear Free Zone for Northeast Asia. p. 320.
- ³³³ Russia and Japan: An Unresolved Dilemma Between Distant Neighbors. Tsuyoshi Hasegawa, Jonathan Haslam, and Andrew Kuchins, Ed. Univ. of California at Berkeley. 1993. p. 410.
- ³³⁴ Независимая газета, 6 октября 1995 г.
- ³³⁵ Проблемы Дальнего Востока, № 2, 1995, с. 6.
- ³³⁶ Китай, китайская цивилизация и мир. История. современность, перспективы. Сборник докладов и сообщений участников V Международной научной конференции. Москва. 12-14 октября 1994 г. М., 1995. Ч. 1. с. 11.
- ³³⁷ Карасин Г. Россия и Китай на пороге тысячелетия. *Международная жизнь* № 6, 1997. с. 14.
- ³³⁸ Галенович Ю. М. РФ и КНР на пороге XXI века: совпадение и различие национальных интересов. *Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX – начале XXI века*. М., 1997. Ч. 1. с. 146.
- ³³⁹ Киреев Г. Стратегическое партнерство и стабильная граница. *Проблемы Дальнего Востока*, № 4, 1997. С. 11.
- ³⁴⁰ Красная звезда, 12 апреля 1997 г.
- ³⁴¹ Актуальные проблемы Корейского полуострова. с. 203.
- ³⁴² Труд, 3 июня 1994 г.
- ³⁴³ Актуальные проблемы Корейского полуострова. с. 198.
- ³⁴⁴ Ткаченко В. Последствия объединения Кореи для России и безопасности в СВА. *Проблемы Дальнего Востока*, № 4, 1997. С. 40.
- ³⁴⁵ Концепция национальной безопасности России в 1995 году. АО РАУ-Корпорация. М., *Обозреватель* № 3-4, 1995. с. 91.
- ³⁴⁶ Пухов Руслан. ВПК осмысливает свои интересы. *Pro et Contra*, т. 2, № 3, лето 1997. с. 24.
- ³⁴⁷ Россия, за которую мы в ответе (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации). *Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию*. М., 1996. с. 32.
- ³⁴⁸ *Regional Security and Economic Cooperation*. International Academic Symposium. p. 59-60.
- ³⁴⁹ Цит. по: *Япония и проблемы безопасности в АТР*. с. 237.
- ³⁵⁰ Parris H. Chang. Forging Security Cooperation in Asian-Pacific Region: A Taiwan Perspective. p. 388.
- ³⁵¹ См. : *Проблемы Дальнего Востока*, № 3, 1997, с. 37.
- ³⁵² Ким Сок Кю. Ук. соч., с. 110.
- ³⁵³ *Business MN*, 17 ноября 1995 г., с. 17.
- ³⁵⁴ Пухов Руслан. ВПК осмысливает свои интересы. с. 30.
- ³⁵⁵ Там же, с. 24.
- ³⁵⁶ Денисов В. И. Ук. соч., с. 88.

